

ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი
ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტი

სლავური ფილოლოგია

ელმირა ზოგრანიანი

**ცნება „დროის“ კონცეპტუალიზაცია სამყაროს ენობრივ
სურათში
(თანამედროვე რუსული ენის მასალაზე)**

ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი
ფილოლოგიის დოქტორის (Ph.D.) აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად
წარდგენილი

დ ი ს ე რ ტ ა ც ი ა

სამეცნიერო ხელმძღვანელები: ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორი,
ასოცირებული პროფესორი
ნატალია ბასილაია,
ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორი
ჟანეტა ვარძელაშვილი

თბილისი

2011

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили
Факультет гуманитарных наук

Славянская филология

Эльмира Зогранян

**Концептуализация понятия «время» в языковой картине мира
(на материале современного русского языка)**

Д и с с е р т а ц и я,

представленная на соискание академической степени доктора филологии (Ph.D.)
Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили

Научные руководители:

доктор филологических наук,
ассоциированный профессор
Наталия Басилая,
доктор филологических наук
Жанетта Вардзелашвили

Тбилиси
2011

Содержание

Введение	3
Глава первая. Теоретические проблемы категоризации и вербализации человеческого опыта	
I. 1. Теоретические и методологические черты современной лингвистики	13
I. 2. Язык и восприятие мира	19
I. 3. Концепт как термин и объект лингвистического анализа	27
I. 4. Лингвистические методы описания концепта	36
I. 5. Алгоритм построения схемы-модели концептуального множества «время»	41
I. 6. Постигание феномена «время»: философия сознания vs. научное знание (анализ познавательного поля культурной эпистемы)	43
I. 7. Модель-конструкт культурной эпистемы «время»	54
Глава вторая. Лексема «время» как динамическая система связей одноименной концептуальной категории в русском языковом сознании	
II.1. Анализ ключевой лексемы-номинатора концептуального множества «время»	63
II.2. Когнитивная интерпретация словообразовательного гнезда ключевой лексемы концепта «время»	73
II. 3. Модели узуальной метафоризации ключевой лексемы концепта «время»	86
II. 4. Анализ ассоциативно-вербальной модели «время» в русском языковом сознании	94
II.5.Время как ценность в русском языковом сознании (на материале паремиологических текстов, содержащих ключевую лексему)	106
Глава третья. Концептуализация темпорального опыта в русском языковом сознании	
III.1. Моделирование фреймового поля и структуры концепта «время»	120
III.2.Семантическая плотность когнитивных классификаторов узуального концептуального поля «время»	132
III.3.Модели времени и способы их языковой экспликации в идиостиле Иосифа Бродского	158
Заключение	175
Список цитируемой и использованной литературы	193

Введение

*«Само бытие есть время»
Мартин Хайдеггер*

*«Язык придает основную форму тем свойствам,
которые разум признает за вещами»
Эмиль Бенвенист*

Одной из основополагающих характеристик науки XXI века является ее гуманитарная, антропоцентрическая, направленность. Несмотря на то, что у каждой науки гуманитарного цикла свой предмет и методология, эти науки находятся в тесной связи друг с другом: большинство гуманитарных исследований последних десятилетий ведется сквозь призму триады «человек – язык – культура». Этот факт объясняет интердисциплинарность современного научного поиска, синергетичность методов анализа и свидетельствует о признании современной наукой того факта, что человек формируется и развивается в пространстве языка и культуры.

Признается, что в языковом сознании народа отражается картина мира: совокупность образов действительности, которая представляет собой динамическую систему дискретных ментальных образований. В этих ментальных образованиях фиксируются значимые фрагменты мира и аспекты бытия. Картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Поэтому в современной гуманитарной парадигме язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Но национально-культурная специфика устанавливается только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства.

На разработку проблем языка и этноса серьёзное влияние оказали философско-антропологические идеи В. фон Гумбольдта, развитые в антропологической лингвистике Э. Сепира и Б. Ли Уорфа, трудах М. Сводеша, В. Порцига, Л. Вайсберга и др. Фундаментальные положения об антропоцентризме языка и мышления А.А. Потебни, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, работы в области логического анализа языка и выявления сущности языковой картины мира А. Вержбицкой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Е.С. Кубряковой и др., философские размышления Кассирера, Гадамера,

Хайдеггера и др. способствовали утверждению общепринятого в современной науке мнения о языке как средстве доступа к ментальным процессам, которые определяют бытие человека и его поведение в обществе, утверждения идеи о том, что владение языком предполагает концептуализацию мира. Язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, следовательно, процесс изучения языка – это косвенное изучение познания. Данные о языке – «специально отобранные и специально обработанные – могут и должны использоваться для освещения более широкого круга проблем, касающихся как природы человеческого разума и интеллекта, так и его поведения, проявляющегося во всех процессах взаимодействия человека с окружающим его миром и людьми» (Кубрякова: 2004, с. 9). Эти многочисленные исследования выдающихся ученых вывели современную лингвистику на качественно новый уровень.

В исследовательских целях лексическая единица все чаще рассматривается как концепт, абстрактная единица ментального лексикона, культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном и индивидуальном сознании, которой, как признается в новейшей лингвистике, человек оперирует в процессе когниции и концептуализации знаний о мире. Очень обобщенно концепт может толковаться как понятие, пропущенное через чувственный образ. Концепты рождаются в сознании индивида как образы, которые вербализуются с разной степенью точности. Следовательно, они могут быть исследованы лингвистическими методами (Кубрякова 1996; Степанов 1997; Болдырев 2000; Попова 2001; Серебрянников 2001; Карасик 2002 и др.).

Содержание вербализованных концептов становится доступным благодаря анализу семантики слов, фразеологических единств, коллокаций, схем предложений, текстов. Процессы концептуализации актов когниции исследуются в лингвистике путем выявления максимально полного состава языковых средств, объективирующих анализируемый концепт, и описания его семантики.

Общенациональные концепты, зафиксированные в пределах семантической системы языка, формируют языковую картину мира определенного лингвокультурного сообщества. Моделирование языковой картины мира, как признается современной лингвистикой, возможно лишь посредством анализа входящих в нее концептов. «Языковая, или наивная картина мира, представляет собой образ мира, отраженный обыденным сознанием носителей языка и опосредованный семантикой языковых категорий, т.е. мировидение народа через «призму» языка» (Бусурина: 2005, с. 125). Языковая картина мира является и отражением ценностной, мифологической, религиозной, научной и т. д. картин мира. Она фиксирует результаты всей человеческой

деятельности, поэтому отличается универсальностью и интегральностью, что следует из понимания языка как универсального средства передачи и хранения информации.

Перечисленный круг вопросов решается в новейшем языкознании с позиций когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этно- и социолингвистики, психолингвистики, а также находящейся в стадии становления новой отрасли знания – лингвистической концептологии, в задачи которой входит описание лингвистическими средствами названных в языке концептов.

Выбор темы. Проблема выявления опорных концептов языковой картины мира, семантического и аксиологического описания их содержания, моделирование структуры и процессов концептуализации понятий относится к числу наиболее актуальных в лингвистике на современном этапе ее развития. Когнитивная лингвистика, лингвокультурология и концептология сосредоточены на описании и моделировании содержания исследуемого концепта как глобальной ментальной единицы групповой (национальной) концептосферы. При этом особое внимание уделяется выявлению, так называемых, базовых, ключевых концептов культуры. Обращение к проблеме концептуализации понятия «время» обусловлено нижеследующим.

Первое: Эмпирически очевидно, что концепт «время», «наряду с концептом пространства, является одним из основополагающих в системе знаний человека о мире» (Нильсен: 2006). Темпоральная концептосфера относится к числу наиболее значимых в языковом сознании: все сущее осознается и определяется человеком в категориях перемен, преобразования, осуществления, зарождения, развития и старения. Образ времени как образ движущегося и изменяющегося мира относится к числу наиболее общих, универсальных категорий человеческого сознания и культуры. Уникальность этого феномена состоит в том, что образ времени существует как перцептивная данность, которая имеет объективное и субъективное начало. Но с точки зрения естественных наук, время не зависит от сознания, ибо существует вне него. Феномен времени привлекает внимание исследователей из самых различных сфер. Отправным пунктом данной работы является тезис о том, что постижение времени возможно через анализ фактов языка.

Время вненационально, и это делает его языковой универсалией на лингвоментальном уровне. Вместе с тем, сопоставительные данные различных языков, включая языковую экспликацию времени в лексике, семантике, грамматике, свидетельствуют о том, что отношение к феномену времени отличается в различных культурах. Данный факт позволяет рассматривать концепт «время» в ряду опорных, базовых концептов национальной картины мира, содержащих как универсальное

осмысление понятия, так и национально-культурный компонент значения и специфику его концептуализации.

Второе: время – один из наиболее осмысленных феноменологических концептов на уровне языкового сознания, что, в том числе, подтверждается семантической плотностью темпоральной лексики и большим количеством паремий, связанных с образом времени у разных народов. Моделирование концептуального поля «время» на материале русского языка свидетельствует о наличии целого спектра когнитивных классификаторов и уровней абстракции, вычленяемых в его структуре. Системообразующим прототипическим элементом для данного множества является установленный методом компонентного анализа ключевой лексемы и когнитивной интерпретации полученных данных базовый чувственный образ/семантический параметр, вариативно присутствующий во всех его единицах.

Третье: концепт «время» как результат процессов концептуализации одноименного понятия может быть проанализирован и как лингвокультурный концепт, образующий ментальные изоглоссы в языке и культуре. Понятие «время» является древнейшей универсалией культуры, которое концептуализировалось в языковом сознании на основании нескольких моделей, сложившихся в различные исторические эпохи. Отражение форм его концептуализации в языковом сознании установлено на основании моделирования условной схемы-конструкта «культурная эпистема» (Вардзелашвили: 2011), с последующим анализом темпоральной лексики. Данный ракурс исследования позволяет проследить процессы эволюционирования языкового сознания – от первичного к абстрактному. При этом могут быть выведены как универсальные, так и национальные черты времени как феномена человеческого сознания, а также субъективные параметры его осмысления в ментальном лексиконе отдельной языковой личности (в работе этот аспект проблемы исследуется на материале идиостиля И. Бродского). Данный анализ дает возможность выявить содержательное наполнение понятия, его дистрибуцию и типы связей лингвистических форм внутри одного и того же языка, но на качественно ином уровне абстракции.

Актуальность исследования: определяется как внутрilingвистическими, так и внелингвистическими факторами. Вне лингвистики проблема времени изучается в различных науках; она рассматривалась практически всеми философскими направлениями, начиная с античных времен. На современном этапе развития научной мысли выявлено, что многие вопросы, касающиеся природы феномена времени, не могут быть удовлетворительно решены без предварительных лингвистических разработок. Данные о языке – «специально отобранные и специально обработанные – могут и должны

использоваться для освещения более широкого круга проблем, касающихся как природы человеческого разума и интеллекта, так и его поведения, проявляющегося во всех процессах взаимодействия человека с окружающим его миром и людьми» (Кубрякова: 2004, с. 9).

Моделирование концептов стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной филологии, что иллюстрирует утверждение о повышенном интересе исследователей к роли человеческого фактора и культурной личности в процессах концептуального познания действительности и языкового мышления.

Внутри лингвистики все еще не вполне решенной остается проблема методов описания процессов концептуализации лексики, включая вопросы моделирования и конструирования концептов.

Работа выполнена в контексте современных лингвистических тенденций исследования глубинных процессов языка и мышления, которые, при некотором различии представителей различных школ в понимании концептов, методах и приемах их исследования, едины в признании того, что: а) концепт является основной единицей сознания; б) он имеет объективацию языковыми средствами; в) через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере; г) в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания. Но именно данные языка дают наиболее полный и достоверный материал для научного описания концептов и моделирования концептуальной картины мира в языковом сознании (Карасик, Стернин: 2005).

Диссертация посвящена анализу процессов концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании, моделированию и фундаментальному описанию одноименного концепта. На основании наличия инвариантного прототипического элемента путем полной выборки из академических толковых словарей русского языка, Толкового словаря живого великорусского языка Вл. Даля, словарей синонимов и антонимов русского языка, Фразеологического словаря русского языка под редакцией А. И. Молоткова (1967), комплексного учебного словаря «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина (1984), Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т. В. Ефремовой, «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова отобрано 824 лексические единицы, проанализированные сквозь призму языковой экспликации процессов концептуализации понятия «время». К анализу привлечены данные из Национального корпуса русского языка (синтаксического,

семантического, частотного, поэтического), Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен, Русского ассоциативного словаря (2002) и Русского сопоставительного ассоциативного словаря Г. А. Черкасовой (2008). Анализ этимологии ключевого слова концепта представлен на материале Этимологического словаря русского языка А. Г. Преображенского (1959), Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (1986) и Словаря констант русской культуры Ю. С. Степанова (2003).

В работе предложен анализ паремий и фразеологизмов, составляющих узуальное интерпретационное поле концепта, которые могут быть поняты как «антропологические схемы и приоритетные нормы поведения» (Карасик: 1997), свойственные представителям определенного этноса. Узуальное интерпретационное поле концепта, отраженное в паремиях, дополняется примерами из художественного дискурса (на материале идиостиля И. Бродского) как иллюстрация идеи когнитивной лингвистики о концептуальных структурах, связанных системообразующими отношениями с другими понятиями, обладающими «разной степенью обобщенности, рациональности, теоретической строгости, объяснительности, креативности, культурно-исторической и индивидуально-творческой содержательности» (Старовойтенко: 2001, с. 408).

Весь эмпирический материал, привлеченный к исследованию, анализируется с лингвокультурологических позиций: выявляются модели концептуализации понятия «время», на основании которых осваивались различные ракурсы понятия «время» в русском языковом сознании.

Научная новизна работы В современном языкознании отсутствует интегративное описание концептуального поля «время» в русском языковом сознании, ориентированное не только на выявление механизмов категоризации и концептуализации анализируемого понятия, но и на анализ своеобразия трансляции понятия «время в различные формы бытия человека с позиций аксиологических доминант, культурологических схем, приоритетных норм поведения, связанных со своеобразием его освоения в данной лингвокультуре. Такой подход позволяет выявить не только когнитивные процессы, отраженные в языке, но и определенные звенья между универсальным и уникальным в языке, так называемые, «субкатегориальные признаки» времени (в терминологии В. И. Карасика). Впервые предлагается анализ лингвокультурологического концепта на основании конструирования модели его культурной эпистемы.

В работе предложен разработанный в ходе исследования пошаговый алгоритм моделирования и лингвистического описания лингвокультурного концепта.

Теоретическая модель анализируемого концептуального поля конструируется на базе лингвокогнитивного и лингвокультурологического подхода, что позволяет укрупнить проблему и впервые представить синхронный срез концепта «время» как мотивированное культурой

когерентное топологическое системное целое. Предлагаемая модель лингвокультурного концепта «время» выстраивается на основании выявленного прототипического компонента значения, понимаемого как «свертка» двух составляющих: базового чувственного образа *процессуальный модус бытия* и семантического параметра *мера длительности всего происходящего, существующего*. Таким образом, центром исследования становится вопрос о выявлении сходства и «нахождении различительных признаков в противопоставлении вариантов» (Балли: 2002). Классификаторы, которые объединяют отобранную лексику по сегментам поля, установлены на основании анализа компонентов значения дефиниций слова-номинатора концепта «время» во всех указанных толковых словарях. Полученные данные были сопоставлены с количеством и содержанием тематико-смысловых групп понятия «время», представленными в комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина (1984). Классификаторы когнитивных процессов, предложенные в модели, носят условный характер; границы между ними не могут быть четкими: сознание синкретично, его членение возможно лишь в исследовательских целях.

Впервые на основании предлагаемого в работе комплексного подхода к описанию единиц лексико-фразеологической системы русского языка, вербализующих различные социально-психологические и культурно-лингвистические характеристики понятия «время», предлагается системное описание и принципы структурирования понятия «время», а также – объяснение механизмов его освоения с позиций человека-носителя обыденного языкового сознания.

Лингвокультурологический подход к анализу концептов предполагает, что когнитивная интерпретация семантики языковых единиц не представляется возможной вне учета факторов, мотивированных культурой. На этом основании процессы концептуализации понятия «время» исследуются с привлечением обширного материала из области культурологии, что позволяет проследить развитие уровней абстракции при построении ментальных моделей времени: от первичных, архетипических моделей и моделей, сформированных религиозными установками, до все более сложных конструктов, отражающих философское и научное знание. Способы восприятия и категоризации времени выражаются в языке, отражая систему взглядов, «наивную коллективную философию» его носителей. И если научное знание растет, развивается, может устаревать, то обыденное знание как схема восприятия мира, закреплённая в пространстве языка, передается от поколения к поколению в виде установок, норм, ценностных оценок.

На основании анализа семантики языковых единиц обосновывается утверждение, что ни одна модель, будучи вытесненная в сознании новой, не исчезает из него

полностью. Они могут перемещаться в периферийные зоны, но продолжают влиять на конструирование образов времени.

Выдвигается гипотеза о формировании в сознании современного человека новой модели времени, условно названной «конструируемое время». Данный аспект исследуется и верифицируется на материале дискурса текстов И. Бродского.

Научная новизна заключается и в том, что в работе выстраивается оппозиция «объективное время – субъективное время», что позволяет посредством анализа средств и способов языковой экспликации осмысления понятия проанализировать феномен времени как экзистенциальную категорию.

Объектом исследования являются:

а) лексические и фразеологические единицы современного русского литературного языка, содержащие в своей семантике прототипическое ядро концепта, которое выступает в качестве константного элемента структурируемого множества;

б) прагматические параметры номинатора концепта, реализующиеся в ситуации речевого общения;

в) специфика прототипического элемента, концептуальной «свертки» базового чувственного образа *процессуальный модус бытия* и семантического параметра *мера длительности всего происходящего, существующего* как концептообразующего процесса на всем пространстве концептуального поля;

г) процесс концептуализации понятия, свернутый в лексическом значении языковых единиц – членов анализируемого концептуального множества;

д) модели концептуализации времени и национально-специфические параметры, отражающие особенности национального мировидения и универсальные признаки освоения понятия;

е) функционирование концепта в идиолекте отдельной языковой личности (на материале художественного дискурса И. Бродского);

ж) функционально-когнитивные и культурологические параметры, определяющие архитектуру концепта и специфику его концептуального поля.

Целью исследования является выявление и описание процессов концептуализации анализируемого понятия; подтверждение достоверности гипотезы о существовании в структуре концепта базового чувственного образа, который эксплицитно или имплицитно присутствует в семантике языковых единиц, вовлекаемых в ареал концепта; на материале анализа языковых единиц подтверждение гипотезы о непрекращающемся процессе концептуализации понятия «время» в языковом сознании; установление национально-культурного компонента значения концепта, характерного именно для русского языкового

сознания. «Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, мы можем получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка» (Стернин, Попова, 1999: с.11). Такой анализ позволяет раскрыть содержание концепта, принадлежащее концептосфере лингвокультурного сообщества в целом, т.е. инвариантное содержание, и сопоставить его с абстракциями вариативных смыслов, формирующимися в идиостиле отдельной языковой личности.

Задачи исследования. Для достижения указанных целей в настоящей работе ставились следующие задачи:

1) на основе анализа научной литературы обосновать теоретические позиции исследования концепта и лингвистического описания процессов концептуализации понятия «время»;

2) разработать алгоритм исследования лингвокультурного концепта «время», методику конструирования его структуры и моделирования концептуального поля;

3) определить базовый чувственный образ и семантический параметр концепта для установления прототипического ядерного элемента, который структурирует данное лингвоментальное множество;

4) установить онтологические основания концепта «время» в русском языковом сознании, проанализировать феномен времени как экзистенциальную категорию посредством анализа средств и способов языковой экспликации осмысления понятия;

5) выстроить модель культурной эпистемы «время»;

6) выявить модели концептуализации времени, национально-культурную и индивидуальную специфику содержательного наполнения концепта «время» на основании исследования словарных дефиниций его репрезентаторов, анализа их лексической сочетаемости, коллокаций, фразеологических единиц, паремий и текстов художественной литературы;

7) выстроить модели фреймового и концептуального поля «время»;

8) теоретически обобщить полученные данные.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть полезны при анализе структур различных концептов, моделировании концептосфер и концептуальной картины мира в русском языке. Результаты работы могут найти применение в различных спецкурсах и спецсеминарах по проблемам общего и славянского языкознания, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации.

Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников: полная выборка лексических единиц из существующих толковых академических словарей русского языка и Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т. В. Ефремовой, Фразеологического словаря русского языка под редакцией А. И. Молоткова (1967), содержащих установленный прототипический элемент (всего: 824 единицы); данные Толкового словаря живого великорусского языка Вл. Даля, словарей синонимов и антонимов русского языка, комплексного учебного словаря «Лексическая основа русского языка» под редакцией В. В. Морковкина (1984), «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова. К анализу привлечены данные из Национального корпуса русского языка (синтаксического, семантического, частотного, поэтического), Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен, Русского ассоциативного словаря (2002) и Русского сопоставительного ассоциативного словаря Г. А. Черкасовой (2008), Антология концептов (2005), поэтические тексты, эссеистика и интервью И. Бродского, а также данные опросов реципиентов. Анализ этимологии ключевого слова концепта представлен на материале Этимологического словаря русского языка А. Г. Преображенского (1959), Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (1986) и Словаря констант русской культуры Ю. С. Степанова (1997; 2003).

Решение поставленных в данном исследовании задач осуществляется на базе комплексной методики с привлечением дедуктивно-гипотетического, полевого, компонентного, дистрибутивного, семантико-когнитивного, лингвокультурологического, интроспективного и квантитативного методов анализа лексем и коллокаций, составляющих лингвокогнитивное единство – концепт «время» в русском языке.

Глава I

Проблемы категоризации и вербализации человеческого опыта

I.1. Теоретические и методологические черты современной лингвистики

Активное развитие современной лингвистики исследователи связывают с явно выраженной тенденцией расширения ее границ, что способствует возникновению и формированию новых областей знания: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая концептология, лингвистика текста, коммуникативистика, теория речевых актов и т.п. Этот процесс способствует укрупнению предметов исследования внутри уже сложившихся уровневых лингвистических дисциплин. Современные исследования в области языкознания все более тяготеют к объяснению языковой формы через ее функцию в процессе речевой деятельности, стратификации семантики (план содержания – план выражения, взаимодействие системы и среды) и др. С этим процессом связывают и известную размытость границ теоретической лингвистики, включая полемику о том, что составляет предмет лингвистического исследования и как его можно рационально ограничить, не теряя специфики собственно лингвистического анализа (см.: Кубрякова 1995: 208-211).

Однако главной отличительной чертой современной лингвистики принято считать антропологический принцип исследования, предполагающий изучение научных объектов в связи с их ролью в жизнедеятельности и развитии человека. Следовательно, краеугольным камнем всех теоретических предпосылок в научной парадигме является человек как «мера всех вещей». Стремление найти языковым феноменам полное и адекватное объяснение предполагает синтез собственно лингвистических данных с данными наук всего гуманитарного цикла. Антропоцентрический принцип лингвистической концепции восходит к утверждению: «язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим. /.../ Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Степанов: 2002, с. 14-15).

Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике, но ее истоки восходят к классическим трудам по языкознанию XIX в.: теория формы языка В. Гумбольдта, работы А. А. Потебни, И. А. Бодуэна дэ Куртенэ и др. Так, И. А. Бодуэн дэ Куртенэ отмечал: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как

материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» (1963, с.312).

Тем не менее, логика развития лингвистической мысли на протяжении первой половины XX в. преимущественно оказалась направленной на поиск внутренних – структурных – связей и отношений между элементами языковой системы, которые обеспечивают её целостность, как в данный период развития, так и тождество языка самому себе в разные периоды его эволюции. В результате господства такого похода язык стал пониматься как сложная многоуровневая система, состоящая из множества взаимосвязанных и взаимообусловленных дискретных элементов. Он сводился к структуре, т.е. сети отношений между её элементами. Такой ракурс исследования, вошедший в историю науки под общим названием «Лингвистический структурализм», при всех несомненных достижениях уводил от проблемы изучения содержательной стороны языковых единиц. Поэтому уже к 70-м годам XX в. в языкознании «общим стало признание недостаточной адекватности традиционного подхода к языковому значению, отождествляющего его с универсальными и неизменными понятиями (при следовании принципам старой логики) или с изменчивыми представлениями (при обращении к принципам психологии). Была осознана ограниченность семантических представлений Г. Пауля и М. Бреаля /.../. Многие лингвисты отказывались принимать бихевиористскую трактовку значения (Л. Блумфилд) как того или иного физического предмета или действия, локализуемого во внеязыковом ряду)» (Суслов: История языкознания)¹. Антиментализм, или бихевиористский механицизм, господствовал преимущественно в американской лингвистике. Эта эра завершилась с выходом книги Джерролда Дж. Катца и Джерри А. Фодора о семантическом компоненте порождающей трансформационной грамматики (1963). Считается, что с тех пор в американском языкознании начался период «семантического ренессанса». В современном американском языкознании прочно утвердился ментализм, исследующий значение, мышление, сознание и тесно сотрудничающий со многими смежными науками, включая и когнитивную науку. Ее представители активно исследуют ментальные единицы и процессы, психические представления, концепты, структуру человеческого знания и конструируют когнитивные структуры: схемы, фреймы, скрипты, сцены, чанки, гештальты, семантические сети и т.п.

Но в Европе проблемами значения активно занимались многие выдающиеся языковеды, психологи и философы: Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, А.Н. Леонтьев, К. Бюлер, Дж. Лайонз, С.Д. Кацнельсон, В.А. Звегинцев, Г. Фреге, Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Г.

¹ И. П. Суслов: История языкознания; электронный ресурс; режим доступа: <http://lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt>; дата доступа: январь 2009

Гуссерль, Л. Витгенштейн, А. Чёрч, Дж. Л. Остин, Дж. Р. Сёрл, Э. Кассирер, Р. Барт, У. Эко и многие другие.

Именно с работами выдающихся лингвистов, семиотиков, психологов и философов прошлого столетия связано переосмысление сущностных свойств языка и, как следствие, зарождение и активное развитие новых направлений в лингвистике. Так, например, в «Общей лингвистике» Э. Бенвениста сказано: «...язык – это структура, несущая значение, и мыслить – значит оперировать знаками» (2002, 114). Новейшая лингвистика отличается качественно новым подходом к объекту исследования: язык стал изучаться в его диалектически сложной связи с познавательной и мыслительной деятельностью человека. В европейской лингвистике это свойство языка понимается так, как его называл Эмиль Бенвенист: «человек в языке». «В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы» (Маслова: 2001, с.6). Как отмечал В. А. Звегинцев, «лингвистика, вступая в сотрудничество с такими науками как логика, психология, теория познания, вычислительная математика, искусственный интеллект, образует особую комплексную науку – когнитологию, направленную на изучение такого чрезвычайно сложного явления, как человеческое мышление, с задачей познания которого не способна справиться ни одна из названных наук в отдельности» (Звегинцев: 1996, с. 229).

Современные антропологические науки, исследующие язык и взаимодействие языка с сознанием и мышлением, характером мыслительных процессов, природой и номенклатурой создаваемых мозгом ментальных единиц, опираются на утверждение: «семантический компонент языковой системы взаимодействует со сферой сознания и мышления, где локализуются мыслительные (ментальные) явления и процессы, связывающие человека с отображаемым (а также с воображаемым) внешним миром (Сусов: История языкознания)»². Этими проблемами занимаются философия, антропология, нейробиология, психология, семиотика, лингвистика, теория искусственного интеллекта и когнитивная наука.

Языковая деятельность в когнитивизме рассматривается как одна из разновидностей когниции (построение образов и логический вывод на их основе, получение новых знаний, исходя из имеющихся сведений, и т. п.). Исследуя проблему познания человеком мира, когнитологи признают, что главной составляющей когниции является язык, и именно поэтому одним из самых актуальных сегодня является изучение соотношения когниции и языка. Существенно, что при анализе человеческого разума и

² И. П. Сусов: История языкознания; электронный ресурс; режим доступа: <http://lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt>; дата доступа: январь 2009

происходящих в нем процессов ученые противопоставляют научное познание мира и постоянно протекающую естественную когницию, которая направлена на обыденное взаимодействие с миром (см., например, M. Schwarz: 1995). Научное и обыденное познание противопоставляется на основании того, что является конечной целью акта когниции: «первое ориентировано на получение истины, а второе – на чисто прагматические цели» (Лазарев: 1999), такие как выживание, приспособление к окружающей среде, классификация данных непосредственного восприятия, членение потока информации и т. п. Именно поэтому когнитивность – это, прежде всего, естественно постигаемое, познаваемое в ходе обычного опыта. А структуры знания, которые зафиксированы в языке, – это естественные структуры опыта, осмысления, категоризации и оценок мира, которые разделяют все члены данного языкового сообщества.

В этой связи в работе Е. С. Кубряковой «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века» приводится высказывание Яна Ньютса: «Сегодня область науки о языке вряд ли можно охарактеризовать как нечто связанное, это скорее конгломерат различных сфер познания языка со своими собственными объектами анализа. Возникает вопрос, под эгидой какой науки можно было бы собрать все это и подчинить исследование языка более цельной программе. Ответ на этот вопрос все чаще формулируется так: исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное» (Nuuts цит. по: Кубрякова 1995: с. 215-216).

В рамках когнитивизма сформировалось самостоятельное научное направление – когнитивная лингвистика. Становление и развитие когнитивной лингвистики связывают, прежде всего, с трудами американских лингвистов Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джакендорфа, трудами польской исследовательницы А. Вежбицкой, российских ученых Е. С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяна, Н. Н. Болдырева, И. А. Стернина и др.

Подавляющее большинство сведений о мире человек постигает в ходе деятельности, опосредованной языком. Именно поэтому одним из главных вопросов когнитивной лингвистики является вопрос, как структуры языкового знания участвуют в процессах категоризации реалий мира, как они репрезентируются и участвуют в переработке информации? В задачи этого научного направления входит системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка, включая принципы структурирования знаний.

Однако научный аппарат и методология когнитивной лингвистики все еще находится в стадии становления. Она оперирует как классическими методами

лингвистического анализа, так и теми, которые формируются в русле антропологических наук и собственно лингвистических теорий.

Основные исследования в области проблем когнитивной лингвистики условно могут быть представлены следующими двумя направлениями: 1) исследование структур представления различных типов знания; 2) исследование способов концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений (Новое в зарубежной лингвистике: 1988). Сказанное не означает, что этим исчерпывается круг проблем когнитивной лингвистики, но именно эти направления определяют ее наиболее перспективные исследования: от конкретного, выраженного в языковом знаке и формах языка, к абстрактному, открывающему доступ к ментальным пространствам организации и вербализации знаний о мире.

Под ментальным пространством понимается «определенная мыслительная область, область концептуализации, которая может охватывать наше понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, гипотетические ситуации и ситуации возможных миров, абстрактные категории» (Болдырев: 2001, с.31). Ментальные пространства имеют чисто когнитивный статус, поэтому они не существуют вне мышления. Признается, что они структурируются с помощью когнитивных моделей – скрипта, фрейма, сценария, гештальта, семантической сети, концепта (выбор условной модели скорее зависит от традиции той или иной научной школы). Однако самой распространенной в теоретических исследованиях является научная абстракция – модель концепта.

Как и любая из вышеперечисленных научных абстракций, концепт понимается как «пакет» информации в памяти индивида, которая обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Считается, что именно посредством подобных ментальных структур обеспечивается функционирование естественного языка: связанность любого текста, выводимость контекстов, формирование мировоззренческих ценностей, порождение интерпретаций, реализация коммуникативных задач, достижение понимания и вербализация актов когниции.

Ключевые понятия когнитивной лингвистики выражаются в терминах: концептуализация, категоризация, концепт, концептосфера, концептуальная картина мира.

Но здесь необходимо подчеркнуть, что практически этим же терминологическим аппаратом оперирует и лингвокультурология – лингвистическое направление, формирующееся с начала 90-х годов прошлого столетия. В этой связи приведем мнение С. Г. Воркачева, высказанное относительно частотности и междисциплинарности термина «концепт»: именно в этом термине сходятся предметные области нескольких научных направлений: когнитивной психологии и когнитивной лингвистики,

лингвокультурологии, «определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями» (Воркачев: 2003, с.5-12).

Центральный объект в лингвокультурологии – языковая личность, носитель языкового сознания, сформированного в контексте определенной культуры. Очевидно, что в этих пограничных исследованиях различия связаны с призмой, сквозь которую анализируется языковая деятельность человека. Если в когнитивной лингвистике приоритетны исследования собственно когнитивных процессов и их вербализация языковыми средствами, то в лингвокультурологии – выявление национально-культурного, этно-семантического компонента в языке.

В русле междисциплинарной когнитивной науки, как отмечают в предисловии к «Антологии концептов (2005) В. А. Карасик и И. А. Стернин, возникла новая отрасль знания – концептология, привлекая внимание психологов, социологов, политологов, философов и филологов. «Концептология – это наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы. Концептология исследует как национальные, так и групповые, а также художественные и индивидуальные концептосферы. В рамках концептологии в настоящее время выделяется лингвистическая концептология – наука, ставящая своей целью описать названные в языке концепты лингвистическими средствами» (2005, с. 4).

Таким образом, главными отличительными чертами современной лингвистики считаются ее «вторичная гуманизация», расширение диапазона исследований, поиск новой эмпирической базы и новых теоретических обобщений, разветвление на множество «локальных лингвистик». Лингвистика активно взаимодействует со смежными областями знания, гуманитарными и негуманитарными. Более того, по мнению некоторых ученых, и само положение лингвистики как науки является промежуточным между гуманитарными и естественными науками, что накладывает отпечаток на ее методологию, в которой совмещаются гуманитарный и естественно-научный подход (см.: А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка: 2003, с. 48). Очевидно, среди собственно лингвистических причин расширения методологии следует указать на «невозможность адекватно объяснить некоторые явления при опоре на традиционный понятийный аппарат /.../. Появление новых лингвистических фактов побуждает ученых пересматривать традиционные взгляды, отказываться от одних научных положений, видоизменять другие» (Филиппов: 2003, с. 9-10).

Разнонаправленность теоретической мысли предопределена полифункциональностью самого объекта – языка. «Будучи, с одной стороны, естественным, природным объектом, он в то же время есть объект психической,

социальной, культурной и т. д. природ. И каждая его сторона не существует автономно, а все они структурно взаимодействуют и взаимоопределяют друг друга» (Кибрик: 2003, с.39). Как отмечает в этой связи Н. Д. Арутюнова, язык «постоянно балансирует между упорядоченностью мышления и неупорядоченностью интенциональных состояний человека и жизненных положений» (2003, с. 8).

«При всем внешнем разнообразии представлений о языке современной лингвистике все же свойственно следование определенной системе общих установок» (Кубрякова: 1995, с. 207). Если для традиционной лингвистики описание языка состояло в классификации всех составляющих его единиц и исчислении всех возможных сочетающихся и не сочетающихся языковых параметров, то новейшая лингвистика сконцентрирована на языковой и мыслительной деятельности человека, на функционировании языка в коммуникативной среде во времени и пространстве. При этом лингвистические методы не могут быть охарактеризованы как единый набор принципов и способов исследования и описания языковых сущностей. Однако существенно, что происходит обогащение классических индуктивных и дедуктивных, эвристических, описательных методов (интроспекция, формализация информации и т.п.) и заимствование методологии смежных наук. Большинство исследований в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и концептологии опираются на комплексную методику анализа, что позволяет вести исследование природы и функционирования объекта в том ракурсе, который соответствует изначальной презумпции и адекватен поставленным целям.

I. 2. Язык и восприятие мира

Основным средством выражения мысли, отражающей познание мира и накопленных в этом процессе знаний, является естественный язык. Язык фиксирует акты познания (когниции), давая имена реалиям и явлениям, храня их названия и используя информацию, которая свернута в языковых единицах и разворачивается в процессе речепорождения. Подавляющее большинство сведений о мире человек постигает в ходе деятельности, опосредованной языком.

Когниция (лат. *cognitio* – знание, познание и *cogitatio* – мышление, размышление) в современном научном дискурсе трактуется как познавательный процесс, с помощью которого происходит восприятие, категоризация, мышление, обработка информации; когниция включает осознание и оценку человеком самого себя в окружающем мире, построение особой картины мира, составляющей основу для поведения и ориентации человека.

Когниция – центральное понятие когнитивизма, который с конца XX века признается доминирующей теоретической школой в области исследований ментальных, когнитивных процессов. В «Новом философском словаре» (2001) когнитивизм назван «когнитивной наукой» и определяется как «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей» (Меркулов: 2001, с. 264). Отличительной чертой когнитивных исследований, как обязательная и необходимая составляющая, является междисциплинарность. Разные дисциплины в составе когнитивной науки занимаются разными аспектами когниции: психология исследует, каким образом люди воспринимают, представляют, запоминают и используют знания (Когнитивная психология: 2002). При этом в сферу исследования вовлекается весь диапазон психологических процессов: восприятие, распознавание образов, внимание, память, обучение, поведение, эмоции, язык. Философия сфокусирована на общих проблемах когниции и методологии познавательных процессов; нейронауки изучают биологические основания когниции и физиологические ограничения, наложенные на протекающие в человеческом мозгу процессы и т.п. Когнитивная лингвистика изучает языковые системы знаний.

Как отмечают ученые, работающие в области когнитивной лингвистики, одна из ее главных задач – дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение, попытаться соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они отражают в качестве структур знания. Таким образом, когнитивная лингвистика преимущественно занимается «сверхглубинной семантикой, и интересуют ее в первую очередь содержательные аспекты языковых форм /.../. Нередко поэтому специфику когнитивной науки связывают с ее ориентацией на исследование конструирования значения, его динамики, сложности формирования значения в пределах разных конструкций и в дискурсе и т.д.» (Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology: 1999).

Конструирование значения, его формирование и динамическая составляющая связаны с концептуализацией знания. В широком философском смысле, концептуализация – это «процедура введения онтологических представлений в

накопленный массив эмпирических данных» (Новый философский словарь: 2001). Цель концептуализации, согласно данному словарю, – «обозначить универсум возможных на данный момент способов работы на теоретическом уровне /.../, предложить «оптику», т.е. видение предметных полей работы в исследовательском режиме, а также задать представление об уровне организации знания». Считается, что концептуальную схему, которую воссоздают в процессе исследования, можно определить как некоторую совокупность гипотез и допущений о природе исследуемых объектов, основанную на имеющихся теоретических выводах и заключениях, и что реконструкция теоретической интерпретационной схемы позволяет выходить на уровень эмпирической работы с заданными предметами. В центр внимания когнитивистов теоретического и экспериментального направлений выдвинулась проблема концепта и связанных с ним явлений. Указанный способ организации мыслительной работы позволяет исследователю:

а) двигаться от материала и первичных теоретических концептов ко все более и более абстрактным конструктам, отображающим те допущения, которые легли в основу построения картины видения исследуемого сегмента реальности;

б) вписывать одно знание в другое, более общее, а в конечном итоге – в культуру.

С лингвистических позиций, исследование процесса концептуализации сосредотачивается на языковых формах экспликации понятийных структур, которое сквозь призму языковых форм позволяет теоретически организовать материал, выстроить схему связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов. На этом основании допускается продуцирование гипотезы об их природе и характере взаимосвязей.

В процессе концептуализации в результате процедур абстрагирования и обобщения эмпирическое знание об определенном фрагменте действительности становится понятием, т.е. наделяется теоретическим смыслом. Концептуализация обеспечивает организацию и систематизацию знаний, укладывает их в определенные схемы, на основании чего продуцируются дальнейшие изменения в референтном поле уже освоенных понятий и объектов. Концептуальная система – «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительности или возможном мире» (Павиленис: 1983, с. 280).

Для сегодняшней науки очевидно, что именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию: «... мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке...» (Кубрякова 1997, с. 21). И именно на этом основании изучение языка понимается как косвенное изучение познания: язык является основным средством

выражения мысли, а следовательно – отражает познание. Одним из главных вопросов когнитивной лингвистики является вопрос, как структуры языкового знания репрезентируются и участвуют в переработке информации?

Человеческая мысль движется от первичного (конкретного) к абстрактному, конструируя концепты различной степени сложности – мыслительные интерпретативные структуры, номинируемые тем словом, которое наиболее адекватно и концентрированно передает смысл, вовлеченный в ареал данного референта. Значение, свернутое в концепте, является фиксацией того, как в процессе познания реалии мысль движется к все более абстрактным логическим конструктам. Язык выражает значение, но сложность состоит в том, что значение «не может быть сведено к отношению между языком и миром /.../ Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос» (Падучева: 1996, с.5). Согласно А. Вежбицкой, «сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка» (Вежбицкая: 1991, с. 16).

Как отмечает Ж. А. Вардзелашвили, «мысль, материализующаяся в языковом знаке, передается в соответствии с языковой схемой-структурой конкретного языка. Однако, помимо материального плана выражения, каждый естественный язык являет собой идеальный объект символизации мира реального и мира воображаемого, одновременным носителем которого является каждый говорящий на нем индивид» (Вардзелашвили: 2010, 102).

В работе «Структурализм: „за” и „против”» Роман Якобсон указывал на то, что знак должен быть одновременно перцептуально воспринимаемым и интерпретируемым» (1971, с. 345). А согласно центральному тезису интерпретивизма, «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» (Демьянков: 2001, с. 309). Следовательно, в языковом знаке фиксируется акт когниции, но этот акт продолжается, когда знак реализуется носителем языка в речи. Интерпретация языкового знака – продолжение познавательной деятельности, которая основана на традициях мышления, национальных, социальных и культурных канонах интерпретации понятия.

Познание – специфический вид духовной деятельности человека, это процесс постижения мира. Знание же – результат процесса познания, оно является идеальным образом фрагмента действительности, представлением о предмете или реалии. Согласно философской трактовке, знание представляет собой «сложнейшую систему, которая выступает в виде социальной памяти», богатства которой передаются от поколения к поколению и от народа к народу с помощью механизма социальной наследственности и

культуры» (Спиркин)³. Естественный язык имманентен механизму социальной наследственности и культуре, он непосредственно вовлечен в эти области духовной деятельности человека, расширяясь и трансформируясь вместе с обществом и культурой. Язык формируется вместе с культурой, но и формирует ее, отражая и сохраняя духовный и практический опыт своих носителей. Как утверждают исследователи, под воздействием культуры⁴ складывается стиль мышления – ракурс видения мира, способ категоризации и фиксации практической реальности.

В процессе познания человек использует не только разум, но и чувства: чувства посылают разуму данные о познаваемой реалии, разум же обобщает информацию и делает на этом основании выводы. В рамках философской науки сформирована теория познания (гносеология/эпистемология), которая в качестве главной проблемы рассматривает вопрос о том, как возникает знание и как оно становится доступным человеку? Однако корни этой проблемы следует искать еще у античных философов. Так, уже в рассуждениях Платона и Аристотеля были заданы два основных направления, которые сохранились при решении этой глобальной проблемы и в науке нового времени: рационализм, восходящий к идеям Платона, и эмпиризм, берущий начало в философии Аристотеля.

С позиций рационализма, закономерности бытия выводятся человеком при помощи разума и интеллекта. С позиций же эмпиризма, – мысли предшествует эмпирический опыт. Очень обобщенно итог философской дискуссии по этой проблеме может быть сведен к следующему: если в недалеком прошлом считалось, что познание имеет две ступени – чувственное, «живое созерцание», и рациональное отражение действительности, то на данном этапе признается, что в ряде ситуаций чувственное пронизывается рациональным. Поэтому в качестве уровней познания стали признаваться эмпирическое и теоретическое. А чувственное и рациональное стали рассматриваться в качестве способностей, составляющих исходную базу для формирования эмпирического и теоретического. Считается, что именно такое понимание наиболее адекватно реальной структуре познания. Существенно, что эмпирический уровень характерен для научного познания, а живое созерцание – как для научного, так и обыденного и художественного познания (см. об этом: П. В. Алексеев, А. В. Панин: 2005).

Итак, познавательная активность индивида основана на чувственном и рациональном, а итог познания – это знание о мире. Как процесс освоения мира, так и результаты этого процесса связаны с психологическим феноменом восприятия. А воспринимающая активность человека связана, в свою очередь, с установкой на

³ Философия : электронный ресурс, режим доступа:http://www.gumfak.ru/filos_html/spirkin/content.shtml; дата доступа: май- сентябрь 2010

⁴ в широком понимании культуры, включая в это понятие и естественный язык

восприятие, которая мотивирует непрерывный поиск и умножение «доказательств» реальности мира и надежности связей с ним (см. об этом: Натадзе: 1982, с. 80-88; Старовойтенко: 2001, с. 77).

Восприятие – это синтез ощущений, внутри которого отдельные ощущения эволюционируют и дифференцируются. Восприятие является развитием наших ощущений; признается, что потенция восприятия индивида является врожденной. При этом, как отмечает Б. Г. Ананьев, в «психологическом развитии человека, как и в духовном развитии всего человечества, теснейшим образом связаны две тенденции: тенденция визуализации чувственного образа и тенденция вербализации чувственной жизни...» (1982, с. 24). Как отмечает Е. С. Кубрякова, в существующих когнитивных концепциях о языке преимущественно «постулируется исключительная роль чувственного, наглядного восприятия мира для всего строения языка (см., например, обширный список литературы по этому поводу в [Carlson-Radvonsky, Irwin 1994: 670])» (Кубрякова: 2004, с. 76). Более того, в психологии признается: «значение является типичным результатом психологического процесса восприятия» (Титоне: 1984, с. 341).

Не останавливаясь подробно на освещении теории восприятия, приведем два положения, признанные в психологии и в когнитивной лингвистике и существенные для ракурса данной работы.

Первое: установка на восприятие носит преимущественно бессознательный или подсознательный характер. Однако, качественные и силовые параметры восприятия могут стать основанием специальных сознательных усилий индивида. Так формируются представления, опосредованные мыслью. Следовательно, в воспринимающий процесс включается концептуальный акт: мысль разделяет то, что слито в бессознательной перцепции» (Старовойтенко: 2001, с. 84).

В данной работе, которая направлена на семантико-когнитивный и лингвокультурологический анализ процессов концептуализации понятия «время» и форм его языковой экспликации, восприятие понимается как синергия чувственного и рационального. Исходной установкой такого понимания является то, что именно мышление, как признается в трудах по психологии, обуславливает словесно-логическую категоризацию воспринимаемого.

Второе: восприятие традиционно характеризуется как «событие переживания», в котором присутствует эмоционально-оценочный компонент. И эта эмоциональная и оценочная наполненность восприятия, которое, в свою очередь, перерастает в акт мысли, и находит вербальное выражение. «Наши чувственные обобщенные образы, как и понятия, содержат в себе движение и, стало быть, противоречия; они отражают объект в

его многообразных связях и опосредствованиях. Это значит, что никакое чувственное значение не является застывшим отпечатком» (Леонтьев: 1975, с.71). Эти общие положения нуждаются в чисто лингвистической интерпретации и могут быть, в частности, подтверждены данными и из области номинации.

«Наука об обозначении, номинации /.../ называется ономаσιологией. Объектом ономаσιологии является процесс возникновения лексической единицы, который заключается в материализации идеального содержания» (Торопцев: 1984, с.7). Сущность процесса наименования четко сформулировал чешский исследователь М. Докулил: «Каждый акт образования нового наименования предполагает, что обобщенное отражение действительности в сознании (т.е. содержание) сначала определенным образом обрабатывается, расчленяется и упорядочивается в соответствии со способом наименования данного языка. Это внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи так называемых ономаσιологических категорий, то есть основных понятийных категорий, образующих в языке основу названия» (Докулил: 1982, с.96). Следовательно, семантический компонент языковой системы взаимодействует со сферой сознания и мышления, где локализуются мыслительные (ментальные) явления и процессы, связывающие человека с отображаемым (а также с воображаемым) внешним миром.

Еще А. П. Пешковский писал, что «грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается нецельным, разложенным, расщепленным на отдельные элементы...» (Пешковский: 1959, с.76). А уже в 2003 г. российский лингвист А. Е. Кибрик утверждает, что с позиций современной лингвистики даже отдельное слово может быть рассмотрено «поэлементно, как целый космос» (Константы и переменные языка: 2003). Таким образом, современная лингвистика отталкивается и от идеи диффузности, заложенной в лексическом значении слова, которая еще в 1963 г. была высказана Д.Н.Шмелевым (Шмелев: 1964, с.87). Семы, из которых складывается содержание лексических значений слов, соотносятся с признаками соответствующих понятий. Признаки понятий, в свою очередь, отражают признаки явлений реальной действительности, поэтому семы в своей основе имеют нелингвистическую природу.

При описании значения в современных исследованиях принято выделять макрокомпоненты значения слова, которые отражают структуризацию значения по типам передаваемой информации. К таким макрокомпонентам относят: а) денотативный, отражающий предметно-понятийную/только понятийную информацию о внеязыковой действительности, еще без ввода сведений о субъективном факторе; б) коннотативный, в котором аккумулируется отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоций и

оценок, является данностью семантической компетенции, т. к. суждения о ценности связаны с ценностной «картиной мира» и понятие поверхностно- и глубинно-семантического представления конкретизируются здесь как общеоценочный и частнооценочный смыслы; в) функционально-стилистический, который характеризует слово на предмет принадлежности к той или иной функциональной разновидности языка; г) эмпирический, содержащий обобщенное чувственно-наглядное представление о предмете номинации; д) грамматический, согласно В. Н. Телия, отражающий языковую компетенцию на двух уровнях – поверхностном (формальном) и глубинном (семантически разрешающим полисемию и омонимию) (Телия: 1991, с.40-41).

В зависимости от типа значения (прямое, переносное), от типа ситуации речевого общения, от прагматических установок на первый план выдвигается определенный макрокомпонент значения слова. В этом процессе отражаются и связанные со словом культурные представления и традиции, многие другие внеязыковые факторы.

Посредством познания, которое проистекает в культурном контексте и в определенной степени задается моделью данной культуры, человек получает информацию о внешнем мире. В этой связи в работе Эдвина Хатчинса «Cognition in the World» (1995) указывается на то, что «культура, кроме всего прочего, организует само наше познание». По мнению российского лингвиста Ильина, приобретение культуры и приобретение мышления – части единого процесса, а элементы уникальности ориентированы типами сознаний (Ильин: 2001).

Смысловая непрерывность познанного мира может быть представлена как концептуальный континуум, где «все связано со всем». Многообразие мира воспринимается человеком как интуитивное стремление разума воспринимать мир не дискретно, как это делает наука, а синтетически, в его единстве, текучести, в связанности и взаимосвязанности его элементов, с учетом бесчисленных аналогий и тождеств.

Данные языка и данные культуры, таким образом, объединяются в концепте. С помощью концепта люди «входят» в культуру, «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов: 1997, с. 40).

В основе концептов лежат все физические, психические, социальные, этнические и культурные реалии, а также вымышленные, воображаемые существа, плод фантазий, страхов. «Вместе с тем реалиями становятся признаки, характеризующие предметы в физическом пространстве ([большой], [маленький], [длинный], [короткий], [быстрый], [громкий] и пр.), а потом и во времени. Реалиями являются такие положения дел в мире, как состояния, процессы и действия, физиологические и психические состояния индивида, переживаемые им эмоции, существующие в человеческом коллективе социальные

отношения и институты, юридические законы, религиозные установления, этнические предубеждения, нормы морали, запреты, правила коммуникативного поведения» (А. А. Сусов, И. П. Сусов: 2006, с. 17).

Концепты конденсируют коллективное сознание, выступая в качестве единицы ментального лексикона, «которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» (Бабушкин 2001, с. 53). Язык является символическим репрезентатором концептуального содержания.

При таком подходе язык понимается как универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, как выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, как историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. Признается, что через анализ языкового материала можно познать, как «концептуализируется мир через призму языка и какую картину мира демонстрирует изучаемый нами и отдельно взятый язык» (Кубрякова: 1997, с. 46).

Обзору точек зрения на проблему понимания концепта, соотношения концепта и понятия, концепта и смысла, концепта и значения слова, а также методам его реконструкции и лингвистического анализа процессов концептуализации, отраженных в фактах языка, посвящены параграфы **I. 3.** и **I. 4.** настоящей работы.

I. 3. Концепт как термин и объект лингвистического анализа

Термин «концепт», восходящий к латинскому *conceptus*, наиболее частотен в работах когнитивистов, разработчиков систем искусственного интеллекта, психологов, семиотиков и др.; в последние десятилетия он активно употребляется в теоретическом языкознании. В научном дискурсе термин «концепт» все еще не имеет однозначного толкования, а теоретико-методологическая база его исследования находится в стадии становления. Этот факт имеет ряд объяснений.

Утверждение нового термина связано «с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близким по значению и/или по языковой форме терминами» (Карасик, Слышкин: 2001, с. 76). Существенно и то, что термин «концепт» употребляется в различных науках, естественных (математическая логика, кибернетика, нейробиология и др.), и гуманитарных (психология, философия,

семиотика, лингвистика и др.). Следовательно, его толкование и методология анализа связаны не только с пониманием этой научной абстракции в разных научных дисциплинах, но и с его пониманием представителями различных школ внутри одной науки; значение имеет и ракурс исследования, сквозь призму которого анализируется объект, именуемый концептом.

В науке, согласно аристотелевской традиции выяснения смысла терминов, принято исходить из обыденного значения. В латыни форма *conceptus* – это пассивное причастие, которое интерпретируется как «зачатый». Как отмечает В. З. Демьянков в статье «Понятие и концепт в художественной литературе и научном дискурсе», «сема «зародыш» исходно заложена в самом латинском термине *концепт*, а сема «резервуар, хранилище» – в этимоне термина *концепция*, из которого выводимы и другие (переносные) значения, такие как «соединение, сумма, совокупность, система /.../ Современное значение «понятие, концепт» классической латыни чуждо» (Демьянков: 2003, с. 35)⁵.

Согласно имеющимся данным, во французском языке термин *concept* в его современном значении начинает встречаться только со второй половины прошлого века. В итальянском ареале с самых ранних времен употреблялось *concetto* в значении «зародыш», но ведущими значениями со временем стали: «понятие, представление; суждение, мнение», «воззрение, концепция, понимание», «замысел, идея, план». В испанском в качестве главного значения у существительного *concepto* закрепляется «понятие, представление, идея». В классическом немецком языке лексема *Konzept* – это «план, конспект, набросок», а значение «понятие» (часто как предварительное, отрывочное, зачаточное понятие о предмете мысли) закрепляется за ней только в XX веке, причем, данное значение фиксируется не во всех словарях. В английском языке словари фиксируют за лексемой *concept* следующие значения: «понятие, идея, общее представление, концепция». Следует отметить, что в определении концепта в электронном словаре под ред. Л. Флориди не говорится о различиях между понятиями и концептами: «**CONCEPTS** What words stand for, signify, or mean, especially when meanings are taken to be in our heads rather than in the world. Words that are synonymous stand for the same concept. When sentences are synonymous, then they may be said to stand for the same proposition. Concepts are sometimes analyzed as complex forms of dispositions or habits of mind and habits of action that instantiate different meanings». Перевод: «**КОНЦЕПТЫ** То, вместо чего стоят, что обозначают или значат слова, в особенности, когда значения предполагаются быть локализованными скорее в наших головах, чем в мире.

⁵ Считается, что в научный обиход этот термин входит, начиная с работ Декарта, Спинозы, Пуанкаре, причем, не всегда в том понимании, в котором встречается в работах современных исследователей.

Синонимичные слова представляют один и тот же концепт. Когда предложения синонимичны, о них может быть сказано, что они представляют одну и ту же пропозицию. Концепты иногда анализируются как сложные формы размещения или же как привычки думать и привычки действовать, в которых мгновенно растворяются различные значения». «**CONCEPTUALIZATION** An abstract, simplified view of some domain that we wish to represent for some purpose. *See also* ABSTRACTION» Перевод: «**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ** Абстрактный, упрощённый взгляд на какую-либо область, которую мы хотим представить для какой-то цели. *См. также* АБСТРАКЦИЯ» (Floridi, forthcoming)⁶. В научных трудах на английском языке господствует термин *concept*, но наряду с ним используется и термин *notion* «понятие, представление; взгляд, мнение; идея, общее понятие, принцип; класс, категория».

Что касается русского узуса, концепт не встречается даже в «Современном энциклопедическом словаре» 1997 года. Очевидно, причина состоит в том, что «*понятие* и *концепт*, непременно присутствующие в научном дискурсе – исторически дублиеты, русское *понятие* калькирует латинское *conceptus*. Однако в современном (научном и ненаучном) узусе эти термины расходятся в употреблении» (Демьянков: 2003, с. 42). В современном русском языке концепт – принадлежность научного, интеллектуального дискурса» (там же).

В Новейшем философском словаре (2009) есть статьи «концепт» и «концептуализация». Концепт трактуется в этом словаре как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»; отмечается, что в процессах мышления человек оперирует концептами, которые отражают содержание результатов человеческой деятельности и познания мира в виде неких «квантов» знания. Также сказано, что концепты возникают в процессе структурирования информации и сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, что позволяет хранить знания о мире. При этом подчеркивается, что в современной науке есть указание на процесс образования смыслов в самом общем виде, но нет ответа на вопрос, как возникают концепты; подчеркивается, что считается признанным: лучший доступ к описанию и определению природы концептов обеспечивает язык.

Концептуализация, суть которой заключается в осмыслении поступающей к человеку информации, что приводит к образованию концептов, концептуальных структур

⁶ цит. по: А. А. Сусов, И. П. Сусов «Размышления о концептах» (2006)

и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека, является одним из важнейших познавательных процессов. Результаты концептуализации – понятия, концепты и их системы, большая часть которых находит вербальное выражение в языке и в речи.

В теоретическом языкознании термин «концепт» был заимствован из математической логики. Отталкиваясь от установки, что мышление невербально, что оно осуществляется универсальным предметным кодом, считается, что человек мыслит концептами, т. е. единицами этого кода. Следовательно, концепт – единица сознания, квант структурированного знания.

В большинстве работ термин «концепт» используется для обозначения моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, а также для моделирования и описания национальной концептосферы – упорядоченной совокупности концептов в сознании человека. В философии эта совокупность называется концептуальной системой: «Совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение называется *концептуальной системой*» (Новейший философский словарь: 2009). Р.И. Павиленис трактует концепт как «часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» (Павиленис: 1983, с. 279). В англоязычной лингвистической литературе достаточно часто концепт отождествляют с «капсулой мысли», в конденсированном виде содержащем, либо генерирующем эпизоды жизни.

Большинство лингвистов полагают, что концепт – это невербальное ментальное образование (Damasio: 1989; 1995, 1999; Болдырев: 1999; 2000), название которого дублирует слово, через которое оно вербализуется. Но, как известно из академических толкований, понятие тоже получает название в слове: «Понятие... в общем виде определяется одинаково и в логике и языкознании и представлено всегда по крайней мере некоторым общим именем или его словосочетанием... В традиционном языкознании П. рассматривается как связанное с одной определенной знаковой формой – общим именем...» (ЛЭС, с. 384).

Как отграничивают понятие и концепт? Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова утверждают: «От понятия в логическом смысле слова концепты... отличаются тем, что они не только осмысливаются рационально, но и переживаются, подобно «коллективному бессознательному» (Арутюнова, Кубрякова: 2001, с. 31). Существует и точка зрения, что концепт в общем может определяться как понятие, но как понятие наивное, обыденное, повседневное (Кобозева: 2000, с. 48). Ю. С. Степанов полагает, что концепт – явление того же порядка, что и понятие, но если понятие определяется законами логики и

философии, то концепт – законами культуры; концепт – это переживаемое понятие, это – сгусток культурной среды в человеческом сознании. Приведем и мысль из уже цитированной выше работы В. З. Демьянкова: «мы договариваемся о понятиях, но реконструируем концепты» (Демьянков: 2003, с. 42).

Как следует из сказанного, тесная связь этих сущностей приводит к смешению терминов, а это, по мнению ученых, свидетельствует о наличии общей идейной базы. В свою очередь, этот факт дает основание полагать, что понятие и концепт представляют собой две ипостаси одной и той же ментальной сущности. «В последнее время в лингвистике появилась тенденция **противопоставлять понятие и концепт**. Но не следует абсолютизировать это противопоставление. Скорее всего /.../, мы имеем дело с одним и тем же феноменом ментальной сферы, но предстающим перед нами **в двух ипостасях**/.../ В понятии совокупность признаков мыслится как достаточно жёсткая и строго организованная иерархическая структура, а признаки считаются устанавливаемыми в суждениях, претендующих на истинность. Понятие должно удовлетворять логическим тестам на истинность, оно есть элемент общечеловеческого научного знания (научной картины мира)» (А. А. Сусов, И. П. Сусов: 2006). А концепт более свободен, в него могут включаться и признаки, субъективно важные для отдельной личности; в его структурировании могут участвовать такие факторы, как возраст, пол, национальная принадлежность, культурный уровень языковой личности; концепт в значительной степени обусловлен факторами определённой этнокультуры; пределы содержательного варьирования концепта столь же огромны, как беспредельно многообразие самой жизни. Очень обобщенно концепт может толковаться как понятие, пропущенное через чувственный образ. Концепты рождаются в сознании индивида как образы и затем с разной степенью точности вербализуются. Следовательно, они могут быть исследованы лингвистическими методами (Кубрякова 1996; Степанов 1997; Болдырев 2000; Попова 2001; Б. А. Серебрянников 2001; Карасик 2002 и др.).

В новейшем языкознании признается, что именно термин «концепт» соответствует научному представлению о тех значениях, образах, этноспецифике, на которые человек опирается и которыми оперирует в процессе мышления.

В концепте, понятом как единица знания о мире, как элемент памяти, фиксируется большой ряд предметов со сходными свойствами; он охватывает целый класс реалий. Следовательно, концепт может характеризоваться по объёму класса отображаемых реалий, т.е. по своему экстенционалу. Уточним в связи с этим, что в интенционале аккумулируются существенные признаки реалий, служащие различительной функции, а в экстенционал входят те элементы множества, которые обладают набором признаков

классообразующего характера. Интенционал, таким образом, указывает на возможность включения каких-то предметов в соответствующий класс. Поэтому концепты, объединенные в одну тематическую сферу, в терминологии Д. С. Лихачева – концептосферу, может входить целое множество ментальных образований. При этом концепты различаются по уровню обобщения, а значит – по интенционалу и по экстенционалу. Таким образом, основываясь на опыте, человек в своем сознании группирует реалии и объекты в концепты, которые, в свою очередь, объединяются в концептуальные категории. Поэтому познание мира – это процесс концептуализации и категоризации.

Категоризация связана со всеми когнитивными способностями человека, с теми операциями, которые осуществляются в процессе когниции: сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п. По данным Новейшего философского словаря, категоризацию иногда рассматривают как лингвистическое явление, поскольку ее результаты «отражены в полнзначной лексике, а каждое полнзначное слово можно рассматривать как отражающее отдельно взятую категорию со стоящими за ней многочисленными ее представителями» (2009).

Это явление привлекало внимание таких известных исследователей, как Дж. Лакофф, Э. Рош, авторов прототипической семантики. Предложенный ими прототипический подход предполагает установление базового (центрального) уровня категоризации и того минимального набора прототипических признаков, которые образуют семантический прототип. Прототип при этом понимается как лучший образец категории. Существенно, что интенционал понятия формируется прототипическими признаками, а его дополнительные элементы притягиваются по экстенциональному признаку.

Релевантность, т. е. акцентированность того или иного признака, определяется: 1) уровнями объективированности знания, степенью отвлечения от субъективных факторов; 2) сферой функционирования.

Применительно к концепту, интенциональные признаки – это прототипический, базовый уровень концептуализации понятия, а экстенциональные признаки формируют его дополнительные уровни, различные по степени абстракции. Как и понятия, концепты могут иметь больший или меньший объем.

Выявление инвентаря концептов и их структуры осуществляется экспериментами психологов и социологов, а также посредством лингвистического анализа языковых фактов в разных вербальных контекстах и в разных условиях общения. Концепты распознаются в основном в ходе эмпирических исследований: как в итоге

психологических и социологических экспериментов, так и в результате лингвистического анализа фактов языка.

Согласно утверждению У. Чейфа, «язык – до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его... Язык к тому же наблюдаем, поддается анализу /.../. И все же существуют мысли, которые очень трудно выразить словами, и при объективации которых мы сталкиваемся со значительными трудностями... существуют такие объекты, которые не имеют привычных «кодовых названий /.../ Таким образом, приравнивать знания и язык невозможно...» (Chafe: 1987, с.109). Еще более категоричное разъяснение встречается у Н. Хомского: «Для многих ученых изучать язык – значит изучать сознание; я этого мнения не разделяю» (Chomsky: 1980; с. 4).

Вступая в полемику, Е. С. Кубрякова в монографии «Язык и знание» (2004) утверждает: «именно язык открывает наиболее естественный доступ к сознанию, притом вовсе не потому, что все структуры сознания или же результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными». Кубрякова соглашается, что разнообразные образы сознания, произведения искусства, включая артефакты, – плоды ума, которые указывают на невозможность вербализации всего объема мыслительной деятельности; что получение информации о мире осуществляется всеми органами чувств, а не только через язык. Однако «подавляющее большинство необходимых сведений о мире... мы постигаем не в ходе нашей чувственной, предметной, практической деятельности /.../, но в ходе деятельности, опосредованной языком» (Кубрякова: 2004, с. 43). И в этой связи приводит высказывание Дж. Серля, считавшего язык универсальным эвристическим средством объяснения: «способ, каким язык представляет мир, является расширением и реализацией, посредством которого сознание представляет мир. /.../ Язык членит действительность, поскольку ее членит наше сознание...» (там же).

Центральной задачей в этой связи становится извлечение максимального количества собственно языкового материала и согласование его с теми данными, которые известны о принципах восприятия и принципах категоризации. Поэтому наиболее перспективным ученым представляется дедуктивно-гипотетический метод: от собранного материала к гипотезе о том, «в какую систему укладываются факты» (Кубрякова: 2004, с. 54). В качестве такой гипотезы, наиболее востребованной в различных направлениях современной лингвистики, рассматривается научная абстракция – концепт, единица сознания, имеющая языковые проекции и позволяющая лингвистическими методами моделировать и описывать единицы национального когнитивного сознания.

Содержание вербализованных концептов становится доступным благодаря анализу семантики слов, фразеологических единств, коллокаций, схем предложений, текстов,

содержащих различные эксплицитные и имплицитные признаки концепта. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. Языковое значение определяется при этом как промежуточное образование, занимающее срединное место между представлением как формой образного знания и понятием как формой абстрактного мышления (Соломоник: 1992).

Предполагается, что объем лексического значения слова, которое вербализует концепт, как правило, гораздо меньше, чем потенциально заложенные в данном концепте смыслы и значения. Поэтому можно считать, что человек владеет словами чаще не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов: «смысл – это путь, которым люди приходят к имени» (Фрегге: 1997, с. 181). Имя – это название концепта, которое совпадает с внешним планом слова. (Болдырев: 1999; 2000). Соответственно, концепт может трактоваться как смысл, передаваемый и именуемый данной языковой единицей.

В. Н. Телия предлагает рассматривать концепт как информацию, объединенную и структурированную в виде фрейма (Телия: 1996). Термин «фрейм», введенный М. Минским в работах по искусственному интеллекту, для нужд лингвистики был адаптирован Ч. Филмором, став базовым в его теории ситуативной семантики. Фрейм – это «набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или аксионального целого» (Филмор: 1988, с. 49). Эту структуру принято соотносить с семантическим полем: «Понятию фрейм соответствует... семантическое поле» (Краткий словарь когнитивных терминов: 1996, с. 187). Как полагает В. Н. Телия, единицы языка обладают денотацией не «прямо» к миру, а через включение фрейма. Фрейм создает среду конкретизации лексического значения в конкретной реализованности слова в речи (Телия: 1996, с. 91-92).

Не случайно, в исследованиях ряда лингвистов концепт понимается как «значение слова» (напр.: Гажаева: 2000). Но, как считает Е. С. Кубрякова, между концептом и значением слова существует абстрактная граница: значением слова становится концепт, «схваченный знаком» (Кубрякова: 1991). Развивая эту точку зрения, З. Д. Попова и И. А. Стернин суммируют: «концепт – это единица мышления, значение – единица семантического пространства языка. Концепт и значение в равной мере – явления когнитивной природы. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации» (Попова, Стернин: 2005, с. 8).

Денотация концепта не «прямо» к миру находит отражение в точке зрения на этот феномен А. А. Залевской, которая трактует концепт как чистую ИДЕЮ, напрямую с языковыми средствами несвязанную (см. об этом: Залевская: 2000). Представленная

позиция перекликается с мыслью А. Вержбицкой, которая считает, что значения в определенной степени независимы от языка. В этой же связи приведем мнение Н. Н. Болдырева: «люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых им смыслов, т. е. концептов и концептуальных признаков» (Болдырев: 2001, с. 26).

Предполагается, что носитель языка содержит в своем ментальном лексиконе не только те значения слов, которые отражены в словарных дефинициях, но и личностно-переживаемые значения и образы, связанные со словом. Если слово вербализует концепт, за которым закреплено особенно значимое место в национальной концептуальной картине мира, то к нему добавляются архетипические смыслы, хранящие образы мифологем, образы и ассоциации, аксиологически осмысленные данной культурой.

Таким образом, концепт – это двухплановая единица: универсальная (общая для всех носителей данного языка и данной культуры) и индивидуальная (каждый носитель данного языкового сознания при осмыслении понятия, закрепленного за словом, привносит личностный компонент в его интерпретацию).

Дискуссию по этому вопросу в данном исследовании можно подытожить словами С. Г. Воркачев: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде /.../, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» (Воркачев: 2005, с. 11-12).

В диссертационной работе концепт понимается **как абстрактная конструктивная сущность, моделируемая языковыми и ментальными стимулами; как лингвоментальное культурно-значимое множество в коллективном и индивидуальном сознании, отраженное языковой формой; как результат процесса концептуализации, который в вербализованном виде фиксируется в фактах языка. Он соотносится с категориями понятия, значения и смысла, мотивированных не только логикой познания, но и культурой, в которой они формируются.**

I.4. Лингвистические методы описания концепта

Обзор наиболее распространенных точек зрения, представленных в научной литературе по вопросам реконструкции, содержания и методов лингвистического описания концепта, позволяет сделать следующие обобщения.

Являясь идеализированным образованием, концепт не может быть отнесен к лингвистическим категориям наблюдаемого уровня. Предполагается, что в языке концепт материализуется через слово – языковой знак. Концепт получает имя по тому слову, которое передает поддающееся вербализации содержание концепта наиболее конкретно, концентрированно и адекватно.

Естественно, что лингвистическому анализу поддается только вербализованная часть концепта, поэтому исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепт, – это описание только вербализованной части концепта. Но у концепта может быть и часть содержания, которая не отражается языковыми средствами. В этой связи приведем мнение З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации», а в акте речи вербализуется его коммуникативно релевантная часть (Попова, Стернин: 2005, с. 8-9). Данная мысль перекликается с уже приведенным выше утверждением У. Чейфа о том, что язык, являясь лучшим окном в знание, которое, к тому же, поддается наблюдению, все же не может выразить в себе (разрядка наша, Э. З.) мысли, поскольку целый ряд объектов не имеет привычных названий (Chafe: 1987, с.109).

Отметим и тот факт, что условным «входом» в концепт могут быть единицы разного уровня языковой системы. Так, в русском языке наличие в слове уменьшительно-ласкательного суффикса может мотивировать в сознании одновременность нескольких концептуальных связей – с одним концептом через корень, а через формант – с концептами из ряда «нежность», «любовь» и даже «ирония» (например, *невестушка*, *головашка* и т. п.). Условным «входом» в концепт может стать интонация, различные паралингвистические средства (мимика, жест, взгляд) и даже сама ситуация речевого общения.

Анализ концепта, его структурирование и членение производится в исследовательских целях для выявления соотношения семантических процессов с когнитивными (Вардзелашвили: 2004). Выводы о типах и содержании концептов делаются на основании реконструкции концептов путем применения к языку

имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной и культурологической интерпретацией результатов исследования.

Процессы концептуализации актов когниции исследуются на основе:

- а) выявления максимально полного состава языковых средств, объективирующих концепты;
- б) описания семантики этих единиц на базе данных лексикографических источников;
- в) анализа паремий, входящих в концептуальное множество;
- г) анкетирования (национальная, этно-специфическая, культурно маркированная концептосфера);
- д) изучения идиостиля отдельной языковой личности (индивидуальные составляющие национальной концептосферы).

Как уже отмечалось, представительство концепта в языке чаще всего приписывается слову. Известно, что как элемент лексико-семантической структуры слово реализуется синтагматически и парадигматически, поэтому оно может быть интерпретировано в качестве инварианта парадигмы, которая образуется его ЛСВ. Оно может быть рассмотрено и как имя смыслового – синонимического – ряда, образованного синонимами, которые могут быть соотнесены с одним из его ЛСВ (Москвин: 1997, с. 67; Лихачев: 1993, с. 4). На этом основании признается: «В любом случае, концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и логическим завершением такого подхода является его соотнесение с планом выражения всей совокупности разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических и афористических) средств, описывающих его в языке» (Панченко: 1999, с. 6). Именно поэтому наиболее информативным признается лексический уровень концепта. Исследование концепта на этом уровне позволяет выявить набор признаков, которые формируют его структуру и выражают тот или иной способ концептуализации.

Подчеркнем, что если на основании корректных процедур анализа выявляется большое количество номинаций концепта и языковых единиц, вовлекаемых в его ареал, это свидетельствует о высокой «номинативной плотности» (термин В.И.Карасика: 2002, с.111) данного участка языковой системы. Этот факт в работе рассматривается как показатель актуальности и культурной значимости вербализуемого концепта для сознания народа.

С. Г. Воркачев приходит к выводу: концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл» в плане выражения представлен «целым рядом своих языковых

реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму. План выражения... включает, как минимум, два ряда семантических признаков... в него входят семы, общие для всех его языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом языковой личности» (Воркачев: 2001, с. 4).

Концепт вовлекает в свой ареал всю полноту семантических признаков, которые в сознании носителя языка связаны с данным словом (выявляется преимущественно экспериментальными приемами), а также лексикографическое значение, зафиксированное в его словарной дефиниции: «структура и содержание различных концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» (Болдырев: 2004, с. 26).

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в соответствующую тематическую сферу (в некоторых исследованиях именуется «концептосфера»).

Структура концепта – это совокупность обобщённых признаков, информационное содержание и интерпретационное поле, которые необходимы и достаточны для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Обобщенные признаки объединяются на основании установленного чувственного образа. Считается, что структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полемому признаку.

Лингвоментальные концепты «могут быть объективированы при специальном изучении с помощью анализа лексических и фразеологических способов их языкового воплощения посредством фреймового анализа, моделирования когниотипов, прецедентных текстов и ценностных доминант культуры (А. Г. Баранов, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин)» (Прохвачева: 2000, с. 3).

Большинство ученых (например, Н.Д. Арутюнова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.) полагает, что концепт отличается слоистым строением. Слои концепта связаны между собой отношениями производности, увеличения абстрактности каждого последующего уровня. Предполагается, что расположение слоев в структуре концепта иерархично, в соответствии с чем в нем выделяются его ядерные и периферийные участки.

Несмотря на разнообразие типов концептов по структуре и содержанию, каждый концепт имеет базовый чувственный образ, который формирует его базовый, ядерный когнитивный слой. Это некий прототип, его константный элемент, который закреплен в сознании именно за данным концептом. На основании этого элемента в исследовательских целях определяется емкость и номинативная плотность концепта как множества.

Ядро концепта – это базовый прототипический элемент, притягивающий различные когнитивные признаки. Совокупность базового слоя, дополнительных когнитивных признаков и слоев составляют объем концепта, определяя его структуру (Стернин: 2001, с. 59).

Однако границы концепта как абстракции не могут быть строго очерченными, прежде всего потому, что дистрибуция составляющих его элементов тяготеет к известной субъективности, т. к. не может быть отделена от личностного языкового и познавательного опыта исследователя. Как пишет Ю. С. Степнов в предисловии ко 2-му изданию широко известной книги «Константы: словарь русской культуры», «в этой области нет полностью «объективно данного» – путь к «объективному» пролегает через субъективное размышление. Другого пути нет» (приводится по 3-му изданию; Степанов: 2003, с. 4-5).

Таким образом, в исследовательских целях концепт представляется в качестве сложного комплекса признаков, анализ которого осуществляется в несколько этапов и предполагает синтез различных методов, которые в научной литературе все чаще именуется как семантико-когнитивный и лингвокультурологический (см. об этом: Антология концептов: 2005).

«Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания – когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация – обязательный этап семантико-когнитивного анализа, без нее исследование остается в рамках лингвистической семантики» (Попова, Стернин: 2005, с. 9). Как утверждают авторы, применение данного метода обеспечивает исследователям следующие возможности использования полученных данных: «1) возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*; 2) движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы,

национальной культуры; данное направление будет представлять собой *лингвокогнитивную концептологию*» (там же).

Лингвокультурологический подход к описанию концепта также основывается на признании за концептом когнитивного статуса, следовательно, концепт вбирает в себя все, что принадлежит природе понятия и значения. Но ракурс исследования при этом смещается в сторону истории явления, связанного с концептом, выявления национальных особенностей содержания, структуры и интерпретации концептов, обусловленных культурным контекстом, внутри которого он формируется и существует как элемент национального мировосприятия.

С этих позиций, концепт – не только когнитивная единица, но и факт культуры; культура детерминирует концепт, поскольку концепт является своего рода ментальной проекцией элементов культуры. «Концепт» в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена» (Воркачев: 2005, с. 11). Разные слои концепта понимаются как результат культурной жизни соответствующих эпох и свойственных им моделей познания и системы оценок фактов и явлений.

Из сказанного следует, что концепт не может быть ограничен «буквальным» смыслом, он вбирает в себя этимологию знаков и их культурно-маркированное содержание, историю и эволюцию освоения явления, которое покрывается концептуализированной зоной, аксиологическую оценку, его тождество и противопоставление другим понятиям из логически сопоставимого. Все эти компоненты внутренней структуры концепта, дополняя один другой, содержатся в нем как активные и пассивные составляющие.

Итак, концепт имеет разноуровневую представленность в языке. Он соотносится с категориями понятия, значения и смысла, мотивированных не только логикой познания, но и культурой, в которой они формируются. В семантический состав концепта входит вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» (Степанов: 2004) и «интенсивностью» (Пулыгина: 1998, с. 48) духовных ценностей, к которым он апеллирует.

Методика изучения концептов представляет собой совокупность различных методов, что, как следствие, вытекает из в высшей степени сложности данного идеализированного образования.

I. 5. Алгоритм построения схемы-модели концептуального множества «время»

При реконструкции лингво-концептуальной модели «время», отражающей концептуализацию одноименного понятия в русском языковом сознании, мы опираемся на комплексный подход: синтез семантико-когнитивного и лингвокультурологического методов. Такой подход к объекту анализа связан как с известной условностью границы между этими методами, так и с тем, что проследить путь от семантики языковых единиц к их когнитивной интерпретации не представляется возможным вне учета факторов, мотивированных культурой.

Существенно и то, что понятие «время», свернутое в имени выстраиваемого концепта, является древнейшей универсалией культуры. Это одно из старейших понятий в истории человеческой мысли. Его освоение сознанием менялось и трансформировалось по мере совершенствования самого познания. Поэтому отражение форм его концептуализации в языковом сознании основывается в данной работе на предварительном моделировании условной схемы-конструкта, которую, вслед за Ж. Вардзелашвили, мы называем «культурная эпистема» (Вардзелашвили: 2011).

Термин «эпистема», введенный М. Фуко, получил широкое распространение, а вместе с этим, и разнообразную интерпретацию в трудах по философии, социологии, психологии, его активно используют в культурологических и литературоведческих исследованиях. В контексте данного исследования эпистема понимается как модельный конструкт, «познавательное поле», в котором фиксируется и интерпретируется способ, которым представляется и понимается мир и его реалии.

Введение в методику анализа этой модели-гипотезы соотносится с теоретическими предпосылками и лингвокогнитивного исследования, где признается, что в процессе познания человеческая мысль эволюционирует от первичного к абстрактному, создавая все более сложные мыслительные интерпретативные структуры.

Как представляется, данный способ организации исследования позволит выстроить схему связи понятий, вписывая одно знание в другое, с тем, чтобы сформулировать гипотезу о процессах концептуализации понятия «время», отраженных в фактах языка.

В выстраиваемой модели схемы-конструкта должны быть представлены культурные знания о той части картины мира, которая связана с понятием «время». Ее построение основано на диахроническом анализе развития представления о феномене, т.е. на эволюции представлений о времени посредством фиксации ключевых образов-

моделей, соответствующих каждой эпохе развития человеческого взгляда на анализируемый факт культуры.

На основании обзора научной литературы будет выстроена модель-схема познавательного поля культурной эпистемы «время». Эта модель, в свою очередь, будет положена в основу реконструкции структуры и когнитивных классификаторов для основной модели в данном исследовании – лингвокультурного концепта «время» и его фреймового поля.

Для выявления особенностей процесса концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании, мотивированных данной культурой, в диссертации предлагается следующий пошаговый алгоритм описания лингвокультурного концептуального множества.

- Первый этап: синопсис анализа «культурной информации» и конструирование модели-схемы культурной эпистемы «время».

- Второй этап: Анализ ключевого слова, которое номинирует концептуальное множество наиболее концентрированно и адекватно:

- а) анализ лексического значения и внутренней формы;

- б) анализ этимологии;

- в) анализ и когнитивная интерпретация словообразовательного гнезда;

- г) установление моделей узуальной метафоризации;

- д) анализ ассоциативно-вербальных связей на стимул «время»;

- е) анализ аксиологических и прагматических установок, связанных с понятием «время».

- Третий этап: конструирование структуры концепта и моделирование концептуального поля:

- а) определение параметров фреймового поля лингво-когнитивного концепта «время»;

- б) установление базового чувственного образа и семантического;

- в) конструирование модели-схемы лингво-когнитивного концепта «время» в соответствии с выделенными когнитивными классификаторами и предположительными уровнями концептуализации понятия.

- Четвертый этап: установление количества единиц, формирующих данное лингвоментальное множество; установление семантической плотности и лингвистическое описание когнитивных классификаторов.

- Пятый этап: анализ процессов концептуализации понятия «время» в идиолекте языковой личности (в диссертационной работе этот аспект исследуется на материале языка И. Бродского).

Прояснению ключевых вопросов конструирования и описания культурной эпистемы «время», необходимых для анализа и моделирования лингвокультурного концептуального множества «время» на основе предложенного алгоритма, посвящен следующий параграф диссертационной работы.

I. 6. Постижение феномена «время»: философия сознания vs. научное знание (синопсис познавательного поля культурной эпистемы)

В разных культурах и на разных стадиях развития общества в человеческом сознании формируются разные модели времени, которые основаны на особенностях его восприятия, на том, что как самое главное зафиксировал человек, пытаясь постичь этот феномен. В анализе временных процессов для всех культур могут быть выделены некоторые универсальные черты, в истоке которых лежит, согласно мнению большинства ученых, общий для всех архетип сознания. Он связан с осознанием отношения меняющегося к вечно сущему, вечному.

Развитие представлений о времени связано с умением фиксировать и сопоставлять естественные циклы природы: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Екклесиаст: 1: 5-9). Повторяемость, цикличность времени породили соответствующие символы – колесо, круг, песочные, водяные, солнечные часы. Б. А. Успенский пишет в этой связи: «...представление о цикличности времени обусловлено и вращением Земли вокруг своей оси, и обращением Луны вокруг Земли, и обращением Земли вокруг Солнца. Соответственно возникает представление о все более и более крупных временных циклах – цикличность, повторяемость предстает как основное свойство времени» (Успенский: 1994, с. 34). Время в такой модели

мировосприятия понимается синкретически. Синкретизм, т. е. нерасчлененность, отражает целостность познаваемого мира, включая время как его составляющую часть.

В монографии «Понятие времени в структуре научного знания» В. П. Казарян отмечает: «Уже в мифологическом сознании существует представление о вечности, о далеко ушедших временах, о разделенности во времени нынешнего времени – настоящего и мифологического времени, которому посвящен миф... Текучесть настоящего позволяла использовать счет как средство измерения времени. /.../ Введение временных представлений в ткань эмпирического исследования обусловлено тесным контактом его с мировоззрением, обыденным сознанием, с реальной жизнедеятельностью людей. Осознание человеком действительности всегда носило временной характер» (Казарян: 1980)⁷.

Уже более двух тысяч лет вопрос «Что есть время?» занимает умы философов, а позже и естествоиспытателей. Естественно, что на протяжении этих веков, вопрос о природе времени и объективности его существования, т. е. независимости от человеческого сознания, решался по-разному. Естественно и то, что этот вопрос зародился в философии, где душа и ум осмысливались как источник самой идеи времени. Этот глобальный вопрос был основой размышлений античных философов, философов Средневековья, эмпириков Нового времени...

Насколько реально время? Зависит ли оно от сознания или существует вне него, ибо носит объективный, всеобщий и универсальный характер? Значит ли это, что от сознания зависит восприятие времени, но не его природа? Является ли оно иллюзией интеллекта или существенным свойством вселенной? В общих чертах, философские рассуждения о времени основаны на признании дихотомии: «объективное время – субъективное время», и носят онтологический, метафизический характер.

Выдающийся русский философ В. С. Соловьев определял время как основное условие всякого конечного существования: время не допускает ни эмпирического (основанного на опыте) объяснения происхождения, ни рационального (рассудочного) определения его сущности (Соловьев: 1989). А уже Мартин Хайдеггер, говоря о чертах времени, которые диктует нам здравый смысл и научное понятие соразмерности, характеризует их как черты неподлинного, «вещного времени». А подлинное время для человека – это экзистенция (страх предвосхищающего опыта смерти). «Подлинное время» двояко действует на сознание человека: оно указывает человеку на незначительность всех

⁷ электронный ресурс; режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/time/vpkazaryn1.html#_Тoc514412008; дата доступа: ноябрь-декабрь 2010

его проектов, но оно же побуждает человека сконцентрироваться на собственном времени (Хайдеггер: 1993).

Как пишет М. Фуко, в каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами и размышлениями о порядке, располагается чистая практика порядка и способов бытия (Фуко: 1977, с. 38). Начиная с первых греческих мыслителей, понимание знания – это уметь найти начало или природу вещей.

В эпоху античности складываются субстанциональная и реляционная концепции времени. Первая связывается, прежде всего, с сочинениями Платона (время как движущийся образ вечности), вторая – с сочинениями Аристотеля (время как число, мера движения). Признано, что в западной традиции первым указал на источник времени Платон. А уже Аристотель связал время не только с пространством, но и с душой (Аристотель: 1981; Платон: 1998).

Тенденция к субъективации времени продолжилась в рассуждениях античного философа-идеалиста Плотина, основателя неоплатонизма, которого принято считать создателем оригинальной теории вечности, и в доктрине христианского богослова Аврелия Августина (Блаженный Августин).

Плотин относит вечность к умопостигаемому миру – Уму, а время – к Мировой душе. Плотин определяет время как «жизнь души, которая в процессе движения переходит от одного проявления жизни к другому» (Плотин: 1995, с. 334)

Размышления о времени начинаются у Августина с признания: «Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени... Каким же образом я это знаю, а что такое время, не знаю? А может быть, я не знаю, каким образом рассказать о том, что я знаю?» (Августин. Исповедь, XI, 32). И далее: «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» (там же, XIV). Философ, таким образом, подчеркивает несоответствие между интуитивной очевидностью этого феномена и трудностью его осмысления. Августин анализирует парадокс, который изначально присутствует в осмыслении времени: оно мыслится как совокупность настоящего, прошлого и будущего. Но ведь будущего еще нет, а прошлого уже нет, а настоящее – всего лишь краткий миг между прошлым и будущим. Своими рассуждениями богослов подходит к истокам психологической концепции времени: прошлое и будущее существуют, но существуют в сознании человека.

Еще в V веке Августин суммирует: «Творения... находятся в постоянной видоизменяемости, так что изменимость эта даёт себя чувствовать в мире изменением

времени, которые мы наблюдаем и исчисляем; ибо от этой видоизменяемости, которой подлежит всё сотворённое, происходят самые времена, когда вещи в своих видах и образах постоянно изменяются и разнообразятся...» (там же, XII, 8). К эпохе Средних веков относятся и рассуждения о времени Фомы Аквинского и Бонавентуры.

В науке Нового времени об этом неуловимом феномене размышляли Декарт, считавший, что время дано только в нашем мышлении, Гоббс, выведивший идею времени из образа движущегося тела, Спиноза, различавший вечное и длящееся...

Для Лейбница время, как и пространство, не могут существовать независимо от тел. В его теории пространство – это порядок существования, а время – последовательность различных явлений.

В философии Канта время присуще не самим предметам, а только субъекту, который их созерцает. Поэтому философ вводит понятие «трансцендентальное время», время, которое существует в виде некоторого образа-схемы в сознании человека. Это – чувственный образ времени, основанный на понятиях рассудка, но переведенный на язык чувств. При этом время у Канта неотделимо от движения и изменения.

Австрийский философ Ф. Brentano, уже в XIX веке, ставит проблему необходимости разграничения длительности времени (объективной) и ощущения длительности времени (субъективной). Понятие времени, по Brentano, выводится именно из ощущений.

И если Brentano полагал, что время состоит из отдельных мгновений-актов, то в XX веке философ-феноменолог Гуссерль провозглашает: время – это непрерывный континуум непрекращающихся изменений, которые сливаются в сознании человека. Этот континуум не подлежит делению на фазы, а то, что мы делим время – не более, чем абстракция. Поэтому для философии часы – это эпистема, с которой человек соотносит временную реальность, цикличность, ритмичность и мерность времени. Часы-образ, в котором для человека сливаются в единство время, движение и место. По Гуссерлю, время следует анализировать через анализ сознания, только так оно может быть понято: время – это переживание в едином потоке переживаний. Он вводит понятие – «живое настоящее»: настоящее удерживает прошлое, и в настоящем пребывают наброски будущего.

Но М. Хайдеггер, представитель того же феноменологического направления в философии, не принимает концепции времени как бесконечно длящегося континуума делений. В философии Хайдеггера время – это то, что сознание фиксирует как нечто конечное, направленное к смерти. «Само бытие есть время». Следовательно, время – это главная форма самосознания.

Э. Кассирер в концепции созданной им философии языка называет тело человека центром некоторой сетки координат временных и пространственных обозначений. От чувства времени человек продвигается в процессе познания к понятию времени, и это находит отражение в языке (см. об этом: Философская энциклопедия, 2001).

Выдающийся французский философ, культуролог, литературовед Ж. Деррида посвятил анализу феномена книгу «Презентация времени» ("Donner le temps": 1991), в которой время анализируется с точки зрения манипулирования временем в сознании человека. Время, будучи невидимым, отождествляется у Дерриды с бытием, и оно непостижимым образом проявляется через язык (см. об этом: Энциклопедия постмодернизма: 2001).

Человеческая деятельность обусловлена языком, сложившимися в нем представлениями, понятиями, концептами. И если это так, то «мы имеем дело не с объективной реальностью, а с когнитивными доменами, которые мы наблюдаем через призму других когнитивных доменов, переходя из одного домена в другой. Чтобы ответить на вопрос о времени, необходимо связать опыт использования слова с опытом деятельности, сопровождающейся словом. /.../ За словом «время» скрываются, прежде всего, последовательность и одновременность, абстрагированные от конкретных процессов, поддерживающих жизнедеятельность системы. Исходя из этого, настоящее, прошлое и будущее следует считать изобретениями человеческого разума, понятиями, служащими для объяснения нашего существования, проживания, присутствия, которое ощущается как происходящее «теперь» [Maturana 1988; 1995; 1999; Maturana & Varela 1980]» (Чугунова: 2009, АДД).

Жиль Делез, один из самых известных философов XX века, провозгласил: «Человек представляет собой фигуру из песка между морским отливом и приливом». И если время – изобретение человеческого разума, тогда обретает логику и постмодернистский тезис отказа от времени, развитый Ж. Делезом и Ф. Гваттари в труде «Что такое философия?» (Делез, Гваттари: 1998). В философии постмодернизма, пронизанной пафосом разрушения устоявшихся связей, конца истории, меняется и «способ прочтения времени» (Делез). Теперь оно начинает пониматься как «симулякр», конструкция сознания, состоящая из спрессованной процессуальности.

К XX веку, в связи с бурным развитием естественных (конкретных) наук, проблема времени перестала быть сугубо философской. Интерес разных наук к феномену способствовал появлению соответствующих дифференциальных контекстов для его понимания. Отличительной особенностью научного дискурса по данной проблеме

является стремление к репрезентации объективности времени через воссоздание его свойств в модели-образе в научных теориях и концепциях.

Чтобы познавать законы времени, научное сознание мыслит его в реально-объективных формах окружающего нас мира. В научный обиход входят понятия «физическое время», «геологическое время», «экологическое время», «психическое время», «экономическое время», «социальное время» и др. Но здесь наука сталкивается с новой проблемой, о которой еще в 1931 году говорил академик В. И. Вернадский в докладе «Проблема времени в современной науке»⁸: «Можем ли мы в этих сходных проявлениях времени, столь глубоко нам представляющихся различными явлениями природы, видеть **свойства времени** или нет?».

Так, например: в эмбриологии объект изучения – живые клетки, а наблюдаемая изменчивость – процесс деления. Выявилось, что за одно и то же астрономическое время, но при разных условиях клетки могут делиться с разной скоростью. Именно поэтому возникла необходимость в отграничении такого времени от времени физического. Так появился термин «биологическое время». Или: в современной психологии существует точка зрения, что сознание и время – это одно и то же. Отсюда следует: время – не столько свойство окружающего (физического) мира, сколько особенность его восприятия сознанием. Данная точка зрения основывается на зафиксированных свидетельствах, когда при измененных состояниях сознания меняется порядок течения времени: увеличивается скорость метаболических процессов и быстрота реакций, а за секунду астрономического времени сознание совершает большее число операций. Поэтому в психологии исследуется субъективное время личности, данное в переживании. В связи с вышеизложенным уместно вспомнить, что еще А. Пуанкаре подчеркивал: не существует способа измерения времени, который был бы более правильным, чем другой; как правило, речь идет лишь о более удобном способе.

История установления стандарта времени в западной традиции восходит к античности, где час времени измерялся от восхода до захода как одна двенадцатая часть дня, следовательно, он изменялся в течение всего года. И именно с этим, как считается, связана большая сложность античных водяных часов. Часы – это схема, модель, фиксирующая переход от одного момента времени к другому, которая изображает время как набор определенных длительностей. Эта схема-модель обладает свойством непрерывного перехода от одного момента времени к другому. В ее основе лежит вычлененная человеческим познанием мера длительности. И эта вычлененная «мера

⁸ сделан на общем собрании Академии наук СССР

длительности» является схематичным отражением развития и организации научного познания, которое, в свою очередь, определяет структуры мышления.

Введение часа, который характеризовался бы постоянной величиной, несмотря на попытки астрономов древности и несмотря, к примеру, на ее подробное обсуждение в средние века в знаменитой Оксфордской школе натурофилософов, как свидетельствует история науки, были безуспешны вплоть до появления механических часов с боем. Считается, что современная хронометрия ведет свое начало от открытия естественного процесса – качания маятника, сделанного Галилеем. Практическое значение открытия состоит в том, что этот периодический процесс был соединен с часовым механизмом для механического регулирования числа колебаний. Именно маятниковые часы стали первым «удовлетворительным» механизмом для равномерного деления физического времени⁹.

С тех пор хронометры постоянно эволюционируют: самыми точными современными часами к настоящему моменту является оптический атомный счетчик времени, который создан в Национальном институте стандартов и технологий (NIST) в США и который делает секундную ошибку за более чем 3,7 миллиарда лет. Этот уникальный прибор, пришедший в 2010 году на смену цезиевым часам, планируется использовать для определения возможных изменений фундаментальных констант и проверки законов физики.

Известно, что науки разнятся по уровню развития, строгости, точности. В точных науках концепция времени связывается, прежде всего, с опытами по математическому ускорению Г. Галилея, математическим анализом И. Барроу, механикой И. Ньютона. Считается, что развитие физических теорий о времени связано с его геометризацией через связку «пространство-время». Исаак Барроу считал, что без движения человек не смог бы воспринимать ход времени, следовательно, время подлежит анализу как текущее равномерно, и сравнивать его нужно с каким-то имеющимся равномерным движением, например, с движением небесных светил. Но вне специального рассмотрения само время не содержит в себе ни движения, ни покоя. Теория времени у И. Ньютона основывается на евклидовой геометрии, точки которой интерпретируются как моменты времени, упорядоченные отношениями «раньше ↔ позже».

Исследование времени в классической механике основывалось на допущении: есть некая сущность, которая не зависит от внешнего, но сама является условием существования тел и событий. Ньютон рассматривает ее как образец независимой переменной и называет истинным, абсолютным, математическим временем. Абсолютное

⁹ Хотя существует мнение, что изобретение часового механизма, основанного на принципе регулировки хода часов, было сделано китайцами (об этом: J. Neerillam, et. al, Heavenly Clockwork, Cambridge, 1960).

время «само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью» (Ньютон: Математические начала натуральной философии; цит. по: А. Н. Крылов: 1936, с. 30).». Но Ньютон различал и относительное, кажущееся или обыденное, время как мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни: час, день, месяц, год (там же).

Зафиксируем в этой связи: с позиций данного исследования, ориентированного на анализ процессов концептуализации времени, мотивированных культурой и фиксирующихся в обыденном сознании как факты языка, объектом исследования становится именно «второе, обыденное, время».

Дальнейшее развитие физических представлений о времени связано с теорией относительности Эйнштейна, которая обнаруживает, что одновременность событий не является абсолютной, она относительна: данное мгновение не может охватывать всю вселенную; не может быть одного и того же мгновения для всего мира. В контексте теории относительности время неотделимо от трех пространственных измерений. Хотя несколько ранее Эйнштейна, в 1905 г., естественный вариант объединения пространства и времени был предложен А. Пуанкаре. На основе теории относительности Эйнштейна в 1908 г. Г. Минковский конструирует первый развернутый вариант естественного объединения пространства и времени, «пространство Минковского». Принцип относительности стал качественным этапом на пути развития научного познания, в том числе, применительно к феномену времени.

Очень обобщенно, в концепциях физики связка «время-пространство» представляет собой научную модель, где пространство определяет местоположение и координаты материи, а время – скорость их изменения.

С тех пор концепция пространства-времени активно разрабатывается в физике, а измерение времени стало зависеть от представления о стандартном интервале времени, т. е. некоторого условного периода, подобно тому, как представлена стандартная единица длины. Для лингвиста в этой связи представляет интерес, что в астрофизике, к примеру, сложилась традиция исчислять межзвездные расстояния при помощи понятия «световой год». Налицо факт семантической транспозиции: год становится единицей измерения не времени, а расстояния.

Понимание времени в лингвистике основывается на философско-физической модели объективного времени. Оно рассматривается как языковая функционально-семантическая категория, в которую экстраполируется вся совокупность способов выражения времени в языке (грамматическое время, относительное время, таксис, грамматический вид, способ глагольного действия). Вместе с тем, признается, что

системные отношения в языке и речи не могут быть сведены только к линейной модели (см. об этом: Бондарко 2001; Виноградов 1986; Закамулина 2001; Маслов 2004; Падучева 1998 и др.). Язык, отражая донаучное, обыденное, религиозное, философское и научное знание, совмещает в своих единицах архетипический, мифологический, религиозный, философский и собственно научный образ времени. И, как следствие, к примеру, в русском языковом сознании фиксируются: «круглый год» (циклическая модель времени), «линия жизни» (линейная модель времени), «бег времени» (динамическая модель времени), «во веки веков» (синкретическая модель времени) и т.п. Язык может как продуцировать, так и аннулировать время, о чем указывал известный французский лингвист Густав Гийом в рассуждениях о диспозиции языка и времени (Гийом: 1992, с. 9).

Лингвистика текста (текст-лингвистика) и литературоведение оперируют терминами «время художественного произведения» и «хронотоп». Последний введен в научный дискурс М. М. Бахтиным: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). /.../ Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. /.../ Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» (Бахтин: 1975, с. 234 и след.).

Художественное время многомерно, дискретно и противоречиво. Оно может удлиняться и укорачиваться, что, по мнению Умберто Эко, зависит как от авторского замысла, так и от читательского мастерства (Делез, Гваттари: 1998). Для его исследования У. Эко вводит понятие «скорость движения текста» и оперирует терминами «нарративное время», «фабульное время»: «фабульное время является частью содержания, если в тексте сказано: «Прошла тысяча лет», фабульное время составляет тысячу лет. Однако на уровне вербального выражения или нарративного дискурса время, потребное, чтобы написать (и прочесть) это предложение, чрезвычайно невелико. Таким образом, краткое время дискурса может отображать очень длительное фабульное время, разумеется, возможно и обратное...» (Эко: 2002, с. 99-100).

Следовательно, и в литературоведческих, семиотических исследованиях время вступает в известное противоречие со временем отдельного литературного текста, взятого как объект исследования.

Временная сущность явлений получила название «темпоральность», которая понимается как «временная сущность явлений, порожденная динамикой их собственного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам» (Яценко: 1999)¹⁰. Понятие темпоральности широко используется в социологии, психологии, культурологии, литературоведении, языкознании, истории для описания динамических объектов: личность, социальная группа, класс, общество, ценность.

По мнению ученых, для того, чтобы время стало предметом содержательного изучения, чтобы обсуждать само понятие времени, «необходимо вывести его из неопределяемых представлений логического базиса науки», но даже «сегодня представления о времени тесно переплетены с иными исходными понятиями: с представлениями о пространстве, материи, зарядах, взаимодействиях, энергии, развитии, жизни, сознании...» (из интервью руководителя Российского междисциплинарного семинара по темпорологии А. П. Левича)¹¹.

Исследование времени в науке основывается на реализации актуальных в определенный исторический период научных теорий, концепций, программ. Отражая уровень научного познания, они являются теоретическим основанием для конструирования абстракции времени, в которую в качестве системного единства должны быть сводимы эмпирические и теоретические факты.

В уже цитированном выше докладе В. И. Вернадский отграничил научное знание от других форм знания: «Научное знание в двух своих проявлениях резко и определенно отличается от всякого другого знания: философского, религиозного, от народной мудрости, здравого смысла – бытового, векового знания человеческих обществ. Оно отличается тем, что определенная, значительная и все растущая его часть является бесспорной, общеобязательной для всех проявлений жизни, для каждого человека». И далее он ставит вопрос: «В какую же часть научного мировоззрения попадет **научное понятие времени**? Является ли оно частью сменяющегося и преходящего построения

¹⁰ Толковый словарь обществоведческих терминов; электронный ресурс, режим доступа: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/t/temporal5nost5.html; дата доступа: май-октябрь 2009

¹¹ электронный ресурс, режим доступа: <http://www.taday.ru/text/164689.html>; дата доступа: январь-май 2011

научных моделей, гипотез теорий? Или же оно является частью реальности мира в научном ее понимании, одним из основных эмпирических обобщений. Если оно и не было открыто научным мышлением, оно в течении нескольких тысяч лет проверяется и обрабатывается научным опытом, наблюдением, научной мыслительной работой. На опыте и на наблюдении оно основано, и во всяком эмпирическом факте и обобщении мы прямо или косвенно с ним, так же как с пространством, сталкиваемся. На этом научая мысль стоит незыблемо, хотя в ходе ее истории представление о времени резко меняется, прежде всего, под влиянием философской и религиозной мысли» (Вернадский: 1932, с. 511-541).

Научное знание является результатом многовекового развития человеческой мысли, оно зарождалось в глубинах обыденного познания. Но по мере развития общества научное знание становится частью его общей культуры. Научное знание фиксируется в обыденном сознании фрагментарно, упрощенно, неточно, вне зависимости от господствующих в науке теорий, и этот факт также находит отражение в языках. Но это отражение «не стремление к идентичности» с научной картиной мира, а «отражение изменяющегося мира» (Корнилов: 2003, с. 15).

Научное знание может присутствовать в обыденном сознании латентно. Так, мы видим, называем и представляем росу, дождь, снег, пар, водопад, не связывая их с научным знанием, с тем, что все это – разные состояния одного вещества. Но вместе с тем, это знание латентно, т. е. не проявляя себя явным образом, присутствует в нашем сознании.

С точки зрения естественных наук, время существует вне сознания и, следовательно, не зависит от него. Однако все сущее осознается и определяется человеком в категориях начала и конца, зарождения, развития и старения, перемен и преобразования. Когда человек говорит о времени, то, как правило, опирается на ненаучное, обыденное, подсознательное представление о нем и о мире в целом. Но и когда он размышляет о времени, то в основе его рассуждений лежит исторический опыт, практика, созерцание и переживание. Образ времени в сознании – это перцепция находящегося в вечном движении изменяющегося мира.

Время – это изначальная данность, как понятие оно имеет историю, складывающуюся на всем протяжении развития человеческого познания. Делез ввел в философию понятие «граница между знанием и незнанием» (Алфавит Жюль Делеза: 2003, с. 44). Воспользовавшись метафорическим образом Делеза, полагаем, что попытки понимания времени человеком проистекают именно в этом пространстве.

Итак, время – в высшей степени абстрактное понятие. Оно является одним из базовых в науке, философии и культуре. Время относится к разряду ключевых понятий, составляющих «каркас» картины мира. Модели его восприятия тесно связаны со всем социокультурным комплексом определенной эпохи, вместе с которой они эволюционируют. Поэтому для последующей реконструкции модели концептуализации понятия «время» уже в языковом сознании, как представлялось, необходимо было свести к концептуальной модели данные, имеющиеся по этому вопросу в истории культуры и науки.

I. 7. Модель - конструкт культурной эпистемы «время»

Анализируя данные об универсальном и национальном в восприятии времени, исследователи сходятся во мнении, что в большинстве ареалов культуры время концептуализируется в виде нескольких универсальных моделей соответственно представлениям о феномене на разных уровнях эволюции человечества.

Время – одна из важнейших форм самосознания человека, его образы относятся как к объективным процессам и внешним предметам, так и к внутренним, субъективным процессам.

Время является категорией чувственно воспринимаемого мира. Оно невидимо и неслышно. «У человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени» (Арутюнова: 1999, с. 52). Чувство времени появилось у человека задолго до того, как его разум научился мыслить качественно иными абстракциями и категориями, такими, как направленность, асимметрия, причинность. Это чувство порождено восприятием изменений в мире: «Все течет, все меняется, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от

объятий; время искать, и время терять; время сберечь, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Екклесиаст: 3: 1-8).

Для человека время всегда имеет точку начала отсчёта: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Екклесиаст: 3: 1-8).

Древнейшей моделью времени, в которой проявляется и его универсальная ценность и которую относят к первобытным и языческим культурам, принято считать «циклическое» время. Эта модель восходит к архаическому, космологическому, мифологическому сознанию. В основе такой модели лежит образ круговорота событий, их ритмического повторения. Древняя концепция времени имела огромное значение для развития человеческой цивилизации. Именно первобытная идея времени как циклического повторения событий легла в основу его измерения, которая сохранилась в наивной картине мира до наших дней. Эта идея характерна не только для европейской цивилизации. Так, древнекитайская мысль воспринимала время как огромный организм, который находится в циклическом процессе изменения. В цивилизации майя время также двигалось по кругу, о чем свидетельствуют изображения на древних обелисках. Культура Древней Месопотамии оставила в наследство не только символы двенадцати созвездий Зодиака, но и деление часа на шестьдесят минут, а минуты – на шестьдесят секунд, семидневную неделю, в основе которых также лежит идея движения времени по кругу. На языковом уровне отражение кругового движения времени эксплицировано, к примеру, в русском узуальном метафорическом образе: «круглый год». Эта синкретическая языковая метафора (мир как нерасчлененный объект) восходит к архаичной поре человеческого сознания.

В циклическом времени нет ни начала, ни конца, все движется по кругу. Поэтому в этом движении по кругу трудно понять, где прошлое, а где настоящее: впереди или позади человека? В древнегреческих и древнеримских представлениях прошлое часто оказывается впереди человека, ведь он его знает, следовательно, видит. А будущее – невидимо, поэтому оно за спиной человека.

Это время пугает и завораживает человека. В известной работе «Античная философия истории» А. Ф. Лосев пишет: «Тексты, встречающиеся у трагиков, имеют огромное значение для понимания того, как в ту эпоху представлялось время... Мы видим, что время очень мало зависит от людей, совсем не зависит от богов и даже выше самой судьбы. Это – какая-то страшная стихия, охватывающая всю мировую жизнь с начала и до конца, дарующая для всего как радость, так и печаль, страдания. Это – специфическая стихия, совершенно не сводимая ни к чему другому. Это – рисунок самой

жизни, пребывающей во всегдашнем становлении и совершенно ни от чего не зависящей»¹².

Время – и одно из важнейших библейских понятий. Оно имеет власть над всем, что сотворено Богом, но для Самого Бога оно не существует. Поэтому в Библии существует вечность, которую, согласно традиции, отождествляют с бесконечностью. Следовательно, время и вечность – «два различных способа бытия, относящиеся к разным мирам, которые сосуществуют, но имеют коренные отличия, как мир видимого и мир невидимого» (Библейская энциклопедия Брокгауза: 1994). Существенно, что Книги Библии не знают сквозной хронологии, отсчет времени начинается в Библии с исхода из Египта. Как сказано в словарной статье названной энциклопедии, «Библия рассматривает В. не как процесс, внутренне присущий миру, напр., как круговорот, в котором все повторяется, возвращаясь к своему началу, или как течение из ничего в ничто, а как нечто, данное Богом и направленное к определенной цели».

Как результат более позднего осмысления феномена в культурологии рассматривается модель «линейное время». Линейное время может быть понято как разомкнутый сознанием и расплавленный в линию круг. Следовательно, в нем появляются «начало» и «конец». Будущее теперь находится впереди человека, он смотрит в неизвестное. Внутри этой модели времени в культурологии выделяют «библейское» линейное время, связывая его категории с понятиями «начала» и «конца» сотворенного, «тварного», мира. Но линейное время по Ньютону – это прямая линия без начала и конца. Выделяют также линейное время, в котором линия может быть устремлена или вверх, к прогрессу и развитию, или вниз – символ регресса («стрела времени»).

Это время движется и течет вдоль мысленной линии, уподобляясь потоку, реке. Новая модель времени накладывается на уже существующий синкретический образ. Отсюда, к примеру, универсальные для многих языков узуальные метафоры типа «время течет», восходящие к языковой модели с прямым значением «вода течет». Сравнение разнородных объектов приводит в языковой картине мира к возникновению нового образа, где семантическим посредником метафоризации являются семы «вода» и «движение». Как полагал А.Н.Веселовский, связи, порожденные синкретическим восприятием разнородных физиологических раздражений, можно рассматривать как «психологический параллелизм» (Веселовский: 1989, с.90), универсальное проявление человеческого сознания во всех культурах.

¹² электронный ресурс; режим доступа: http://society.polbu.ru/losev_philosophy/ch30_i.html; дата доступа январь - апрель 2009

Суммируем вышеизложенное: как результат процессов освоения и концептуализации времени в истории культуры принято выделять две его основные, базовые модели – циклическое и линейное время. Эти модели взаимопроницаемы, поскольку в сознании между ними нет четких границ, о чем свидетельствуют факты языка¹³.

Наряду с этими представлениями, как исторически промежуточное между циклическим и линейным, Ю. С. Степанов предлагает рассматривать и «разом данное время». Это – модель-представление о времени, «когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в окружающей его действительности» (Степанов: 2004, с. 119). С точки зрения появления такой концептуальной модели, как отмечает ученый, трудно предположить, появилось ли оно до или после циклического времени: «мы находим его в текстах Гомера..., и оно исчезает с появлением греческих исторических сочинений – в V в. до н. э.» (там же, с.119).

Ж. Вардзелашвили в статье «Культурная эпистема как модель сознания и проблемы вербализации смысла» (2011) пишет о том, что непрекращающееся осмысление позиции человека во времени, т. е. размышление не об объективном (научном) времени, а понятом как модус бытия, легли в основу его дальнейших интерпретаций, вплоть до отрицания существования времени. Так, у А. Ахматовой это выражено в строках: *«И время прочь, и пространство прочь»*, у З. Гиппиус: *«По крайней мере, точно, без обману: Нет времени у нас, и меры нет»*, у А. Белого: *«Какая злость в тысячелетнем взгляде! Погасни, время!»*, *«Времени – Нет уже... Падаю В эту же – Бездну Безвременья»*, у Б. Пастернака: *«Он был так долгов, Что пропало чувство времени»* или: *«Вы поняли, что время бы не шло, Когда б оно на нас не обижалось»*; О. Мандельштам: *«Уж до чего шероховато время, А все-таки люблю за хвост его ловить, Ведь в беге собственном оно не виновато Да, кажется, чуть-чуть жуликовато»*. Как отмечается в указанной статье, в современной культуре существует феномен, названный «переоткрытие времени». Это название введено в научный обиход лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным, который, в частности считает: «Отрицание времени было искушением и для Эйнштейна, ученого, и для Борхеса, поэта. Оно отвечало глубокой экзистенциальной потребности...» (Пригожин: 1999, с. 260). «В поисках утраченного времени» философия постмодернизма «обретает» время как конструируемую сознанием субстанцию. Новая модель времени – это конструкция сознания, в которой спрессована сама процессуальность, но она больше

¹³ некоторые исследователи выделяют, так называемое, «спиралевидное», метафизическое и историческое время. Однако здесь мы приводим основные модели, принятые в философии и культурологии.

не сворачивается в круг-цикл и не разворачивается в линию. По мнению автора, эта модель концептуализации соотносима с моделью Ю. С. Степанова «разом данное время», но локализованной в архаическом сознании. Одним из принципиальных отличий симулякра времени в сознании современного человека является введение во временной контекст категории «нравственная ответственность». Время начинает пониматься не как преемственность событий прошлого, настоящего и будущего, не как последовательная смена в процессах; оно все больше воспринимается как форма, освобожденная от предметного содержания. Время – это форма интенсивности мысли, оно не сводимо более к линии, поскольку главное в нем – глубина, предполагающая объем, а линия лишена этой характеристики. Как пишет в одном из эссе известный культуролог А. Генис, «Это раньше время было глыбой. Тяжелое и мерное, оно давило всех поровну. Теперь оно расколослось на мириады темпоральных капсул, позволяя каждому жить когда хочется» (2009, с. 522). Современный человек мыслит «коллажно», накладывая «друг на друга куски реальности, напирющие, вставшие на дыбы вещи... Но коллаж – это не произвольная мешанина тестов, цитат, тел, красок, форм, это композиция, подчиненная динамике различия и повторения, рассекающая Хаос единственно возможной линией, складывающейся в образ мысли» Фролова, Савенкова: 2002, с. 20).

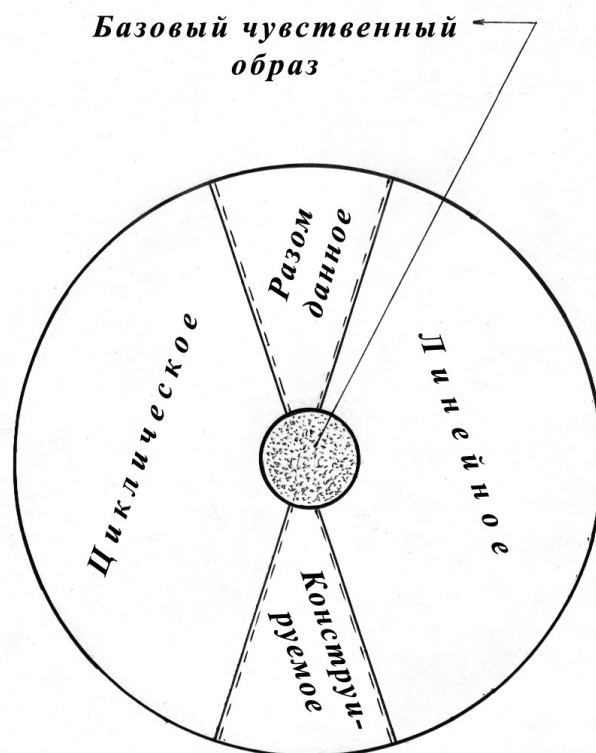
Резюмируя, сведем представленную информацию об онтологическом статусе времени к следующему заключению: в человеческом сознании время концептуализируется в виде двух основных (базовых) и двух промежуточных моделей. При этом ни одна модель, будучи вытесненная в сознании новой, не исчезает из него полностью. Они могут перемещаться в периферийные зоны, но продолжают влиять на конструирование образов времени. Представим сказанное в таблице:

Модели концептуализации времени	
Основные	Промежуточные
<ul style="list-style-type: none"> • <u>циклическое время</u>: время как повторяющийся цикл событий; наиболее архаическая концептуализация, связана с циклами природы: восход и заход, день и ночь, смена времен года и т. п.; прошлое, настоящее и будущее еще не концептуализируются как качественно разные фрагменты времени; • <u>линейное время</u>: время как геометрическая линия, где есть начало и конец; прошлое, настоящее и будущее 	<ul style="list-style-type: none"> • <u>разом данное время</u>: слияние трех временных точек как в сознании человека, так и в окружающей действительности;

<p>концептуализируются как качественно разные фрагменты времени; формирование образа «стрела времени», направление которой зависит от того, идет ли речь о развитии или регрессе</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <u>конструируемое время</u>: время как призрачность, факт сознания, симулякр, процессуальная свернутость, нравственная ответственность человека перед временем
--	--

Эти данные и положения легли в основу **культурологической** модели концептуализации понятия «время»:

Схема № 1.

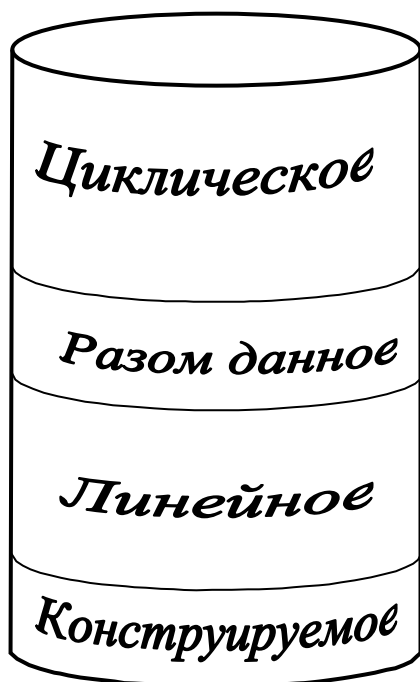
Модель выстроена по полювому принципу. Вид сверху позволяет увидеть концептуальное поле, разделенное на четыре сегмента, сообразно количеству классификаторов. Она образована когнитивными классификаторами, в качестве которых определены названия типов времени в сознании: *циклическое*, *разом данное*, *линейное*, *конструируемое*. Когнитивные классификаторы различаются по степени представленности в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре по принципу «основные – промежуточные». На схеме это отражено в графических размерах сегментов. Сегменты можно толковать как синонимичные встречающимся у разных авторов терминам «слот», «фрейм», «скрипт», «домен». Они объединяются вокруг базового

чувственного образа, прототипического ядра концепта. Необходимость введения его элемента обоснована, прежде всего, тем, что любые множества организуются на категориальных признаках.

Модель любого поля выстраивается на основании системообразующего параметра – прототипа. При определении прототипа мы исходили из того, что образ времени для человека, будучи основан на понятиях рассудка, переводится на язык чувств (И. Кант). В качестве ядерного признака определен базовый чувственный образ *«процессуальный модус бытия»*.

На схеме № 2 представлена графическая модель этого же концепта, но уже с позиций эволюции концептуальных моделей в сознании.

Схема № 2.

Вид сбоку – это условные когнитивные уровни, отражающие степень абстракции. И поскольку в контексте нашего исследования эволюция связана с развитием абстракций в процессе мышления, на условно I когнитивном уровне помещается циклическая модель времени, на II (промежуточном) расположена модель «разом данное время», на III – линейная модель времени, а на IV – только формирующаяся модель в познании времени – конструируемое время.

Эта модель, отражающая эволюцию концептуализации понятия «время» в сознании человека от архаического периода до наших дней, имеет принципиально важное значение для дальнейшего исследования. Способы восприятия и категоризации времени

выражаются в языке, отражая систему взглядов, «наивную коллективную философию» его носителей. И если научное знание растет, развивается, может устаревать, то обыденное знание как схема восприятия мира, закрепленная в пространстве языка, передается от поколения к поколению в виде установок, норм, ценностных оценок. В лингвистике принято говорить о релятивности понятия «время» относительно системы отдельного языка. При этом имеется в виду, что в языках, к примеру, существуют разные глагольные времена как средства для передачи его меняющихся состояний. Однако, как отмечает Ю. С. Степанов, «понятие времени соотносительно с системой любого языка». И даже если речь идет о языках и культурах, которые реально и топологически далеко отстают друг от друга, «не следует, чтобы различное устройство этнических языков в отношении понятия времени мешало говорящим на разных языках понять системы друг друга» (Степанов: 2003, с. 238- 239).

Время – это феномен, концептуализация которого не прекращается на всем протяжении человеческой истории. Время метафоризируется, переосмысливается, уподобляется живому организму, демиургу, человеку, химере, холодной вечности, абсурду... Оно познается обыденным, а в последствии, и научным мышлением. И все эти ракурсы, эксплицитно или имплицитно, находят отражение в языковых фактах.

Переход от этой модели к лингвокогнитивной осуществляется в исследовательских целях для смещения ракурса анализа к лингвистическому аспекту вопроса. Поэтому модель-схема культурной эпистемы «время» берется за основу конструирования научной абстракции, имеющей привязку к языковому сознанию. Теоретическая модель лингвокультурологического концепта «время» понимается здесь как многовековой результат процессов концептуализации понятия, эволюционирующий вместе с культурой и отраженный в языковых формах и фактах.

Все вышеизложенное позволит двигаться в исследовании ко все более абстрактным конструктам, лежащим в основе тех допущений, на которых моделируется сегмент картины мира и его языковое воплощение. Сказанное может быть соотнесено с одним из уже приведенных выше методологических тезисов лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований о необходимости вписывать одно знание в другое, более общее, а в конечном итоге – в культуру. Процессы концептуализации понятия, которые могут быть «высвечены» при реконструкции вербализованной части его концепта, охватывают категории понятия, значения и смысла, каждое из которых мотивировано как логикой познания, так и культурой, в которой они формируются. Поэтому концептуализация – это динамический процесс в языке и сознании, мотивированный сложным комплексом факторов.

В данном исследовании исходной установкой лингвистического аспекта анализа процессов концептуализации понятия «время» является следующее:

1. Время – одна из главных форм самосознания: «Само бытие есть время» (Хайдеггер).

2. Время – основное условие всякого конечного существования (Соловьев).

3. Временные представления связаны с мировоззрением, обыденным сознанием, с реальной жизнедеятельностью людей.

4. От чувства времени человек продвигается в процессе познания к понятию времени, и это находит отражение в языке (Кассирер, Деррида); время, в том числе, проявляется через язык.

5. Понимание времени человеком стремится к объективному, но всегда содержит субъективное начало.

6. «Научное» и «обыденное» время могут быть представлены в виде дихотомии «объективное время – субъективное время»; понятие «время» выводится в обыденном сознании из ощущений.

7. Время в человеческом сознании связано как с опытом использования слова, номинирующим понятие, так и с опытом деятельности, стоящим за этим словом.

В связи с вышеизложенным приведем слова Э. Бенвениста, вынесенные в качестве эпиграфа к данной работе: «Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами» (Бенвенист: 2002, с. 111).

Глава II

Лексема «время» как динамическая система связей одноименной концептуальной категории в русском языковом сознании

II. 1. Анализ ключевой лексемы-номинатора концептуального множества «время»

Категория времени связана со всей жизнедеятельностью человека, следовательно, она относится к тем базовым, ключевым, понятиям, которые формируют каркас картины мира любого этноса. При этом организация темпорального опыта в разных культурах может иметь различные концептуальные опоры, мотивированные особенностями того культурного и исторического фона, который формирует национальное сознание. Универсальной может быть признана связь времени, пространства и движения в человеческом сознании и языке, уникальной – взаимоотношение этих категорий.

Универсальные и национальные концепты, рассмотренные в контексте национальной культуры, изучаются как диалектические динамические структуры – стереотипы языковой и культурной ментальности. Понимание концептов, по мнению ученых, «должно основываться на их восприятии как семантических матриц» (Афанасьева: 2004, с. 43). «Семантические матрицы» служат эталонным образцом для экспликации когнитивно освоенных понятий и категорий, образующих ту или иную языковую картину мира.

Слово – предельная единица языка, оно многомерно, его значимость «складывается из множества отношений данного слова к другим словам в разных аспектах и разных подмножествах» (Литвин: 1984, с. 14). Оно определяется не только языковыми факторами, но и экстралингвистическими: «Отличительной особенностью лексико-семантической системы является то, что единство системы... обеспечивается принципом интегрирования (суммарного накопления) единиц предельного членения (значений слов) в более сложные единства» (Уфимцева: 1986, с. 43).

Отталкиваясь от положения, согласно которому в лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях признается, что лексикографические данные могут быть одним из средств, позволяющих приблизиться к смысловой, предметной и образной составляющих концептов, обратимся к данным словарей. При этом мы исходим из того, что значения, зафиксированные в семантике вербализаторов концепта, это – план

содержания слова, но не концепта: «анализ толкования любого слова в толковом словаре показывает, что все семы, входящие в толкование, отражают именно знания о предмете, называемом словом» (Стернин: 1982, с. 13).

Сказанное объясняет привлечение в работе для расширения исследовательского поля большого количества данных об анализируемом явлении и способах его восприятия из смежных дисциплин, его истории в процессе культурного эволюционирования. Приведем здесь и тезис Ю. С. Степанова о неслучайности «именования», о синонимизации «слов» и «вещей» в духовной культуре, в результате чего образуются «концептуализированные области». «Именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре, вскрывается глубокая мотивированность именований... Язык... направляет людей в именованиях, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры» (Степанов: 2003. с. 67-74).

Анализ семантического наполнения и внутренней формы ключевой леммы концептуального множества «время» проводился на материале словарей русского языка: Толкового словаря живого великорусского языка Вл. Даля, Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Малого академического словаря (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой, Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова (БТС-2000), Фразеологического словаря русского языка под ред. А. И. Молоткова (1967), а также онлайн версии Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т. В. Ефремовой (признается самым полным по объему словника среди существующих толковых словарей)¹⁴ и Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова. К анализу были привлечены данные из Национального корпуса русского языка¹⁵: синтаксического, семантического, частотного, поэтического, Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен. Анализ этимологии слова представлен на материале Этимологического словаря русского языка А. Г. Преображенского (1959), Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (1986) и Словаря констант русской культуры Ю. С. Степанова (2004).

Остановимся подробнее на том, чем обусловлен выбор именно МАС-а в качестве основы эмпирической базы. В предисловии к его второму изданию сказано: «Словарь охватывает лексику русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Его задача остается той же, что и в первом издании – представить с необходимой полнотой

¹⁴ электронный ресурс; режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-11594.htm>; дата доступа: январь-июнь 2011

¹⁵ электронный ресурс; режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>; дата доступа: январь-июнь 2011

словарный состав современного литературного языка, а также ту часть широкоупотребительной лексики русского литературного языка XIX века, знание которой необходимо при чтении произведений классической художественной литературы, передовой публицистики и передовой науки XIX века, вошедших составным элементом в современную социалистическую культуру. /.../ Базой при подготовке второго издания служила картотека Словарного сектора Института русского языка, непрерывно и систематически пополняемая цитатами из произведений современной литературы, а также картотека, специально созданная для работы над вторым изданием Словаря» (1981, с. 5). «Необходимая полнота» словарного состава современного литературного языка в сочетании с частью «широкоупотребительной лексики русского литературного языка XIX века» понимается нами как отражение в лексикографическом источнике процессов концептуализации, зафиксированных в русском языковом сознании. На этом основании полагаем, что именно данный словарь отражает академический аспект вербализованного представительства явления «время» в сознании средней языковой личности. Семнадцатитомный академический словарь (БАС) в ракурсе данного исследования представляется информативно избыточным. Таким образом, еще раз отметив неоспоримую авторитетность источника, полагаем, что выбор этого академического словаря является логичным и закономерным.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1938-1940) привлечен к анализу на основании того, что он отражает социальные изменения, которые произошли в первой половине XX века и которые оказали ощутимое влияние на русский язык и идеологизацию сознания его носителей. Авторитет Словаря связан с именем его составителя и главного редактора.

БТС-2000 «в своих основных чертах продолжает традиции... академической лексикографии», он является «преемником двух основных академических словарей, изданных в СССР» (имеется в виду МАС и БАС). Но при этом «значительные пласты лексики... получили в Словаре более точные толкования, лишённые идеологической нагрузки». Поэтому, как указано в предисловии, словарь является лексикографическим отражением культурной и общественной жизни русского народа (2000, с. 3).

Что касается Словаря Вл. Даля, то этот лексикографический источник – не только самый знаменитый словарь русского языка, но и сокровищница образности русского языка.

Как уже отмечалось, концептуальное множество, объединенное сложными смысловыми, понятийными, образными, ассоциативными связями, номинируется словом, в котором осуществляется «материализация» идеи, понятия и культурных «сгустков»

сознания. Обращение к толковым и этимологическим словарям языка дает возможность получить максимально расширенную картину языковой презентации данного концепта и историю его формирования. Словоупотребление актуализирует в сознании языковой личности не только значение слова, но и интертекстуальное знание, и архетипы бессознательного – все, что свернуто в знаке и (преимущественно имплицитно) присутствует в нем как основа интерпретации и наращивания смыслов в процессе речевой деятельности.

Представим сказанное схемой: лексема → ЛСВ → семы → эволюция понятия → культурные логосхемы → образный, ассоциативный ряд (ряды).

Лексема «время» представлена в МАС-е шестью ЛСВ, в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова зафиксировано семь ЛСВ, в БТС-2000 – четыре, в Новом словаре Т. В. Ефремовой – восемь, словарь же Вл. Даля, напомним, построен по иным лексикографическим канонам. За исключением материала из Толкового словаря живого великорусского языка, все словарные статьи приводятся здесь без иллюстративного материала, что связано с ограниченностью объема диссертационной работы. Иллюстративный материал Словаря Вл. Даля представляет неоспоримую ценность для анализа оценочных характеристик, связанных с понятием, поскольку содержит большое количество русских пословиц и поговорок и образных выражений.

МАС: «**ВРЕ́МЯ**, -мени, *мн.* вре́мена́', -ме́н, -ме́на́ м, *ср.* **1.** Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п. || Мера длительности всего происходящего, существующего. || Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т. п. **2.** Какой-л. отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т. д. || *обычно с определением.* Пора дня, недели, года и т. д., характеризующая чем-л., или в которую что-л. происходит. || Свободные от обычных занятий часы, дни и т. п.; досуг. **3.** Определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п. || *в знач. сказ.* Благоприятная пора, подходящий момент для чего-л. **4.** (*мн. ч. может употребляться и в знач. ед. ч.*). Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т. п.). **5.** *Филос.* Всеобщая объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения. **6.** *Грамм.* Форма глагола, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи или к какому-л. другому моменту.»

Словарь под ред. Ушакова: «**ВРЕ́МЯ**, род. и дат. времени, временем, времени, *мн.* времена, времён, временам, *ср.* **1.** *только ед.* Длительность бытия (филос.). Пространство и время - основные формы бытия. || Эта форма бытия, измеряемая секундами, минутами,

днями, годами, как мера длительности всего совершающегося. || Последовательная смена часов, дней, лет, столетий и т.п.; определенный отрезок этой последовательности, в течение которого что-нибудь совершается или что-нибудь может быть совершено. **2.** *только ед.* Определенный, известный момент. **3.** (мн. может употр. и в знач. ед.). Эпоха, период. **4.** *только ед.* Пора дня, года. **5.** *только ед.* Более или менее длительная совокупность дней, часов (разг.). **6.** *только ед.* Благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай. **7.** *только ед.* Досуг, свободное время.»

БТС-2000: «**ВРЕ́МЯ** -мени; *мн.* времена́, -ме́н, -мена́м; *ср.* **1.** *Филос.* Основная (наряду с пространством) форма существования бесконечно развивающейся материи. || Необратимая последовательность существования всех явлений и предметов от прошлого к настоящему и будущему. || Мера длительности всего происходящего, существующего, измеряемая секундами, минутами, часами, сутками и т.п. || Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.п. **2.** Отрезок, промежуток в последовательной смене минут, часов, дней, лет и т.п. || Пора дня, недели, года и т.п., связанная с явлениями природы. || Пора, часы, момент и т.п. отведённые для чего-л., в которые происходит что-л. || Свободные от обычных занятий часы, дни и т.п.; досуг. **3.** *мн.:* времена́, -ме́н. Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т.п.). **4.** *Грамм.* Категория глагола, относящая действие посредством специальных форм в план настоящего, прошлого или будущего. *Настоящее, прошедшее, будущее в. Глаголы изменяются по временам. Образовать причастие прошедшего времени.*»

Словарь Ефремовой: «**вре́мя** **1.** *ср.* 1) Одна из основных - наряду с пространством - форм существования материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире (в философии). 2) а) Продолжительность происходящего или существующего, измеряемая годами, месяцами, днями и т.п. б) Последовательная смена часов, дней, лет и т.п. 3) а) Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет. б) Период, часы, отведенные для каких-л. занятий. 4) Свободные от обычных занятий часы, дни и т.п.; досуг. 5) Определенный, известный момент. б) а) Эпоха, период в жизни государства, общества, человека и т.п., выделяющиеся чем-л. в ряду других. б) Часть дня, месяца, года и т.п., связанная с какими-л. явлениями природы. 7) Благоприятная пора, подходящий момент. 8) разг. Показатель скорости движения спортсмена при беге, заплыве и т.п. на определенную дистанцию (в спорте). **2.** *ср.* Категория глагола, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи или к моменту другого действия (в лингвистике). **3.** *предикатив* О наступлении срока чего-л.; пора.»

Словарь Даля: «**ВРЕМЯ** ср. длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками. *Время, сила в своих развитиях; пространство, в ее сочетаниях, Хомяков. Время летит. Время за нами, время перед нами, а при нас его нет. Время на дудку не идет. Время года, весна, лето, осень или зима. Время дня, утро, полдень, вечер, полночь.* || Пора, година, срок, спутный или противный чему случай. *Придет время. будет и пора. Знай время и место. Не во время гость, хуже татарина.* || Погода, состояние воздуха. *Каково время? ясно, дождь, снег.* || Счастье, земное благоденствие, благосостояние. *Будешь во времени, и нас помяни. Время красит, безвременье старит (чернит). Время на время не приходит (не находит). Было времячко, ела кума семечко; а ныне, и толкут, да не дают. Всякой вещи время. Пеню время, а молитве час. Придет время, будет и нам черед (и наш черед). Поминай отца, как время придет. Время деньгу дает, а на деньги и времени не купишь. Во времени пождать: у Бога есть что подать. Не человек гонит, а время. Бедный времени не ищет. Время разум дает. Невпору, невпрок; а ко времени, спорее. То было время, а ныне пора. Дурак времени не знает. Дураку, что ни время, то и пора. Не время дорого, пора. Был бы друг, а время будет. Был бы друг, будет и досуг. Не гребень холит, а холит время. Сила во времени. Временем бранись, а в пору мирись. Временем вкрасне, порою вчерне. Временем в горку, временем в норку. Деньги, време'м хлопоты. Время времени не работает (не работник). Доля во времени живет, бездолье в безвременье. Времени (погоды) дома не выберешь. У меня нет времени, некогда, недосужно. Время не споро, не удобно к делу. *Вовремя*, в свое время, впору, кстати. || Грамматич. изменение глагола, для означения действия или состояния настоящего, прошедшего и будущего. Местами говор. *время*, мн. *вм.* времена. *Время те были по-простее, ниж.* **Временить**, мешкать, медлить, отлагать, откладывать дело, отсрочивать, оттягивать, тянуть время, бавить; выжидать, поджидать, обжидать, сожидать, ждать. || *Арх.* марить, быть мареву; изменять вид свой издали, являться зрителю в обманчивом виде, от времени, погоды, преломления лучей. *На море времит. Острова времят. У него в глазах, в уме времнит, или завременило.* **Временится**, безличн. (как напр. *делается, сидится*). *Повремени, брат! Нет, брат, не времнится, некогда.* **Временный**, относящийся до времени. *Временное счисление. Временный*, не всегдашний, непостоянный, бывающий иногда, временем, по временам. *И радость, и горе дело временное.* **Временной**, преходящий, кратковременный, сделанный на время. *Временной сарай, временное жилище. Временная пятница*, день св. Параскевы, 28 октября, когда он придется на пятницу. **Временность** ж. состояние всего преходящего, временного. **Временное** сущ. ср. плотное, рубашечное, месячное, около-себя, женское, насебя, мыться.*

Временем, сокращ. **времем** нареч. по временам, временно. **Временчивый**, изменчивый, непостоянный. **Временчивость**, изменчивость. **Временитель** м.-ница ж. мешкатель, медлитель, человек нерешительный. **Временщик** м.-щица ж. человек случайный, нечаянно достигший почестей и знатности; любимец, жалуемый. *Народ вздохнет, и временщик падет. Временщики да любимцы те же опричники. Не царь гнетет народ, а временщик. Сильны временщики, да не долговечны. Много временщик, как девять лет, а больше нет*, пробудет; поверие. **Временник** м. хронограф, летопись, описание минувших событий. || Повременное издание, журнал. **Временчивый**, изменчивый, неровного нрава, причудливый. **Времемер**, м. снаряд для измерения времени; часы солнечные, песочные, колесные. **Времяисчисление** ср. счет годам, счисление времени по событиям; хронология. *Наше времяисчисление ведется от Рождества Христова*».

Анализ значений, которые выделяются в словарях для лексемы «время», позволил сделать следующие выводы.

Несмотря на варьирование семантического спектра, который связан с социокультурным контекстом составления отдельного словаря, в них совпадают основные компоненты значения: *длительность бытия и его мера; отрезок времени; момент; период; связка «время-пространство»; последовательность; грамматическая категория глагола*. За исключением Словаря Вл. Даля, в словарях одинаково ограниченно представлена информация об оценочном и эмоциональном компоненте значения: в МАС-е на это указывает примечание к смысловому варьированию ЛСВ2 «Пора» *«обычно с определением»*, в словаре Д. Н. Ушакова – ЛСВ6 «Благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай», в БТС-2000 – в смысловом варьировании ЛСВ1 «Необратимая последовательность существования», в словаре Т. Ф. Ефремовой дублирующее Ушакова: «Благоприятная пора, подходящий момент».

Информация, которая содержится в словарях, как наиболее общие и отличительные свойства времени, осмысленные русским языковым сознанием, фиксирует следующие векторы концептуализации понятия «время»: *последовательность, дискретность, связь с пространством, связь с событиями, измеряемость, существование шкалы времени*. Отметим, что в Словаре Ефремовой с пометой «разг.» фиксируется отсутствующее в других источниках: «Показатель скорости движения спортсмена при беге, заплыве и т.п. на определенную дистанцию (в спорте)».

Во всех словарях отсутствует информация:

а) о том, что из перечисленного ряда наиболее значимо в сознании носителей языка, поскольку, полагаем, нумерация ЛСВ, за исключением основного значения,

выделенного авторами как центральная дефиниция, носит в определенной степени условный характер;

б) с какими денотатами ассоциируется в сознании носителя языка значение «время» внутри его смыслового поля;

в) о влиянии культурного контекста на эволюцию значений и их оценок.

В соответствии с избранной методикой, продолжим анализ ключевого слова уже на диахроническом уровне.

По мнению А. Г. Преображенского: «Вре́мя, Р. времени: безвременье, временный, временщикъ, современникъ, временить ждать; обл., напр., сѣвск. уремя. Р. уремя и т.д.; мр. веремя. бр. вереме, уреме. др. веремя; веремь ж. (Дюв.М.12). сс. врѣмѣ, -ене. сл.; vrême погода. б. время; временный продолжительный. с. вријеме. Р. вријемена. - Инде. Основа: uermen= сскр. vârtman- путь, ко́лея, съдь колеса. (Уленб. AiW. 275. Brugm.Grdr. 1, 720).= общ.слав. вер(т-) мя = съ исчезнов. т предъ м. Относятся къ вертлѣть, воротить; таким образомъ, первоначальное значеніе: вращеніе, коловращеніе. Это значеніе такъ далеко, что сближеніе съ вертлѣть, по замѣчанію Мейле, (Et. 423), является не болѣе, какъ гипотезой, которую трудно доказать. Однако, ср. Его же (АЯ. 25,423) указаніе на корень *wert и сопоставленіе съ лит. veĩczia, vaĩto.» (Этимологический словарь русского языка: 1959).

В Словаре М. Фасмера указывается: «заимств из цслав вместо *веремя, ср укр вѣреме\ "ведро, погода", блр вѣреме, др-русск веремя, ст-слав врѣмѣ καιρός, χρόνος (Супр), болг. вре́ме, сербохорв. вријеме, словен. vrême. Родственно др-инд vârtma ср р "колея, рытвина, дорога, желоб", сюда же вертѣть; см Уленбек, Aind Wb 275; Мейе, AfslPh 25, 426; Et 131; Траутман, BSW 355 Для обоснования этой этимологии Покровский приводит лат annus vertens, mensis vertens, anniversārius (Symbolae Rozwadowski 1, 225) Менее вероятно сравнение с др-инд varīman- "размер, объем" (Mi EW 384) или с вереница, верига и родственными; см Зубатый, AfslPh 16, 418 Неприемлема этимология вре́мя как "жаркое время" от вретъ "кипеть"; см Желтов, ФЗ, 1876, вып 6, стр 56»; **Ближайшая этимология:** заимств. из цслав. вместо *веремя, ср. укр. *вeгpем?*\ "ведро, погода", блр. *вeгpеме*, др.-русск. *веремя*, ст.-слав. *врѣмѣ*, *καιρὸς*, *χρῶνος* (Супр.), болг. *вpеме*, сербохорв. *вpијeме*, словен. *vrême*. **Дальнейшая этимология:** Родственно др.-инд. *vartma* ср. р. "колея, рытвина, дорога, желоб", сюда же *вертѣть*; см. Уленбек, *Aind. Wb.* 275; Мейе, *AfslPh* 25, 426; *Et.* 131; Траутман, *BSW* 355. Для обоснования этой этимологии Покровский приводит лат. *annus vertens, mensis vertens, anniversārius* (Symbolae Rozwadowski 1, 225). Менее вероятно сравнение с др.-инд. *varīman-* "размер, объем" (Mi.

EW 384) или с вереница, верига и родственными; см. Зубатый, AfslPh 16, 418. Неприемлема этимология времья как "жаркое время" от вретъ "кипеть"; см. Желтов, ФЗ, 1876, вып. 6, стр. 56.» (Этимологический словарь русского языка: 1986).

Словарь Ю. С. Степанова предоставляет следующую информацию об этимологии слова *время*: «По своему морфологическому строению оно принадлежит к группе слов *бремя, племя, стремя, вымя, темя*, содержащих суффикс – в современном русском языке – *-ен* (ср. родит. падеж: *врем-ени, брем-ени, плем-ени* и т.д.). С исторической точки зрения, это суффикс и.-е. **men*, а само слово *время* восходит, таким образом, к **uert-men*, от корня и.-е. **uer-t-* «вращать, вращаться», и означает «круговорот». По содержанию и форме ему полностью соответствует архаическое латинское понятие *annus uertens* букв. «вращающийся год» (Константы: Словарь русской культуры: 2004, с. 117).

Суммируем приведенные данные: этимологом слова «время» А. Г. Преображенский и М. Фасмер считают колею, рытвину, дорогу, путь, след от колеса. Ю. С. Степанов добавляет к перечисленному: «вращать, вращаться»; в его реконструкции появляется смысл «круговорот». На основании выстроенной концепции, ученый утверждает, что «рус. *время* отражает архаическое представление о времени как о «круговороте», получившее в культурологии название «циклическое время», противопоставленное «более новому /.../ – «линейному времени». (2004, с. 117). Отметим, что на вероятность этого смысла как на гипотезу указывал и А. Г. Преображенский: «вращеніе, коловращеніе» (1959).

В этой связи представляется важным подчеркнуть, что в современном русском языке фиксируются связки «коловорот жизни», «коловорот событий», например, зафиксированное в качестве ЛСВЗ лексемы «коловорот» в Словаре под ред. Ушакова: «**3.** перен. *Круговорот, круговое вращение, вихрь* (книжн., устар.). *Коловорот жизни. Коловорот событий.*». В Словаре Даля поясняется значение слова «коло»: «**КОЛО** ср. стар. и ныне *южн. зап.* круг, окружность, обод, обруч; || колесо.».

«Коловорот событий (дней)» синонимично также узуальному «круговорот событий, (дней)». Например, толкование лексемы «круговорот» в МАС-е: «**2.** *Бесперывное движение, изменение чего-нибудь. Круговорот жизни. Круговорот событий.*». Аналогично в Словаре под ред. Ушакова: «**2.** *Бесперывное движение, изменение чего-нибудь. Круговорот жизни. Круговорот событий.*». Обращает на себя внимание, что в названных словарях оно приводится с пометой «книжн.». А уже в БТС-2000 это слово представлено без соответствующей пометы: «**2.** (чего). *Бесперывное движение, изменение чего-л. К. событий, дел. К. жизни.*». Отсутствие пометы свидетельствует об утрате образности в узусе, следовательно, налицо полное освоение

языковым сознанием смысла: «чередa [быстрая смена] событий → интенсивность происходящих событий → круговорот событий → освоение нового образа, связанного в сознании с движением времени по кругу: «калейдоскоп событий». Сверим выстроенную логосхему с лексикографическими данными по слову «калейдоскоп». МАС: «||перен.; чего. Беспрестанная смена явлений, лиц, событий и т.п.». Следовательно, прототипический образ «вечно движущийся круг», заложенный в этимоне «время», генерирует в языковом сознании словотворчество и на современном срезе.

Резюмируя, можно сказать, что имя концепта «время» в русском языке восходит к наиболее архаической, универсальной для человеческого сознания модели «циклическое время». Модель «линейного времени», содержащаяся в словарной дефиниции (например, (отрезок, момент), вовлекается в концептуализированную понятием область значительно позже. Вместе с этой моделью концептуальное поле начинает расширяться благодаря взаимодействию в процессе концептуализации действительности темпоральных и пространственных категорий; оно охватывает осмысление «начала и конца» в их отношении к целому (например, период, эпоха). Движение времени бесконечно, но все, что происходит во времени, имеет начало и конец: «заимствовав понятие одномерной линии и ограничивающих ее точек (концов, пределов) из геометризированной модели пространства, время разделило понятие концов (пределов), введя оппозицию начала и конца, основанную на необратимости своего движения» (Арутюнова: 2002, с. 9). Время ассоциативно связывается в сознании с метафорой «путь», и в языке рождаются устойчивые образы: вступить в жизнь, пройти жизненный путь, прейти в мир иной, идти по жизни и т. п. В русском языковом сознании все события происходят во времени, но ходить – это двигаться с места на место, а двигаться: «1. Находиться в движении, перемещаться, направляться. *Двигается снежная лавина, селевой поток. Стрелка движется по циферблату.*» (Словарь под ред. Ушакова). Расширяясь, концептуальное поле фиксирует и осмысление шкалы координат: прошлое, настоящее, будущее; определяется местонахождение человека на линии времени: прошлое – позади, временная точка экзистенции – настоящее, но все помыслы человека устремлены вперед, к будущему.

II. 2. Когнитивная интерпретация словообразовательного гнезда ключевой лексемы

В методологии изучения и реконструкции концептов анализ словообразовательной деривации ключевой лексемы рассматривается как одно из средств объективации познавательной деятельности, отраженной в языковом сознании. «Когнитивная интерпретация словообразовательного гнезда вскрывает такой механизм языкового моделирования мира, в основе которого лежит мотивировочный признак, запечатленный в вещественном значении вершинного слова гнезда. Анализ словообразовательного гнезда при таком подходе обнаруживает, во-первых, возможности варьирования (семантический потенциал) самих мотивировочных признаков, а во-вторых, области их приложения при языковом моделировании действительности» (Крючкова: 2004, с. 26). Однако прием когнитивного словообразовательного анализа является наименее разработанным (см. об этом: Байдак А. В.: 2001, Хо Сон Тэ: 2001; Кофанова Г. П.: 2006; Любимова С. А.: 2008; Полянчук О. Б.: 2009 и др.). Поэтому анализ, приведенный ниже, носит характер экспериментально-теоретического опыта исследования концептуальной структуры производных слов, входящих в лексико-семантическое понятийное множество «время», мотивированных его лексемой-номинатором.

Обратимся к данным Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова (1985), где слово «время» фиксируется как исходное (мотивирующее) для большого по объему гнезда, состоящего из восьмидесяти девяти мотивированных слов. Представим их списком слева, так, как они даны в Словаре, справа – пояснение значения помет:

врем(я)	значение помет
врем- ечк -о врем- янк -а времен(- а) времен- ами , нареч. времен- н -ой программн- о -временной см. программа пространственн- о -временной см. пространство времен- н (ый) временн- о временн- ость временн- ик времен- щик временн- о -обязанн(ый) I, прил. см. обязать временнообязанн- ый II, сущ. без-времен- н (ый) безвременн- о безвременн- ость безвремен'- j-e [безвремяе]	*римская цифра – знак омонимии *римская цифра – знак омонимии

<p>вне-времен-н-ый во-время до-времен-н(ый) по-времен-н(ый) повременн-о повремён-к-а повремен-к-а повремен(-щик) повремен-щиц-а прежде-времен-н(ый) преждевременн-о преждевременн-ость со-времен-н-ый современн-о не-современно 1 современн-ость не-современность 1 современн(-ик) современн-иц-а не-современн(ый) несовременн-о 2 несовременность 2 сверх-современный супер-современный ультра-современн(ый) ультрасовременн-ость о-современ-и-ть осовременить-ся осовременн-ива-ться осовремен-ива-ть осовременивать-ся 2 осовременива-ни^я-е [осовременивание] остр-о-современный <i>см.</i> острый времен-и-ть по-временить врем-я-исчисление <i>см.</i> число врем-я-нахождение <i>см.</i> находиться II врем-я-препровождение <i>см.</i> вести врем-я-провождение <i>см.</i> вести врем-я-счисление <i>см.</i> число благовремен(-н-ый) <i>см.</i> благо I благовремен-и^я-е [благовремя] не-благовременн(ый) неблаговременн-о долг-о-времен-н(ый) <i>см.</i> долго долговременн-о не-долговременно 1 долговременн-ость не-долговременн(ый) не-долговременн-о 2 недолговременн-ость дот <i>см.</i> огонь, точка един-о-времен-н(ый) <i>см.</i> единый единовременн-о единовременн-ость кратк-о-времен-н(ый) <i>см.</i> короткий кратковременн-о кратковременн-ость одн-о-времен-н(ый) <i>см.</i> один одновременн-о одновременн-ость разн-о-времен-н(ый) разновременн-о</p>	<p>*арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры *римская цифра – знак омонимии *римская цифра – знак омонимии *арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры</p>
--	---

разновременн- ость свој-е-времен-н(ый) [своевременный] <i>см. свой I</i> своевременн- о не -своевременно I своевременн- ость не -своевременность I не -своевременн(ый) несвоевременн- о 2 несвоевременн- ость 2	*римская цифра – знак омонимии *римская цифра – знак омонимии *римская цифра – знак омонимии *арабская цифра – знак множественности структуры *арабская цифра – знак множественности структуры
---	--

Каждый представитель перечисленного списка, входя в словообразовательное гнездо «время», является носителем общей внутренней семантической составляющей. В ракурсе настоящего исследования каждая единица может быть рассмотрена как член концептуального множества, в котором фиксируются процессы концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании. Производные, составляющие гнездо перечисленных однокоренных слов, демонстрируют зафиксированное в русском языковом сознании осмысление понятия «время», расширяя представление о его содержании. В формальных показателях содержится информация о смысловом варьировании освоенного языковым сознанием понятия. В процессе трансформации и модификации «уже существующих в памяти знаков», который подчинен не только законам языковой системы, но зависит и от «человеческого сознания, интериоризирующего определенные мотивационные связи действительности» (Селиванова: 2000, с. 248), выделяются наиболее существенные свойства осмысленного явления и вырабатываются/выбираются языковые средства для его интерпретации.

Языковые единицы, формирующие гнездо «время», имеют различные морфологические и синтаксические характеристики. Но все они, по-разному отражая логико-семантическую категоризацию данного фрагмента картины мира, являются единицами когнитивной и языковой деятельности народа, мотивированными особенностями его культуры.

С точки зрения когнитивного анализа на уровне синхронии фиксируются следующие эмоционально-оценочные характеристики концепта «время»: *врем-ечк-о; без-времен-н(ый); вне-времен-н-ый; прежде-времен-н(ый); со-времен-н-ый; не-современно; не-современн(ый); сверх-современный; супер-современный; ультра-современн(ый); остр-о-современный; благовремен(-н-ый); не-благовременн(ый); неблагоприятн-о; долг-о-времен-н(ый); долговременн-о; не-долговременно; един-о-времен-н(ый); единовременн-о; кратк-о-времен-н(ый); кратковременн-о; одн-о-времен-н(ый); одновременн-о; разн-о-времен-н(ый); разновременн-о; свој-е-времен-н(ый); своевременн-о; не-своевременн(ый); несвоевременн-о*. Процессы во времени могут протекать: *единовременн-*

о, одновременн-о, времен-ами, во-время, своевременн-о; что-то может быть оценено с позиций *своевременн-о, современн-о, не-современно* и т.п.

Эти значения выстраиваются как дериваты мотивирующего понятия – одноименного слова «время», привнося оттенки значения и дополнительные коннотации в понимание ценностной характеристики мотивирующей основы. Большинство этих оценок формируется как фрейм «субъективное восприятие времени» и выстраивается, преимущественно, на основании линейной модели времени. Например: *вневременный* – невозможно определить точку оцениваемого события на линии времени; *преждевременный* – опережение назначенного срока; *своевременно* – в нужный момент на мысленной линии времени и т.д.

Особенностью русского языкового сознания, зафиксированной в ходе словообразовательного анализа, является следующее. Время в значениях «1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п. Мера длительности всего происходящего, существующего. || Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т. п. 2. Какой-л. отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т. д. || Пора дня, недели, года и т. д., характеризуемая чем-л., или в которую что-л. происходит. || Свободные от обычных занятий часы, дни и т. п.; досуг. 3. Определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п. || Благоприятная пора, подходящий момент для чего-л. 4. Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т. п.).» может быть сведено к ласкательному «времечко», что зафиксировано в МАС-е: «Разг. Ласк. к время (в 1, 2, 3 и 4 знач.).».

С формальной точки зрения, образования этого типа, как указано в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), мотивированы существительными и «обозначают усиленную степень ласкательности» (с. 130-134). Следовательно, в череде сменяющихся событий, в неумолимом потоке времени русское языковое сознание фиксирует такую временную точку, которая на обыденном уровне материализуется в форме «времечко» (разг., ласк.), и это является оценочной характеристикой, концептуализированным смыслом, который имеет соответствующий знак в языке (мотивированный производной основой). К примеру, на английский язык этот смысл переводится сочетаниями: *some (period of) time* или *(nice) time* (ABBYU Lingvo). Однако оговорим, что в соответствующем контексте «времечко» может быть и иронично воспринимаемым: например, в 1993 году появилась программа «Времечко» (народные новости) как альтернатива тогда злободневной информационной программе «Время».

Смысл, концептуализированный в деривате, формируется как субъективно воспринимаемое время.

В современном русском языковом сознании явления, события, факты, процессы могут быть *своевременными, преждевременными, современными, кратковременными, единовременными и одновременными* и т.д. Что-то происходит или кто-то действует *своевременно, неблагоприятно, долговременно, своевременно и т.д.* Какие-то реалии могут *осовремениваться*, их можно *осовременивать*, а как результат – *осовременить, осовремениться*; с чем-то можно *повременить*, т.е. – не спешить, подождать, отложить.

Характеристики происходящих во времени событий могут быть оценены со знаком «минус», и тогда на мотивирующей базе выстраиваются антонимические пары, например: **своевременный** – несвоевременный, преждевременный, безвременный; **современный** – несовременный; **долговременный** – недолговременный, кратковременный; **одновременный** – разновременный; **благовременный** – неблагоприятный. Как контекстуальные антонимы могут быть сгруппированы и следующие единицы: **современный** – преждевременный, довременный, неблагоприятный, несвоевременный.

Признак, противоположный тому, который задается мотивирующим прилагательным, формально наиболее частотно выражается в префиксах: *без-, не-*. В этом же значении в современном русском языке функционируют и сращения: **одновременный** – *разновременный*; **своевременный** – *преждевременный*. В двух из выстроенных антонимических пар¹⁶ прослеживается асимметрия в сторону пейоративного полюса: **своевременный** – несвоевременный, преждевременный, безвременный; **долговременный** – недолговременный, кратковременный. Описывая одну и ту же категорию действительности, языковое сознание фиксирует наращение градуального признака, связанного с чем-то, происшедшим ранее надлежащего, назначенного, нормального времени. Активность языкового сознания в направлении пейоративной оценки указывает на связь с укоренившимся в сознании глубоко прочувствованным образом ускользающего, необратимого, устремленного вперед времени: неумолимый бег времени и его недостаточность для дел, для самой жизни.

Прилагательные с префиксами *сверх-современный; супер-современный; ультра-современн(ый)* «означают крайне высокую степень проявления признака, названного мотивирующим словом», а префикс *ультра-* обозначает «крайнюю, чрезмерную степень» (Грамматика...: 1970, с. 231). Таким образом, нечто/некто может быть оценено/оценен как *чрезмерное/чрезмерный* по отношению к значению *современный*, где:

¹⁶ контекстуальные антонимы не учитываются, т.к. ограниченность контекстуальной рамкой не может служить основанием для обобщений

«**СОВРЕМЕННЫЙ:3.** Относящийся к настоящему времени, к текущему моменту, к настоящей эпохе, теперешний. *Современная литература. Современная жизнь.* (Романы), в которых отразился век и современный человек изображен довольно верно. Пушкин. Я постараюсь, дядюшка, приноровиться к современным понятиям. Гончаров.|| Характеризующий настоящее время, текущую действительность, характерный для настоящей эпохи. *Записки современные решил я писать.* Некрасов. *С. тип женщины. С. быт.***4.**Стоящий на уровне своего века, не отсталый, отвечающий материальным потребностям, общественным, культурным запросам настоящего времени.» (Словарь под ред. Ушакова). В определенном контексте такая оценка может содержать пейоративную оценку. Сравним: *Современная литература – сверхсовременная, суперсовременная, ультрасовременная литература.* И тогда смысл, стоящий за ЛСВ4 «современный» может быть трансформирован в противоположный: **не-стоящий** «на уровне своего века», поскольку опережает культурные запросы своего времени. Однако положительно оценивается то, что является *остр-о-современным*, актуальным, злободневным, либо *благовремен-н-ым*, в противоположность *не-благовременному*.

Русское языковое сознание концептуализирует и смысл *вне-времен-н-ый*, который по данным «Грамматики...» «мотивируется не только существительным *время*, но и сочетанием *вне времени*» (1970, с. 219): «Вне времени и пространства – в стороне от реальной действительности» (Словарь под ред. Ушакова). Человек, живущий не сообразно времени, события, которые не соответствуют потребностям времени, оцениваются отрицательно. В Словаре Даля: «*Дурак времени не знает*»; «*Время красит, безвременья не старит*». У Б. Пастернака: «Когда я впал в него, по просьбе своих поселясь первым вольным уплотнителем у них в доме, в низкие полуторазтажные сумерки приполз по снегу из тьмы и раздался в квартире вневременный звонок по телефону.» [Б. Л. Пастернак. Охранная грамота (1930)]. Но в русском языковом сознании преобладает мелиоративный смысл этого деривата, основанный на оппозиции «время – вечность» и мотивированный, как указано в «Грамматике...», сочетанием «вне времени»: «Пленительный, живой, «булгаковский» слой советской Москвы должен был, по замыслу писателя, включиться в евангельский, то есть вневременный, «вечный»... [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986-1987)] или: «Так, чарами сущности и голоса, образ очень местный (русского барина), очень сословный (барина – очень) и очень временный (*fin du siècle* прошлого века) превратился во вневременный и всеместный – вечный.» [М. И. Цветаева.

Смерть Стаховича (1919)]¹⁷. Таким образом, в деривате *вне-времен-н-ый* содержится семантический потенциал, который сближает его со смысловым полем «постоянный».

Сверим с данными толкового словаря: «постоянный *прил.* 1) Непрерывающийся, неменяющийся, неизменный. 2) а) Рассчитанный на долгое время; **не временный**¹⁸. б) Всегдашний, обычный. в) Исконный, коренной. 3) **Твердый во взглядах, неизменный в поступках, привычках**¹⁹ и т.п.» (Словарь Ефремовой). Приведем примеры реализации смысла: «Вероятно, это не временный и не случайный успех, в противном случае в театре не сформировалась бы такая разнообразная и любимая зрителями плеяда мастеров. [Марк Захаров *Суперпрофессия* (1988-2000)]; «В представлении христианства земное существование – это тягостное ожидание того дня, когда мы перейдем в другой мир, мир вечный, а не временный.» [Г. А. Газданов. *Эвелина и ее друзья* (1968)]; «Вы, Никулин, не временный работник. Вы работаете вместе со мной.» [Юрий Никулин. *Как я стал клоуном* (1979)] (примеры отобраны из данных Национального (основного) корпуса русского языка).

Концептуализация понятия время прослеживается в оценочных дериватах-наречиях, мотивированных прилагательными данного гнезда: *преждевременно, безвременно, неблагоприятно, одновременно, одновременно, повременно, временами, недолговременно, кратковременно, разновременно, своевременно*. Суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы являются наиболее распространенными в системе словообразования наречий. В лексико-семантической структуре слова эти форманты сохраняют тесную связь с основой: «так, как свойственно тому, что названо мотивирующей основой...» (Грамматика...: 1970, с. 293). Наречие *во-время* конструируется по непродуктивному типу; может развивать не только оценочную, но и обстоятельственную коннотацию: «Люди часто сбиваются с пути, важно вовремя найти правильный разворот.» [Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», № 10, 2004]; «Ему главное – вовремя увидеть врага, а тот может появиться с любой стороны.» [Как спасаются зайцы? // «Знание – сила», № 7, 2003]; «И оказалось: год назад Олег взял деньги в долг – большую сумму – и не смог отдать вовремя.» [Токарева Виктория. *Своя правда* // «Новый Мир», № 9, 2002]²⁰.

В результате исследования было обнаружено, что из восьмидесяти девяти дериватов, объединенных в гнездо «время» в Словаре Тихонова, двадцать восемь единиц не зафиксировано в МАС-е: *времена, программновременной, пространственновременной,*

¹⁷ примеры отобраны из данных Национального (основного) корпуса русского языка

¹⁸ выделено нами – Э.З.

¹⁹ выделено нами – Э.З.

²⁰ примеры отобраны из данных Национального (основного) корпуса русского языка

временность, временнообязанный (прил.), временнообязанный (сущ.), повременка (повременка), повременщица, несовременно, несовременность, сверхсовременный, суперсовременный, ультрасовременный, ультрасовременность, осовременниться, осовременниваться, осовременивание, остросовременный, времянахождение, времясчисление, неблагоприятный, неблагоприятно, долговременно, недолговременно, долговременность, недолговременность, одновременность, разновременность. Два из них есть в Толковом словаре под ред. Ушакова: *повременка* и *повременка* (фиксируются как две формы одного значения, вариативное произношение), *разновременный*.

БТС-2000 фиксирует шесть из этого списка: *сверхсовременный, суперсовременный, временнообязанный, осовремениться, осовременивание, остросовременный*, а Словарь Ефремовой – двенадцать: *временнообязанный, повременщица, несовременно, несовременность, времясчисление (то же, что: времясчисление), неблагоприятный, неблагоприятно, недолговременно, долговременность, недолговременность, одновременность, разновременность.*

Как указано в аннотации к Словарю А. Н. Тихонова, «ни один из существующих словарей современного русского литературного языка не имеет такого большого словника». Вместе с тем, автор подчеркивает, что в работе над этим фундаментальным изданием «особые трудности вызывали такие вопросы, как лексический состав гнезд (лексическая база словаря)...» (Тихонов: 1985, с. 3).

В процессе анализа выявилось, что в Словаре А. Н. Тихонова в словообразовательном гнезде «время» отсутствуют, к примеру, широко востребованные в узусе дериваты: *заблаговременный, заблаговременно*. Например: «Давать заблаговременный детальный прогноз по природным катаклизмам на территории России специалисты МЧС затрудняются.» [Екатерина Блинова. Прогноз чрезвычайных политических ситуаций (2003) // «Независимая газета», 2003.06.10]; «Во-первых, необходим точный и заблаговременный прогноз, который позволит принять меры, чтобы максимально уменьшить потери от ожидаемого бедствия, считают ученые.» [Татьяна Пирогова. Почему нас преследуют катастрофы (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.08.08]; «Чеснок можно приготовить заблаговременно и оставить при комнатной температуре.» [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005); «Амстердам— один из самых посещаемых городов мира, поэтому поисками жилья следует озаботиться заблаговременно.» [Елена Малик. Северная Бавария (2002) // «Автопилот», 2002.05.15]²¹. Словообразовательный механизм и смысл, порождаемый формантами в этих единицах, совпадает с описанными выше (см.: *преждевременный-преждевременно*).

²¹ примеры отобраны из данных Национального (основного) корпуса русского языка

Для того, чтобы на словообразовательном уровне проследить, как менялась логика освоения понятия «время» в языковом сознании, приведем дериваты, которые зафиксированы в Словаре Даля, но на синхронном уровне уже не участвуют в структурировании концепта «время»:

врем(я)	Толкование в Словаре Даля
<i>Временится</i>	безличн. (как напр. <i>делается, сидится</i>). <i>Повремени, брат! Нет, брат, не временится, некогда.</i>
<i>Временное</i>	сущ. ср. плотное, рубашечное, месячное, около-себя, женское, насебя, мыться.
<i>Временной</i>	преходящий, кратковременный, сделанный на время. <i>Временной сарай, временное жилище. Временная пятница</i> , день св. Параскевы, 28 октября, когда он придется на пятницу.
<i>Временем</i>	сокращ. <i>времем</i> нареч.
<i>Временчивый</i>	изменчивый, непостоянный, нерешительный изменчивый, неровного нрава, причудливый
<i>Временчивость</i>	изменчивость
<i>Временитель</i> м.-ница ж.	мешкатель, медлитель, человек
<i>Времемер</i> , м.	снаряд для измерения времени; часы солнечные, песочные, колесные.

Сверим с данными Национального корпуса русского языка:

врем(я)	Результаты поиска
<i>Временится</i>	временится По этому запросу ничего не найдено.
<i>Временное</i>	Примеры по прил. временный (ср.р.)
<i>Временной</i>	Примеры в значении «определяемый

	<p>временем как категорией мысли»: «В практике программирования для отслеживания границ периодических временных интервалов наиболее удобно использовать остаток от деления глобального счётчика дискретного времени на временной интервал. [А. Ю. Савинков. Синхронизация и верификация в имитационном моделировании // «Информационные технологии», № 3, 2004]</p>
<i>Временем</i>	Тем временем, со временем
<i>Временчивый</i>	временчивый По этому запросу ничего не найдено.
<i>Временчивость</i>	временчивость По этому запросу ничего не найдено.
<i>Временитель м.-ница ж.</i>	временитель По этому запросу ничего не найдено.
<i>Времемер, м.</i>	времямер По этому запросу ничего не найдено.

Из восьми выявленных дериватов шесть в современном русском языке вышло из употребления. Этот факт показателен в ракурсе проводимого анализа, поскольку Словарь Даля, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «отражает в основном лексику устойчивой традиционной жизни» (Арутюнова: 1997, с. 54). Анализ приведенного материала выявил, что в русской языковой картине мира произошла утрата фрагментов смысловой зоны понятийного поля в категоризации понятия «время», на смену которым пришли современные представления о времени и о процессах, протекающих во времени. В чем проявляются эти отличия? Когнитивная интерпретация словообразовательных процессов в области утраты ряда деривативных форм позволяет резюмировать следующее:

1) В современной русской языковой картине мира утрачен смысл, передающийся формами *временится – не временится* «безличн. (как напр. *делается, сидится*)». Образования подобного типа в русском языке носят выраженный эмоциональный акцент. Так, в «Грамматике...» указывается, что глаголы с суффиксом *-и(ть)* и постфиксом *-ся*, «мотивированные существительными, означают действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» (1970, с. 286). Постфикс *-ся* в современном русском языке является формальным носителем глагольной категории

залога (для переходных глаголов), либо маркирует возвратные глаголы, при этом его грамматическая функция – выражение непереходности. «Многие непереходные глаголы или переходные глаголы в непереходном значении в сочетании с постфиксом –ся имеют безличное значение. Такие глаголы, выражающие действие в отвлечении от объекта и от субъекта, обычно называют состоянием, переживаемое субъектом помимо его воли...» (Грамматика: 1970, с. 354). А. Вежбицкая выделяет для форм подобного типа, характерных по мнению ученого для понятия русской культуры, категорию «неагентивность»: «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» (Вежбицкая: 1996, с. 34).

Утрата деривационной формы *временится – не временится* понимается нами как переход в языковом сознании от одной системы представлений к другой: от неконтролируемости *временится – не временится* к стремлению контролировать, что формально выражается в узуальных клише: *у меня нет времени, постараюсь выкроить время, найти время, выделить время* и т.п.

2) Из языковой картины мира исчезли артефакты *временное* (сущ. ср. плотное, рубашечное, месячное) и *времемер* (снаряд для измерения времени), соответственно, из узуса исчезли их номинанты. Дериват *временное* в современном русском языковом сознании является формой ср.р. к прилагательному *временный*, мотивированному существительным *время*. Существительное *времемер* относится к сложениям с опорной основой глагола, где первая основа – от существительного *время*. «Слова данного типа – чаще всего названия лица и орудия (механизма, технического приспособления)...» (Грамматика: 1970, с. 171). Смысл *времемер* может быть понятен на уровне стандартной языковой личности благодаря расщеплению «времемер = время → мерить/измерять».

3) Смыслы, передаваемые дериватами *временчивый → изменчивый, непостоянный, нерешительный, изменчивый, неровного нрава, причудливый; временчивость → изменчивость* можно рассматривать как эмоциональные коннотации, которые в процессе когнитивной деятельности языкового сознания оказались на уровне синхронии за пределами области, концептуализированной понятием «время».

4) Смысл, передаваемый дериватом *временитель* м.(-ница ж.) → *мешкатель, медлитель, о медлительном человеке* в современном языковом сознании передается kaleidosкопическим набором признаков, которые содержатся в единицах: *флегматик/флегма, рохля, тюфяк, копуша, неповоротливый, неуклюжий* и т. п.

Соответственно, можно говорить о переходе фрагмента концептуального поля «время» в зоны, покрываемые другими концептами, например «медлительность».

5) Семантическая транспозиция фиксируется в формально сохранившемся в современном русском языке деривате *временной*. Но если по данным Словаря Даля этот мотивированный знак служил для передачи концептуализированного смысла «преходящий, кратковременный, сделанный на время. *Временной сарай, временное жилище*», то в современном языковом сознании функционирует: «Определяемый временем (как категорией мысли)» (Словарь под ред. Ушакова); «временной I *прил.* 1. *соотн. с сущ. время* I 1., 2., 3., связанный с ним 2. Свойственный времени [*время* I 1., 2., 3.], характерный для него 3. Определяемый временем [*время* I 1., 2., 3.] II *прил. соотн. с сущ. время* II, связанный с ним» (Словарь Ефремовой). Таким образом, в языковой картине мира фиксируется научное освоение времени, релевантное обыденному сознанию.

6) В современном русском языковом сознании существует дериват *временщик*, мотивированный основой существительного «время», который передает концептуализированный смысл: «Человек, достигший власти и высокого положения в государстве благодаря случайной близости к царю или царице, фаворит» (Словарь под ред. Ушакова); «1. *Ист.* Фаворит монарха, наделённый им реальной властью, высокими полномочиями 2. *Неодобр.* О человеке, находящемся у власти случайно, временно, не заботящемся о пользе дела, о будущем» (БТС-2000). Аналогичный смысл зафиксирован в Словаре Даля: «человек случайный, нечаянно достигший почестей и знатности; любимец, жалуемый». Однако в Словаре Ефремовой данный смысл фиксируется уже в качестве ЛСВ2 лексемы *временщик*, а главным значением, несмотря на стилистически ограничивающую помету, становится: «I *вр`еменщик м. разг.* Временный житель, работник и т.п. II *временщ`ик м.* Тот, кто по воле сильного покровителя – обычно монарха – оказался на время у власти». Вновь воспользуемся мыслью, приведенной в работе А. Вежбицкой «Русский язык», где автор, выводя «культурные темы в русской культуре и языке», выделяет: «любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла..., любовь к крайним и категорическим моральным суждениям» (Вежбицкая: 1996, с. 34). Как свидетельствует языковой материал, в современной русской картине мира можно проследить явления трансформации в когнитивном осмыслении реалий. Таким образом, мы становимся современниками языкового процесса, когда моральный признак, зафиксированный в деривате *временщик*, отступает на периферию, уступая место прагматическому, актуальному в новых социальных условиях.

Резюмируем все вышеизложенное. Мыслительное представление о времени, его чувственное восприятие, то, что в науке обозначается термином «время», в обыденном сознании осваивается как максимально обобщенная абстракция изменений, что подтверждается и на уровне словообразовательных механизмов. Семантическая плотность концепта, связанная с его онтологическим статусом, выявляется и на уровне формальной и семантической производности.

Анализ словообразовательного гнезда ключевой леммы концептуального множества «время» позволил выявить ряд оценочных и эмоциональных характеристик понятия, которые развиваются в процессе действия словообразовательных механизмов и фиксируются в сознании языковой личности как модель «мотивирующая основа + формант». Наблюдения за знаковой структурой производных языковых единиц демонстрируют конкретизацию различных ракурсов освоенного понятия в динамике словотворчества. Смыслы и оттенки значений, закрепленные за единицами гнезда, мотивируются основой, но варьируют в зависимости от эмоционально-оценочного отношения к феномену времени (экстралингвистический фактор) и внутриязыковых семантических отношений (интралингвистический фактор).

Форманты русского языка выступают в качестве системных маркеров расширения понятийной зоны «время» в процессе его концептуализации в языковом сознании. Этот процесс может быть понят как разновидность ментального поиска логических связей между сущностью и ее языковой экспликацией. Число языковых средств объективации различных ракурсов понятия свидетельствует об уровне его абстрагирования. При этом системность элементов проявляется в мотивированной связи с прототипическим ядром, в словообразовании – номинатором гнезда.

Процесс деривации, мотивированный основой-номинатором гнезда, фиксирует и динамические трансформации в освоении понятия «времени»: утрату некоторых смысловых оттенков, которая связана не только с исчезновением ряда артефактов и, соответственно, из названий, но и с ценностным переосмыслением отдельных ракурсов понятия «время». Следовательно, связь между когницией и социокультурным окружением может быть верифицирована и на уровне словообразовательной системы языка.

Когнитивная интерпретация результатов анализа словообразовательного гнезда позволила выявить возможности семантического варьирования концептуальных признаков понятия «время» и области их приложения в языковой картине мира, выстроенной русским национальным сознанием. Количественный аспект элементов словообразовательного гнезда свидетельствует о его большой активности в узусе, подтверждая уже на уровне словообразовательной системы место анализируемого

понятия в русском языковом сознании. Вместе с тем, проведенный анализ демонстрирует динамические изменения в анализируемой понятийной системе, которые мотивированы её ключевой лексемой, семантической матрицей «время» в русском языковом сознании.

II. 3. Модели узуальной метафоризации ключевой лексики концепта «время»

Для обыденного сознания идея времени, свернутая в номинаторе концепта, является максимально абстрактной и обобщенной. О прошлом человек сожалеет как о невозвратно ушедшем. На будущее возлагает свои надежды, и оба эти предела его существования соединяются в «точке присутствия»,²² в настоящем, с которым человек связан непосредственными ощущениями. Время воспринимается обыденным сознанием перцептивно. Оно осознается «скорее интуитивно, чем посредством разума. Как обычно, в ситуациях подобного рода человек прибегает к помощи метафор для уяснения сложного понятия, интуиция достаточно четко очерчивает ему границы и содержание абстрактного концепта и обеспечивает должный отбор аналогичных средств описания» (Нильсен: 2006, с. 216).

Метафора понимается в языкознании как «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» (БЭС Языкознание: 1998). Еще А. А. Потебня указывал на то, что «метафоричность есть всегдашнее свойство языка... сознавать, удерживать различия между субъективным началом познающей мысли и тем ее течением, которое мы называем действительностью» (Потебня: 1976, с.435). В метафоре отражается одно из всеобщих и существенных свойств познания действительности, в основе которого лежит нахождение ассоциативных связей между предметами и явлениями и их отражение в познавательной абстрактной аналитико-синтетической деятельности: «Метафора – особая форма регулирования взаимоотношений между языком и полем сознания» (Митчел: 1980, с. 294). Следовательно, метафора служит восстановлению равновесия между необъяснимым или почти необъяснимым наименованием и объяснимым, прозрачным. Рассматривая явление,

²² образ Н. Д. Аругтоновой

человек научился находить в нем общее с уже известным. И в этом – языковое проявление ассоциативного характера человеческого мышления.

Метафора наделена двоякой сущностью: она может быть и средством номинации (вторичной), и быть поэтической фигурой. «Самым ярким проявлением метафорического словотворчества является художественная метафора – уникальное, авторское употребление слова, всегда открытие» (Вардзелашвили: 2001, с.32). Такое переосмысление слова не принадлежит лексической системе языка, хотя и выстраивается по законам данного языка. Языковая же метафора – член лексической системы, она доступна и понятна всем носителям отдельного языкового сознания. Узуальная метафора «представляет собой готовый элемент лексики: такую метафору не нужно каждый раз создавать, она воспроизводима в речи зачастую без осознания говорящим фигурального смысла первичных слов» (там же: с. 33). В широком смысле термин «метафора» употребляется к любым видам переносного значения, и именно так он понимается в данной работе.

Метафоризация понятия «время» в русском языковом сознании прослеживается в единицах языка и устойчивых сочетаниях, большинство из которых фиксируется в лексикографических источниках с соответствующими пометами: «перен.», «разг.», «нар.-поэт.». В некоторых словарных дефинициях пометы отсутствуют, что связано с полным освоением переносного значения в узусе.

Для детерминации концептуальных смыслов ключевой леммы концепта «время» в русском языковом сознании рассмотрим модели его узуальной метафоризации, которые формировались в процессе познания и развития культуры. Как представлено в модели-схеме культурной эпистемы «время», приведенной на с. 59 данной работы, в истории культуры обобщенно выделяются две базовые модели времени: циклическое (архаическое, мифологическое) и линейное время (связка «время-пространство»). Напомним, что между этими моделями в сознании не может быть четких границ, поскольку природа человеческого сознания синкретична.

«Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе кодов... Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления» (Пименова: 2005, с. 21-22).

Время в русской языковой картине мира живое, антропоморфное, синкретное, качественно-метафорическое. Очевидно, что антропометричность – один из наиболее продуктивных механизмов формирования языковой картины мира. О том, что картина мира, выстроенная из заведомо антропоморфных понятий, не может быть ничем иным, как «умноженным отпечатком одного первообраза – человека», писал еще Ф. Ницше в 1837 году (Арутюнова: 1990, с. 12). Как подчеркивает В. Н. Телия, «В любом случае сотворения метафоры «мерой всех вещей» выступает сам человек, умудренный делами и наделенный страстями, который и производит текст» (Телия: 1988, с. 170). Отсюда – универсальная традиция уподобления времени живому существу, проявляющаяся в персонификации и олицетворении, которая отражается в языковой картине мира в образах-клише: *бег времени, остановить время* и т. п.

К архаическому мировосприятию восходят устойчивые метафорические образы, основанные на антропоморфном коде. Это – универсальное явление культуры, но каждый язык по-своему материализует указанный код. Почти каждый естественный язык фиксирует осмысление времени как стихии, уподобленной живому существу. Эквиваленты русским метафорическим образам можно найти почти во всех родственных языках, либо языках, сходных по ареалам культуры. Сравним: грузинское *დრო დოვობ, ვდობ* (время идет, проходит), английское *Time is flying*, (время летит), немецкое *Zeit verlaeuft* (время бежит), французское *Le temps passe vite* (время быстро бежит), испанское *El tiempo correr* (время бежит), греческое *Ο Χρόνος τρέχει* (время бежит). Следовательно, персонификация времени как разновидность метафорического осмысления понятия является универсальным явлением.

Астрономическое время завораживало и пугало человека, будило его фантазию. Согласно мнению А. Ф. Лосева, обоснованному в труде «Античная философия истории»²³, уже во времена античности время наделяется свойствами *советовать, очищать, исцелять*, которые в русском языке передаются устойчивыми сочетаниями с ключевой лексемой «время»; оно способно рождать: *дитя времени*. Время начинает осмысливаться как непобедимая сила. И человек становится *игрушкой времени*.

Суть процесса олицетворения состоит в переносе человеческих черт, черт живого существа на неодушевленные предметы и явления. По мысли А. Белецкого, олицетворение связано с «инстинктом персонификации в живых языках» (Белецкий: 1964), отсюда вытекает универсальная риторическая традиция, которая присуща любой выразительной речи. В исследованиях по данному вопросу признается, что в основе

²³ электронный ресурс; режим доступа: http://society.polbu.ru/losev_philosophy/ch30_ii.html; дата доступа: январь-апрель 2009

олицетворения лежат архетипы человеческого сознания. Так, уподобление природного человеческому восходит к мифологическому и сказочному мышлению. При этом в мифологии через «родство» с человеческим миром раскрывается «лицо» стихии, а «в фольклорном и поэтическом творчестве позднейших эпох, напротив, через олицетворённые проявления стихийно-естественной жизни раскрываются «лицо» и душевные движения человека» (БЭС: 2002, с. 391). Сравним: «*бег времени*» – перенос свойств человека на абстракцию время и «*время – деньги*» – перенос стихийно-естественного в сферу социальной жизни человека. Естественно, что метафора «*время – деньги*» концептуализируется обыденным сознанием значительно позже, когда «повседневный опыт обращения с деньгами, ограниченными ресурсами и ценными вещами» начинает соотноситься с понятием «время» (там же: с. 392). Как противопоставление архаическому *время идет, время летит* и т. п., в языке фиксируется, к примеру, узуальный образ *ускорение времени*. Отметим, что стандартизация не приводит к образованию фразеологических единиц, поскольку существительные в позиции генитива всегда сохраняют свои номинативные значения.

С этой точки зрения нами проанализированы данные, отобранные из лексикографических источников современного русского языка. Архаическое осмысление времени как стихии прослеживается в следующих языковых сочетаниях: *время течет* (*сема вода + сема движение*), *время пришло, время остановилось, время бежит, время мчится, время ползет, время летит* (*сема движение*) и т. п. Позднейшее осмысление феномена, связанное с переносом стихийного в сферу социальной и духовной жизни человека, фиксируется в целом ряде устойчивых сочетаний, например: *печать времени, следы времени* (*сема старение + контекстуальная сема, например, опыт*).

В узуальном «*убить время*» семантическим посредником метафоризации является действие по глаголу «убить» – лишить жизни кого-л. Языковое сознание, таким образом, персонифицирует время, «оживляя», а затем «убивая» его. С какой целью рождается этот образ? Если человек не занят физической или интеллектуальной работой, если он не отдыхает, не спит, не знает, что ему делать в данный период, это осмысливается как «убийство» времени. Таким образом, для языкового сознания *время бездействия* – это *убитое время*. Полагаем, что в данном примере прослеживается более позднее осмысление времени, поскольку первичным было его осмысление как движущейся и изменяющейся, следовательно – активной стихии. Поэтому там, где активность, движение отсутствуют, наступает смерть: *время убито*. Время в русском языковом сознании имеет качественную характеристику: оно должно быть событийным; если оно не заполнено делами, событиями, время оценивается как *потраченное впустую – время пропало*.

Как показывает языковой материал, при олицетворении понятия «время» наиболее частотны семы «движение» и «вода» как семантические посредники переносного значения. В процессе языковой персонификации понятия «время» большая часть лексических единиц сохраняет изначальную образность, например: *время бежит, мчится, летит, ползет, тянется*. Почти стерта экспрессивность в нейтральном *время идет*.

Принадлежность проанализированной лексики к узусу, ее включенность в формирование языковой картины мира подтверждается способностью данных единиц вступать в системные синтагматические и парадигматические отношения. Проследим:

а) развитие синонимических отношений: *время бежит, мчится, летит* (синонимия);

б) развитие антонимических отношений: *время бежит – время ползет*.

Синкретизм, т. е. нерасчлененность, отражает целостность познаваемого мира, включая время как его составляющую часть. На синкретическом восприятии действительности выстраиваются языковые метафоры типа «время течет», восходящая к языковой модели с прямым значением «вода течет». Сравнение разнородных объектов приводит в языковой картине мира к возникновению нового образа, где семантическим посредником метафоризации являются семы «вода» и «движение». Отсюда и столь активное в языковом сознании уподобление времени различным водным потокам: *река времени, поток времени*. Как полагает А. Н. Веселовский, связи, порожденные синкретическим восприятием разнородных физиологических раздражений, можно рассматривать как «психологический параллелизм» (Веселовский: 1989, 90). Как действие процесса психологического параллелизма могут быть рассмотрены и устойчивые образы, в которых концептуализируется метафорический образ – время как высшая сила: *время рассудит, время научит, время накажет, время расставит по своим местам, время пощадит/не пощадит*, в которых оно олицетворяется ментальными глаголами. Приведенные словосочетания регулярно встречаются в письменной и устной, в том числе, и разговорной речи, превращая их в штампы с ослабленной, стертой экспрессивностью. В перечисленных коллокациях фиксируется закрепившееся в русском языковом сознании: время – носитель мудрости и справедливости. Однако этот оценочный признак может уступать место сочетаниям, в которых время оценивается как *ужасное, страшное, опасное, чудесное, прекрасное, веселое* и т.п. Следовательно, концептуализация понятия «время», свернутая в метафорах ключевой лексемы, фиксирует амбивалентность, свойственную русскому языковому сознанию.

В языковом мышлении постоянно сосуществует дихотомия «сознательное – бессознательное», где второй член оппозиции восходит к архетипической памяти

человека – носителя языкового сознания. Сказанное можно проиллюстрировать языковыми метафорами *канва времен, с незапамятных времен*, в которых одновременно отражается восприятие времени, гармонирующее и с природными циклами, и осмысление времени в линейной протяженности и бесконечности.

В метафорических образах лексемы «время» в русской языковой картине мира допускается искажение привычных темпоральных моделей, смещение перспективы при осмыслении события на временной шкале. Концептуализируя время, языковое сознание не только продуцирует темпоральность, но и аннулирует ее. Языковое сознание не всегда апеллирует к логике, оно обращено и к интуиции. Метафорический механизм, заложенный в переосмыслении лексемы «время», вбирает в себя разные исторические пласты развития русской временной картины мира от архаичного *время бежит* до новейшего *бюджет времени*. И человек по-прежнему мечтает о *машине времени*, но *идет в ногу со временем*, хотя и не всегда *располагает временем*, но *время требует*, *время диктует*, *время выдвигает условия*. В сознании современного человека *время работает на него* или *против него*. Но почти всегда – *время не ждет*.

Как любая «нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор» (Красухин: 1997, с. 63). Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что персонификация понятия «время», зафиксированная в узуальных единицах современного русского языка, большей частью восходит к архаическому, фольклорному, сказочному мировосприятию, когда стихия наделяется свойствами живого существа. Таким образом, в наивной картине мира, выстроенной русским языковым сознанием время получает ярко выраженную антропоцентрическую концептуализацию, которая проявляется в устойчивых метафорических образах. Эти метафорические образы основываются на синкретической модели сознания, допускающей размытость контуров культурологических моделей циклического и линейного времени.

С точки зрения частотности, наиболее продуктивным для материализации идеи времени в русском языке является пространственный образ и его языковые экспликативы, например: *отрезок времени, промежуток времени, линия времени, путешествовать во времени* и т.п.; символика уподобления времени потоку, реке: *река времени, время течет* и т.п.; его измерение в узуальных генетивных метафорах со значением множественности, в которых опорным компонентом являются номинаторы водных пространств: *бездна времени, океан времени* и т.п. Эта генитивная модель **С+С/р** (существительное в нефиксированной форме + существительное в зафиксированной форме родительного падежа) является наиболее частотной структурой в русском языке.

Категория количества формируется в языковом сознании на основе интеграции языковых элементов разных уровней: лексического, грамматического и словообразовательного (функционально-семантическое поле количества). В генитивных моделях значение количества/множества выражается тогда, когда грамматически господствующий член (С) принадлежит к определенной семантической группе слов, например, слов, обозначающих водное пространство: *океан, море, бездна, река, ручей, пучина, поток*, а грамматически зависимый член (С/р) принадлежит к семантической группе слов, обозначающих реалии, которые могут быть представлены в большом количестве. Существительные в позиции генитива ограничивают «предметную сферу образа». Таким образом, язык оформляет смысловую связь «количество → предмет» (в широком смысле слова) за счет системных конструкций, в которых происходит «замещение обычного слова, обозначающего количество, другим, когда такие слова, как «много», «очень много», или «очень мало» заменяются в риторическом плане существительными, обозначающими конкретные предметы» (Бельский: 1954, с. 285). Например: *пропасть времени*. В этой же семантической функции – передача образов множества, реализуется и менее регулярная в русском языке предикативная позиция: *времени – бездна*. В такой конструкции выражается субъективная модальность и усиливается эмоциональный компонент образа. В целом, для адекватного понимания метафорических образов множества, выстроенных на базе описанных конструкций, носителю языкового сознания достаточен минимальный контекст – словосочетание.

Следует отметить, что русское языковое сознание допускает измерение времени в единицах длины: *«Тебе осталось спать километров двенадцать*. В этом случае ... происходит переосмысление ... пространственного отрезка», что делает возможным фразы типа *Он проспал всю дорогу*, т.е. *пока ехали двенадцать километров*. Приставка *про* сохраняет временное значение, но контекст переосмысливается: «километров двенадцать интерпретируется как отрезок времени, затрачиваемый на их покрытие» (Кронгауз: 2001, с. 331). Это явление может быть рассмотрено как концептуальный параллелизм пространства и времени.

С позиций длительности и направленности время метафоризируется в моделях: *ход времени, бег времени, время остановилось* и т.п. Как промежуток, период, время задается следующими метафорическими конструкциями: *время тревог, время надежд, время раздумий*. Для русского языкового сознания *делу время, потехе час; шутить не время*. *Время можно засесть, назначить, опередить, выкроить* и т.п. *Времени бывает много, мало; время начинается, время кончается, время истекло, время вышло*.

Отобранный нами лексический материал из лексикографических источников современного русского языка иллюстрирует широко известное утверждение Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона о том, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» (Лакофф Дж., Джонсон: 1990, с. 387). Метафоризация лексемы «время» охватывает фактуальную, образную и ценностную составляющие концепта, отражая в языковых единицах свойства человеческого мышления наделять антропоморфными характеристиками реалии и явления, а с другой – переносить свойство окружающего мира на свой внутренний мир.

В метафоризации лексемы «время» проявляется «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание, передать внеязыковую информацию (посредством целостного наглядного представления-образа с целью характеристики обозначаемого им лица, предмета, явления и выражения эмоциональной оценки субъекта, т.е. говорящего лица)» (Лукьянова: 1986, с. 71). К семантическим преобразованиям в узуальной метафоризации лексемы «время» приводит транспозиция: устранение родовой и видовой сем и актуализация потенциальной семы (Гак: 1972, с. 151-152).

Механизмы вторичного переосмысления лексемы «время» демонстрируют развитие понятийного поля анализируемого явления в процессе его концептуализации обыденным сознанием. Языковая метафора, мотивированная понятием «время», носит системный характер, отражает предметно-логические связи, свойственные конкретному языковому сознанию; она воспроизводима, выполняет коммуникативную функцию, характеризуется стертой, либо утратой экспрессивности и образности. Метафорические модели ключевой лексемы могут быть поняты и как концептуальные опоры при моделировании «языковых манифестаций признака упорядоченности времени» (Чугунова: 2009).

Метафоризация ключевой лексемы концепта «время» в русском языковом сознании основывается на культурных кодах: антропоморфном (*время бежит, ползет* и т.п.); пространственном (*отрезок времени, линия времени* и т.п.); предметном (*река времени, поток времени* и т.п.); теоморфном, божественном (*время накажет, время рассудит* и т.п.). С точки зрения лингвокультурологии, внимания заслуживает тот факт, что метафоризируясь, денотат понятия может вписываться как в циклическую, так и линейную модель времени.

Анализ метафоризации ключевой лексемы понятийного множества «время» иллюстрирует системность и динамическую природу связей категоризированного мира в сознании носителя языка. Семантическая матрица, эталонный образец, получает

манифестацию в метафорических выражениях, образная составляющая которых носит как универсальный, так и уникальный характер.

II. 4. Анализ ассоциативно-вербальной модели «время» в русском языковом сознании

В когнитивных исследованиях признается, что функционирование естественного языка, подразумевающее связанность любого текста, решение коммуникативных задач, выводимость контекстов и порождение интерпретаций, а также формирование мировоззренческих установок, осуществляется благодаря декодированию информации, хранящейся в ментальных структурах – концептах. Эти структуры не являются застывшими статическими системами сознания. Концепты вбирают в концептуальное поле информацию о реалии в ее многообразных связях, которая основывается на тождестве и противопоставлении другим понятиям из логически сопоставимого. Как уже отмечалось, в концептуализированную зону концепта входит вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, включая «переживаемость» (Степанов: 2003) понятия и его «интенсивность» (Пулыгина: 1998, с. 48), которые этот знак называет и к которым он апеллирует.

В современных исследованиях одним из обоснованных подходов для презентации образов сознания собирательной языковой личности признается метод ассоциативного эксперимента, который уже хорошо апробирован в психолингвистике и семасиологии (см. обзор литературы: Залевская 1979, Левицкий, Стернин 1989). Данные, накопленные в процессе изучения «речемыслительного портрета» (А. А. Леонтьев: 1977) носителей языка, позволяют реконструировать ассоциативно-вербальную модель языкового сознания, закрепленную за словом-стимулом. Этот метод активно применяется и для исследования когнитивной деятельности в языковом сознании: признается, что данные такого метода позволяют расширить информацию, полученную на материале системного семантического анализа и когнитивной интерпретации лексических единиц.

Динамика языкового сознания носителей русского языка во второй половине XX века, начиная с 1967 года, изучалась с интервалами десять-двадцать лет по материалам

опросов, результаты которых опубликованы в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева (1977), в «Русском ассоциативном словаре» (2002), «Славянском ассоциативном словаре» (1999-2000). Объединение данных перечисленных словарей с целью фиксации «формирования русского языка и тенденций его развития на определенном этапе в новейшей истории России» осуществлено в «Русском сопоставительном ассоциативном словаре» Г. А. Черкасовой (2008) в рамках фундаментального исследования вербальной модели автохтонного и неавтохтонного языкового сознания русских.

По мнению ученых, работающих в этой области, ассоциативный словарь «приоткрывает завесу над тем, как устроена языковая способность человека – думающего, говорящего и понимающего, /.../ дает картину сочетаемости слов в живой речи носителей русского языка, в нем можно найти /.../ элементы наивной языковой картины мира русских и черты их национального характера, /.../ он позволяет проникнуть в социальную память и сознание носителей языка и получить ответ на вопрос: „Как мыслят русские в современной России?“» (РАС: 1994, с. 2).

Для данного исследования принципиально важным является то, что каждый из названных ассоциативных словарей содержит словарную статью, воссозданную из ассоциаций на слово-стимул «время». Этот факт уже на новом уровне подтверждает, что концепт «время» является в русском языковом сознании базовым, опорным, который служит в анализируемой лингвокультуре ориентиром бытия.

Приведем краткие характеристики указанных ассоциативных словарей.

«Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева включает только *Прямой словарь* и содержит 196 слов-стимулов; статьи Словаря сформированы по материалам массового ассоциативного эксперимента с количеством информантов по каждому стимулу от 500 до 800. «Массовый эксперимент проводился с 10–20 испытуемыми (как правило, это была студенческая группа). Перед началом эксперимента испытуемых просили поставить в левой части листа или листов бумаги числа от 1 до 100, обозначающие порядковые номера будущих ответов, ... и говорилось примерно следующее: „Сейчас я буду громко читать вам слова. Услышав каждое очередное слово, вы должны ответить на него, не раздумывая, тем словом, которое первым придет вам в голову. Только сделайте вы это не устно (вслух), а письменно, написав слово-ответ на листке бумаги, лежащем перед вами, против очередного порядкового номера. Записывайте только одно слово, самое первое; если вам сразу не приходит в голову никакое слово, сделайте лучше прочерк“» (САНРЯ: 1977, с. 54). В связи с тем, что в период работы над Словарем обработка данных проводилась вручную, в нем

встречаются повторы одних и тех же реакций и неточности при подсчете (см. об этом: Черкасова: 2008).

«Русский ассоциативный словарь» (2002) значительно шире по объему, он содержит 6624 стимула и не ограничен с точки зрения частеречной принадлежности слов-стимулов. Как и для предыдущего Словаря, респонденты отбирались из числа лиц, для которых русский язык – родной (преимущественно, студенты разнопрофильных вузов). Каждый участник эксперимента в течение 7–10 минут должен был заполнить анкету, записав против каждого стимула только одну, первую ассоциацию-реакцию, вызванную стимулом. В процессе обработки полученных данных было выявлено более ста пяти тысяч реакций-ассоциаций. Эксперимент проходил в три этапа, его обширный материал опубликован в шести томах «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» (1994; 1996; 1998), а уже в 2002 году этот материал был сведен в два тома «Русского ассоциативного словаря». Материалы обрабатывались уже с применением информационных технологий. База данных Словаря позволяет исследовать реакции с учетом гендерного аспекта, с точки зрения профессиональной принадлежности, влияния особенностей места проживания респондентов и т. д.

«Славянский ассоциативный словарь» создан на базе письменного анкетирования русских, украинцев, белорусов и болгар в 1998-1999 годах. Респондентом предлагалось 112 взаимно эквивалентных стимулов, реакции записывались на родном для информантов языке. Информанты – студенты наиболее распространенных университетских специальностей (юристы, экономисты, математики, философы и т.д.). Из полученных данных создана электронная база.

«Русский сопоставительный ассоциативный словарь» Г. А. Черкасовой позиционируется его автором не как формальное объединение ранее изданных одноименных словарных статей, «а качественно новый материал, отражающий процесс формирования русского языка и тенденций его развития на определенном этапе в новейшей истории России» (Черкасова: 2008). Структура словарной статьи состоит из заголовочного слова-стимула, для реакций даны две частоты встречаемости: *абсолютная частота* или количество ответивших респондентов, и относительная. Каждый из абзацев содержит *реакции* на стимул, которые представлены по мере убывания абсолютной частоты, и относительной частоты (дано в квадратных скобках). В конце словарной статьи приводятся количественные показатели, напечатанные полужирным курсивом. Всего шесть показателей: первое число – общее количество полученных реакций на слово-стимул; второе число – количество разных реакций; третье число – количество испытуемых, не указавших в анкете реакцию на стимул (тракуется как отказ); четвертое

число – количество единичных реакций (ответы данных только одним из респондентов или с частотой 1); пятое число – количество реакций на слово-стимул, повторившихся во всех словарях; шестое число – оригинальные реакции в соответствующем словаре, не встречаются в других опросах.

Приведем словарную статью, сформированную из материалов реакций на слово-стимул «время», где L – данные из Словаря ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева; R – данные из Русского ассоциативного словаря; S данные из Славянского ассоциативного словаря: «время: **L** ► **час 19** [9.55]; **деньги 12** [6.03]; бежит **10** [5.03]; *свободное 9* [4.52]; идти (идет), *мало, часы 8* [4.02]; *быстро 6* [3.02]; **летит 5** [2.51]; *день, трудное 4* [2.01]; **года**, длинное, золото, *истекло, не хватает, нет, полночь, потеха, пространство 3* [1.51]; бесцельно, быстрый, **вперед**, *год, долго, долгое, дорогое, какое, короткое, летит незаметно, минута, наше, ночь, позднее, препровождение, прошедшее, стрелки, течет, хорошее, чужое 2* [1.01]; 10 часов, безвременье, *бесконечность, больших ожиданий, бремя, будущее, великое, вечернее, движение, дело, длительное, жить, занятый, звать, коротать, мгновение, медленно идет, месяц, не терпит, неудержимо летит, ночное, опоздал, опоздание, отлета, отрезок, отстает, полет, полуденное, свидание, сказка, скоро, сон, срок, старое, сутки, телевизор, тяжелое, тянется, школа 1* [0.5]; **199+79+0+39 // 10+45.**

R ► **деньги 14** [13.59]; **вперед, не ждет, часы 5** [4.85]; *бежит, пришло, программа 4* [3.88]; **года, идет, телевизор 3** [2.91]; **летит**, московское, **пространство, течет 2** [1.94]; *бремя, будущее, вечность, вставить, долго, друг без друга, есть, играть, истекло, конечно, куранты, лежит, любить, мечтать, надежд, не дремля, не стоит, нервов, ограничено, отдельно, передача, перемен, плохое, подошло, позднее, покажет, пошло, программа "Время", свободное, секунда, скорость, спать, стена, стоит, стремя, тайм, такое, телевизионная программа, упущенное, утро, ушло, час, шло 1* [0.97]; **103+57+2+43 // 10+29.**

S ► **деньги 126** [24.8]; **часы 58** [11.42]; **бежит 21** [4.13]; **идет 15** [2.95]; *мало, час 12* [2.36]; **вечность 11** [2.17]; **года, жизнь 10** [1.97]; *программа, течет 9* [1.77]; **летит, нет 7** [1.38]; *быстрое, жить, не хватает, уходит 5* [0.98]; **вперед, дело, новости, спать 4** [0.79]; *бесконечность, долгое, есть, идти, прошло 3* [0.59]; *быстро, быстротечно, год, день, много, не терпит, нехватка, пить, потеха, собирать камни, спешить, сутки, тайм, телевизор, терять, тянется, ушло, ч 2* [0.39]; 12.00, 15.30, 15.35, 4-е измерение, безвластно, бесконечно, бесконечность; не удержать, беспощадно, быстро идет, быстро уходит, быстрота, весны, вечно, вода, время, вселенная, вспять, годы, девять, дела, делать деньги, делу, **долго**, его не хватает, и деньги, измерение, истекает, кончается, космос,

круг, летит без оглядки, летит быстро, лечит, лысый, материя, *минута*, минуты, мое, мощь, мчит, на раздумье, *наше*, *не ждет*, не хватает (кризис), некогда, нет его, неудержимо, неумолимо, новое, одно, опаздывать, *опоздание*, осталось, остановилось, отдых, отдыха, отдыхать, отправления, отсрочки, отсутствие, *передача*, пить чай, погода, поздно, покушать, *полет*, помочь, *пошло*, придет, *пришло*, проводить, **пространство**, проходит, работает на нас, работы, река, свобода, сезон, секундомер, секунды, скорое, спешит, *стоит*, *стрелки*, суток, существование, течение, теченье, течет быстро, то{,} чего мало, то{,} что течет быстро и безвозвратно, убегает, уйти, умирать, уходить, ч ('че'), экономить **1** [0.2]; **508+141+17+97 // 10+99**».

Таким образом, наиболее частотными ассоциациями на стимул время в русском языковом сознании являются: 1. час/часы; 2. деньги; 3. бег/летит; 4. пространство; 5. жизнь. Интересно отметить, что если в Словаре 1977 года (словарь L) отмечается частотность ассоциации «свободное» (относительная частота – 4.52), то уже в новых реалиях его относительная частота 0.97 (словарь R; 2002 год). Противоположный процесс отмечается в ассоциации «деньги»: в словаре L (1977 год) частотность – 6.03; в словаре R (2002 год) частотность – 13.59 и 24.8 в словаре S. Данный факт наглядно иллюстрирует влияние культурного и социального контекста на восприятие человеком ориентиров бытия.

С точки зрения гендерного аспекта, данная ассоциация на стимул «время» одинаково частотна у представителей обоего пола (по материалам Русского ассоциативного словаря). Для мужчин более частотны следующие реакции на стимул время: «не ждет», «часы», «бежит», «ушло». Женщины совершенно не ассоциируют время с одноименной программой и телевизором, но именно у женщин рождаются ассоциации: «вставать», «надежд», «нервов», «позднее». Возможно, женщины лучше помнят грамматику, потому что время ассоциируется со школьным – «стремя». Известно, что по морфологическому строению *время* относится к группе слов *бремя*, *племя*, *стремя*. *вымя*, *темя*, «содержащих суффикс – в современном русском языке – *-ен* (ср. родит. падеж: *врем-ени*, *брем-ени*, *плем-ени* и т.д). С исторической точки зрения, это суффикс и. -е. *men)» (Степанов: 2004, с. 117). Мужчины не ассоциируют время с надеждой, но связывают его с мечтой, для них время «не стоит», оно связано с переменами. Мужчины боятся «упустить» его и, будучи поклонниками спортивных передач, ассоциируют с «таймом».

Проиллюстрируем данными Русского ассоциативного словаря (2002). Реакции на стимул «время» (всего реакций на стимул – 103, различных реакций на стимул – 58, одиночных реакций на стимул – 43, отказов – 2).

Реакции	Частота	Мужчины	Женщины
деньги	14	7	7
вперед	5	2	3
не ждет	5	3	2
часы	5	3	2
бежит	4	3	1
пришло	4	2	2
программа	4	4	0
года	3	1	2
идет	3	3	0
телевизор	3	3	0
/	2	1	1
летит	2	1	1
московское	2	0	2
пространство	2	1	1
течет	2	1	1
бремя	1	1	0
будущее	1	0	1
вечность	1	0	1
вставать	1	0	1
долго	1	0	1
друг без друга	1	1	0
есть	1	1	0
играть	1	0	1
истекло	1	1	0
кончено	1	0	1
куранты	1	1	0
лежит	1	0	1
любить	1	1	0
мечтать	1	1	0
надежд	1	0	1
не дремля	1	1	0
не стоит	1	1	0
нервов	1	0	1
ограничено	1	0	1
отдельно	1	1	0
передача	1	0	1
перемен	1	1	0
плохое	1	1	0

подошло	1	1	0
позднее	1	0	1
покажет	1	1	0
пошло	1	1	0
программа «Время»	1	1	0
свободное	1	0	1
секунда	1	0	1
скорость	1	0	1
спать	1	1	0
стена	1	0	1
стоит	1	0	1
стремя	1	0	1
тайм	1	1	0
такое	1	0	1
телевизионная программа	1	0	1
упущенное	1	1	0
утро	1	1	0
ушло	1	1	0
час	1	0	1
шло	1	0	1

Сравним с данными ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках диссертационного исследования.

В опросе принимали участие 80 носителей русского языкового сознания, из которых: мужчин – 38, женщин – 42. Информативная группа состояла из представителей двух возрастных категорий: группа «А» – 36 человек в возрасте от 16 до 30 лет; группа «В» – 44 человека в возрасте от 35 и выше. Образование: в группе «А» – только студенты и лица с высшим образованием; группа «В» – 70 процентов составили лица с высшим образованием, 30 – со средним образованием. Испытуемым предлагалось выполнить задания свободного ассоциативного эксперимента: «Опишите время»; «Время для меня....».

Анализ результатов эксперимента по ключевому слову концепта «время» сведен в таблицу. При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциации были обобщены. Всего реакций: 73; полностью совпадающих реакций в возрастном и гендерном аспектах: 20; частично совпадающих в возрастном и гендерном аспектах: 14; совпадающих у мужчин в обеих возрастных группах: 38; совпадающих у женщин в обеих возрастных группах: 28. Частотность совпадений у мужчин преимущественно

фиксируется в ассоциатах – новых артефактах: *таймер, компьютер, Интернет*, а также в негативных оценках: *опасное, плохое*; в совпадающем чувстве сжатых временных сроков: *ограниченное, спешит, оборот*; в ощущении жизни как соперничестве: *соревнование*; в готовности расти: *учит*; в ассоциате, связанном со службой: *отбой* и метафизическими: *непостижимо, тьма*. Следовательно, концептуальная область «время» складывается из гармонирующих семантических и ассоциативных признаков, которые мотивированы не только культурой, но и самим временем – реальным и ментальным.

Реакции	Возраст	Мужчины	Женщины	Возраст	Мужчины	Женщины
Часы	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Будильник				35и старше	+	+
Таймер	16-30лет	+	+	35и старше	+	
Секундомер				35и старше	+	
Тикает			+	35и старше		+
Табло	16-30лет	+				
Счетчик				35и старше	+	
Фотоаппарат	16-30лет	+	+			
Фотография			+	35и старше		+
Больница				35и старше	+	+
Болезнь				35и старше	+	+
Школа	16-30лет	+	+			
Университет	16-30лет	+	+			
Уроки	16-30лет		+			
Лекции	16-30лет	+	+			
Семестр	16-30лет		+			
Друзья, семья	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Работа/рабочее	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Соревнование		+		35и старше	+	
Деньги	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Любовь	16-30лет	+	+	35и старше		+
Компьютер	16-30лет	+	+	35и старше	+	

Интернет	16-30лет	+	+	35и старше	+	
Социальные сети, Facebook	16-30лет	+	+			
Учебное	16-30лет	+	+			
Опасное	16-30лет	+		35и старше	+	+
Плохое		+		35и старше	+	+
Страшное				35и старше		+
Хорошее	16-30лет	+	+	35и старше		+
Короткое		+		35и старше	+	+
Свободное	16-30лет	+	+	35и старше		+
Ограниченное	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Прекрасное	16-30лет		+			
Незабываемое	16-30лет		+	35и старше	+	+
Летит/улетучивается	16-30лет	+		35и старше	+	+
Возвращается				35и старше	+	
Помогает	16-30лет	+	+			
Учит	16-30лет	+		35и старше	+	+
Лечит				35и старше	+	+
Убивает	16-30лет			35и старше	+	+
Спешит	16-30лет	+		35и старше	+	+
Бездушно				35и старше		+
Детство	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Юность	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Рождение	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Студенчество	16-30лет	+	+	35и старше	+/-	+/-
Молодость	16-30лет	+	+	35и старше	+	+
Зрелость	16-30лет	+	+	35и старше	+	
Старость	16-30лет	+		35и старше	+	+
Итог				35и старше	+	

Пенсия				35и старше	+	+
Ночь	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Утро	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
День	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Сутки	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Утро года				35и старше		+
Подъем	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Отбой	16- 30лет	+		35и старше	+	
Осень жизни/ Утро жизни				35и старше	+	+
Оборот		+		35и старше	+	
Вечность	16- 30лет			35и старше	+	
Бездна	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Космос	16- 30лет	+				
Галактика	16- 30лет	+				
Пропасть				35и старше	+	+
Тьма	16- 30лет	+		35и старше	+	+
Невидимо	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Круг, стрела	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Пространство	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Смерть	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Жизнь	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+
Непостижимо	16- 30лет	+		35и старше	+	+
Отмерено	16- 30лет	+	+	35и старше	+	+

Выявлены следующие чувственные, эмоциональные, оценочные и прагматические ассоциаты, которые распространяют когнитивное поле концепта. Это – дополнительные смыслы, возникающих в языковом сознании как реакция на стимул «время», которые не всегда фиксируют толковые словари:

1) время связано не только с единицами, но и с механизмами его измерения (реальными или воображаемыми): часы, будильник, таймер, секундомер, тикает, табло, счетчик, фотоаппарат;

2) определенный отрезок жизни ассоциативно связан с ключевым для этого периода жизни образом сознания, с тем, что/кто требует максимум времени: больница, болезнь, школа, университет, уроки, семестр, лекция, друзья, работа, соревнование, деньги, любовь, учеба, учительница, компьютер, Интернет, социальные сети (например, Facebook);

3) время всегда оценено и эмоционально окрашено: учебное, опасное, плохое, страшное, тревожное, лучшее, веселое, хорошее, полезное, короткое, свободное, ограниченное, прекрасное, незабываемое;

4) наделено свойствами живого существа, либо сравнивается с человеком: улетает/улетучивается, возвращается, помогает, учит, лечит, убивает, спешит, бездушно;

5) делится на периоды жизни: детство, юность, рождение, зрелость, старость, студенчество, молодость, итог, стаж, пенсия;

6) связано с естественными циклами: ночь, утро, день, сутки, утро года, подъем/отбой, осень жизни/ утро жизни, оборот;

7) непостижимо: вечность, бездна, космос, галактика, пропасть, тьма, невидимо;

8) ассоциируется с жизнью и смертью, с пространством, кругом; размерено/отмерено.

С точки зрения лингвокультурологии, интерес представляет отсутствие возрастных и гендерных отличий в представлении временных моделей в сознании информантов: время равно ассоциируется как с кругом (циклическая модель), так и с пространством и стрелой (линейная модель). Вне зависимости от этих показателей в зафиксированных ассоциатах реализуется антропоморфный код, но его смысловое наполнение меняется в группах «А» и «В»: для информантов от 16 до 30 лет время чаще *спешит*, но и *учит*, *помогает*, а для информантов от 35 и старше оно *лечит*, *спешит*, *летит*; не для всех, но – *возвращается*. Однако в обеих возрастных группах зафиксирована одинаковая реакция – время *убивает*. Как отражение динамических процессов внутри концептуальной системы можно рассматривать ассоциаты *компьютер*, *Интернет*, *таймер*. А в качестве ее постоянных признаков – реакции: *бездна*, *тьма*, *пропасть*, *непостижимо* и т.п.

Таким образом, материалы ассоциативных словарей и результаты ассоциативных экспериментов подтверждают идею новейшей лингвистики о том, что слова, закрепленные в нашем сознании за соответствующими понятиями, не существуют

изолированно. Как в абстрактной единице знания и информации, в концепте фиксируется результат акта когниции, включающего процедуры сравнения, отождествления, установления сходства и подобия, итогом которого является категоризация явлений и реалий. Поэтому лексическая единица «время», рассмотренная как одноименный концепт, демонстрирует возможность включения в данную ментальную систему, понятийное множество, целый ряд предметов и признаков не только по интенционалу, но и по экстенционалу (иллюстрируется приведенными данными). При этом каждый из представленных ассоциатов может быть понят и как коннотативный компонент концептуальной структуры, отражающий эмоциональное переживание субъекта – носителя языкового сознания. Этот компонент, вовлекаясь в концептуальное множество, активизирует содержащиеся в его периферии семы оценки и семы эмоций. Ассоциативные образы, сколь отдаленной ни была бы их связь с сигнификатом слова-стимула, всегда содержат понятийный, психологический, логический или эмпирический элемент, который в данном исследовании называется «базовый чувственный образ», удерживающий их в концептуальной области. Необходимая информация для возникновения ассоциации переносится в новое формирующееся понятийно-языковое содержание языковой единицы. При этом снятые признаки не исчезают, но остаются в потенции и функционируют каждый раз в зависимости от контекста (Языковая номинация: 1977, с.74-86). Согласно Ю. Д. Апресяну, семантические ассоциации, или коннотации – это те элементы «прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Они очень капризны, сильно различаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков или даже одного и того же языка» (Апресян: 1995, с. 63). В этой связи необходимо отметить и то, что в семантических и психолингвистических исследованиях экспериментально доказано несовпадение, а в ряде случаев и противоречие между лексическим значением слова и его психологически реальным значением в сознании языковой личности (см. об этом: Стернин: 1979).

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что признак, порождающий реакции на слово-стимул, не может быть определен как семантический компонент, объединяющий слово-стимул и развиваемые на его основе образы. Единство слова-стимула и пучков ассоциативных образов устанавливается благодаря чувственно воспринимаемым признакам, в ряду которых для реконструкции концепта может быть выделен системообразующий базовый чувственный образ.

Информация, полученная в ходе анализа реакций информантов на слово-стимул, является, по словам Ю. Н. Караулова, «язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего».²⁴ С позиций данного исследования, существенным представляется тот факт, что проведенный анализ демонстрирует системность связей полученных реакций на стимул «время», поскольку каждый из ассоциатов эксплицитно/имплицитно содержит прототипический элемент концепта «время», удерживающий элементы в пределах данного множества. Вместе с тем, ассоциативный анализ наглядно подтверждает гипотезу о динамической природе концептуальных связей, которые служат опорами при конструировании ментального образа времени, имеющего как объективное, так и субъективное начало.

II. 5. Время как ценность в русском языковом сознании (на материале паремиологических текстов, содержащих ключевую лексику)

В теории культуры ценности – это социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, любовь, верность, справедливость, патриотизм и т. п. Ценности влияют на поведение человека во всех сферах духовной и материальной жизнедеятельности. Признается, что ценность – это абстракция; реально существуют нормы, установки и правила деятельности. Совокупность культурных норм называется нормативной системой культуры. Это – предписания, установки, требования, ориентиры и образцы для поведения, которые одобряются обществом. Ценности принадлежат обществу в целом; отдельный индивид является носителем ценностных ориентиров, которые он выбирает для себя из того, что именно принято считать ценностями в обществе, частью которого он является (Кравченко: 2001).

В философском понимании ценности – это проекция человеческих устремлений (Хайдеггер). «Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и

²⁴ электронный ресурс; режим доступа:

http://softacademy.lnpu.edu.ua/Programs/Dictionaries/Karaulov_Preface.htm; дата доступа: май-июнь 2011

одновременно условием полноценного бытия объекта» (Философский энциклопедический словарь: 2010). На основе категориального статуса ценности сформирован раздел философского знания – аксиология, изучающий природу ценностей, их место в реальности, связь ценностей с социальными и культурными факторами и жизнедеятельностью отдельной личности.

Научный анализ проблемы ценностей основывается на изучении всей системы ценностного отношения индивида к различным видам жизнедеятельности. С точки зрения модальности, ценности классифицируются на позитивные и негативные. По степени общности принято выделять ценности личные, групповые, классовые, национальные, общественные, региональные и общечеловеческие, универсальные. Ценности можно изучать и с позиций различных исторических эпох, культур, этносов.

Согласно существующей традиции, лингвистическую классификацию ценностей можно выстроить на различных основаниях. Например, на материале анализа фонда оценочных слов языка. Но интерпретация этих слов ограничена модальной рамкой, их коннотации и импликации интерпретируются в пределах установок «плохо» либо «хорошо». Поэтому данный метод признается ограниченным для выявления иерархии ценностей. Ценности могут исследоваться с точки зрения семантической плотности тематических групп слов: «...ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке» (Карасик: 2002, с. 166). Воссоздание ценностной картины мира ведется и на уровне анализа относительно стабильного паремиологического фонда лингвокультуры.

Постулируя времени статус ценности, мы исходим из следующих двух положений. Первое: время формирует категорию темпоральности, которая трактуется как «временная сущность явлений /.../. В феноменологически ориентированной социологии, а также в психологии и культурологии понятие темпоральности широко используется для описания таких динамических объектов, как личность, социальная группа, класс, общество, ценность» (Современная западная философия: 1991, с. 298). Второе: число паремий на определенную тему пропорционально актуальности осмысленного явления в картине мира носителей определенного языкового сознания.

Для целей данного исследования важным является утверждение, что отличительным признаком культурных концептов, наряду с понятийной и образной составляющей, является наличие ценностного компонента (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик). Подтверждением этого утверждения могут быть интерпретируемые тексты, в том числе, – паремиологические, которые в афористически сжатой форме из поколения в поколение передают наиболее важные идеи общества. Паремии присутствуют в сознании

носителя языка, интерпретируются им, принимаются, либо отвергаются, но знание, которое содержит текст паремии, вовлечено в концептуализированную область, влияя на содержательные характеристики и образные признаки концептов.

«С развитием и утверждением идей и принципов антропоцентризма в языке *паремии* (афоризмы фольклорного происхождения) практически всеми исследователями трактуются как репрезентаторы национального менталитета и в связи с этим представляют особый интерес как средство выражения сущности концептуальной структуры этнокультурного сознания. Причина тому – не столько наличие у паремий безусловной ретранслирующей функции (передача культурно значимой информации от поколения к поколению), сколько их особый функциональный статус, позволяющий ... стереотипизировать важнейшие для этнокультуры представления и оценки» (Алефиренко, Симененко: 2010, с. 169). Как считает автор широко известного Словаря русских пословиц и поговорок В. П. Жуков, пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все сказанное в них – несомненно. Для народов христианского мира употребление Евангельских изречений в качестве пословиц – свидетельство того, что религиозные представления воспринимались народом как твердая истина, например: «Все течет, все меняется»; «Всему свое время». В разряд пословиц и поговорок достаточно часто переходят крылатые выражения, например, пословица «Делу время, потехе час». Считается, что ее источник – это приписка царя Алексея Михайловича к сборнику правил соколиной охоты под названием «Книга, глаголемая урядник».

Вслед за В. И. Карасиком, паремии понимаются в работе как «антропологические схемы и приоритетные нормы поведения» (Карасик: 1997), свойственные представителям определенного лингвистического сознания. Как известно, в силу композиционной структуры и стилистического оформления, паремии принято рассматривать в качестве символических единств языковой формы, в которых выражается морально-утилитарное и «коммуникативно-деятельное» содержание о каком-то явлении, имеющем ценностное значение в сознании и культуре этноса. При этом установлено, что моральные нормы, содержащиеся в паремиологических конструкциях даже относительно одного явления, могут содержать разнообразие утилитарных норм поведения и целый спектр оценок – от пейоративных до мелиоративных. Следовательно, эти нормы и оценки носят относительный характер.

Когнитивный аспект описания паремий состоит в выявлении механизмов культурно значимых смыслов, заложенных в коде паремиологических прецедентных текстов. Согласно Ю. Н. Караулову, прецедентными являются «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие

сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» (Караулов: 1987, с. 216). На речевом уровне апелляция к паремии, по мнению исследователей, может быть соотнесена с перлокутивной функцией: адресант стремится воздействовать на адресата, задать необходимую обоснованную установку при принятии практического решения, побудить его к желательным выводам/действиям. По мнению Д. Б. Гудкова, прецедентное высказывание воспроизводит образ-представление с некоторым (ограниченным) набором признаков и входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества; на этом основании оно может быть определено в качестве национально-детерминированного минимизированного представления (Гудков: 2003, с. 139).

Анализ паремий, содержащих ключевую лексику концепта «время», проведен с целью выявления ценностной характеристики концептуализированного понятия, мотивированного русским языковым сознанием. Материалом для исследования послужил сборник В. И. Даля в двух томах «Пословицы русского народа», «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения /Лингвострановедческий словарь» В. П. Фелицыной, Ю. Е. Прохорова.

Проанализировано около 150 пословично-поговорочных текстов, в которых представлены практически все семемы лексики «время». Знаком (-) отмечены паремии, иллюстрирующие пейоративное осмысление анализируемого явления; знаком (+) – мелиоративное, знаком (\approx) – нейтральное.

Поскольку в пословицах и поговорках русского народа встречаются примеры, развивающие одновременно как отрицательные, так и положительные коннотации (что допускает их двойственное толкование), в таблице встречается помета (+/-), а также помета (\approx /-) или (\approx /+), в зависимости от того, к какому полюсу тяготеет нейтральная оценка.

Отобранный материал проанализирован с позиций когнитивной функции паремии, аксиологической оценки концептуализированного смысла; выведены прагматические установки. Паремии с синонимичным значением приведены в одной графе. Знаком «**» обозначены варианты формы паремии. Сентенции, совпадающие по прагматическим установкам, объединены в условные смысловые группы.

Полученные данные сведены в обобщающую таблицу. В связи с тем, что количество страниц диссертационной работы ограничено, ниже приведен фрагмент таблицы, однако его объем, как представляется, позволяет продемонстрировать, как велся анализ в процессе исследования.

Паремия (прецедентный текст)	Когнитивная функция	Прагматическая установка	Коннотация
Во времени подождать: у Бога есть что подать.	Стереотипизация умозаключения	Надо уметь верить и терпеть; не надо торопить события	+
До времени все с рук сходит.	Мифологизация обобщения	Необходимо верить в справедливость: зло не может торжествовать, оно обязательно будет наказано	+
Покуда жирный похудеет, много время пройдет.	Антонимизация обобщения	Жизнь редко бывает справедливой. С богатого и бедного – разный спрос.	-
Время придет, и час пробьет.	Обобщение экзистенциального опыта, утверждение безоговорочной истины	Следует помнить, что все имеет начало и конец; всему свое время; не надо торопить события	+
Делу время, потехе час. ** Делу время, потехе час. От безделья и то рукоделье. **Учению – время, игре – час. ** Работе время, а досугу час. После дела и гулять хорошо. Дело во время не берем.	Стереотипизация умозаключения	Необходимо быть трудолюбивым; надо уметь отделять важное от второстепенного; следует научиться правильно распоряжаться временем своей жизни.	+
Пению время, а молитве час. Есть время работать, есть и веселиться. Гуляй, но время не теряй. Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем.	Антонимизация стереотипного умозаключения	Не следует слишком серьезно относиться к жизни и трудам; нужно уметь не только трудиться, но и веселиться	+/-

<p>Во время стоянья (<i>т.е. молитвы</i>) пояс спускать ниже пупа (<i>раск.</i>).</p>	<p>Стереотипизация умозаключения</p>	<p>Раскаяние должно быть искренним, не только во время молитвы, не должно быть показным</p>	<p>-</p>
<p>Время на время не приходит. Всякое время переходчиво. ** Время переходчиво. ** Всякое дело до случая все стоит до поры всякое время переходчиво. Временем в красне, порою в черне. Временем грозой, а временем и лозой. Есть время плакать, есть и веселиться.</p>	<p>Обобщение опыта, утверждение безоговорочной истины</p>	<p>Времена бывают разными, на смену плохому может прийти хорошее (и наоборот: иногда везет, иногда – нет)</p>	<p>+/-</p>
<p>Было одно время – осталось одно безвременье.</p>	<p>Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к пессимизму и безысходности</p>	<p>Ничего нельзя поделать: не жизнь – а беда, несчастье, горе; Раньше жизнь была лучше, а теперь тяжелая.</p>	<p>-</p>
<p>Была пора, а теперь время. ** То было время, а ныне пора.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к пессимизму</p>	<p>Было такое время, когда жилось намного лучше (легче, интереснее и т.п.). Но все проходит. Наступило другое, тяжелое, время</p>	<p>-</p>
<p>Иное время, иное бремя. Новое время - новые песни. Были времена – любили гармониста, а теперь время настало – любят тракториста.</p>	<p>Стереотипизация умозаключения</p>	<p>Нужно уметь меняться вместе со временем.</p>	<p>+</p>

<p>Временем и ломоть за целый хлеб.</p> <p>**Временем и кус за целый ломоть.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта, утверждение истины</p>	<p>Не надо ничему удивляться, времена бывают разные, иногда – и очень тяжелые. Надо уметь ценить и малое.</p>	<p>+/-</p>
<p>Дурак времени не знает.</p> <p>**Дураку что ни время, то и пора.</p>	<p>Стереотипизация утверждения</p>	<p>Только очень глупый человек не умеет ценить время; человек должен помнить о том, что время дано для труда, а не для праздной жизни.</p>	<p>+</p>
<p>Временем и смерд барыню берет.</p> <p>Временем и дурак умно говорит.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Мифологизация обобщения</p>	<p>Не надо ничему удивляться, в жизни все может случиться, даже самое невероятное</p>	<p>+/-</p>
<p>В те поры холопу время, когда господину безвременье!</p> <p>Для воробья и пух – улов во время боя двух орлов.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта и наблюдений, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Человек не имеет совести, безжалостен; он ожидает момента, когда сильный станет слабым.</p>	<p>-</p>
<p>Человека узнают во время бедствий.</p> <p>**Сочувствие во время несчастья подобно дождю во время засухи.</p> <p>** Верность познается во время больших смут</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта и наблюдений, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Следует знать, что в жизни бывают очень тяжелые времена; человека можно узнать только по его поведению во время тяжелых испытаний.</p>	<p>+/-</p>
<p>Золотое время – молодые лета. Золотая пора – молодые года.</p> <p>** Золотое время – молодые лета. Пока молод, пока и весел.</p> <p>** Юность – время золотое: ест, и пьет, и спит в покое.</p> <p>** Детство – время золотое: ест, и пьет, и</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к пессимизму</p>	<p>Надо наслаждаться молодостью и помнить, что так будет не всегда; очень скоро пройдет и это. Нужно помнить о том, что все в мире изменяется.</p>	<p>+/-</p>

<p>спит в покое.</p> <p>У молодых время тянется, у стариков бежит.</p> <p>В свое время сосна красна, пройдет время – краска спадет.</p>			
<p>Время разум дает. Пора на ум наводить.</p> <p>Время всему научит.</p> <p>**Время научит что делать.</p>	<p>Мифологизация обобщения (антропоморфный код)</p>	<p>Не надо отчаиваться, со временем придет опыт; человек сможет всему научиться; человек поймет, что делать, если не будет торопиться.</p>	+
<p>Время придет – слезы утрет.</p> <p>Время все излечит.</p> <p>Время подойдет, так и лед пройдет.</p> <p>Придет время – будет и наш черед.</p>	<p>Мифологизация обобщения (антропоморфный код)</p>	<p>Надо помнить о том, что все меняется. Все проходит, пройдет и это.</p>	+/-
<p>Не человек гонит, а время. Не живем, дни провожаем.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к пессимизму</p>	<p>Надо помнить о быстро текущем времени, о том, человек не в силах остановить его стремительный бег.</p>	-
<p>Сенька городит, мостит и хоромит, а время сенькины сани подломит.</p> <p>Время деньгу дает, а на деньги времени не купишь.</p> <p>Нас время разбудило, а теперь мы ему покоя не даем.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к фатализму</p>	<p>Всегда следует помнить о том, что жизнь человека конечна, не следует стремиться иметь слишком многое, все – временно; все – суета.</p>	-
<p>Время за нами, время перед нами, а при нас его нет.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение,</p>	<p>Надо помнить о быстро текущем времени, о том, человек не в силах остановить его стремительный</p>	-

	тяготеющее к пессимизму	бег.	
<p>Всякое время своих друзей собирает.</p> <p>Кому время спорить, тот ни о чем не грустит.</p>	Мифологизация умозаключения	Человек зависит от судьбы: есть избранные, кому даже само время нипочем	+/-
Бедный времени не ищет.	Стереотипизация умозаключения, обобщение экзистенциального опыта	От нужды можно все потерять, даже надежду на то, что времена меняются и когда-нибудь жить станет легче. Бедному человеку всегда тяжело.	-
<p>В страданиях время тянется долго.</p> <p>Не время волос белит, а кручина.</p> <p>Время красит, а безвременье сушит.</p> <p>** Время красит, безвременье старит.</p> <p>** Время красит, а безвременья чернит.</p>	Мифологизация обобщения (антропоморфный код)	Следует знать, что человек всегда оценивает время в зависимости от того, как он живет. Когда наступает черная полоса, всегда кажется, что она бесконечна. Человек стареет не от времени, а от горя, безвременья, от тяжелой доли.	+/-
<p>Голову чешет не гребень, а время.</p> <p>** Не гребень голову чешет, а время.</p>	Антонимизация стереотипного умозаключения	Надо помнить о том, что человек стареет (от времени)	-

<p>Всякой вещи свое время. **Каждой вещи свое время. **Всякому делу свое время. **Всякому овощу свое время. **Фрукты хороши в свое время. **Каждое семя знает свое время. **Всякое семя знает свое время. ** До поры, до времени не сеют семени. ** Все хорошо в свое время. И пес должен в свое время лаять. Петуху сказали: «спой», а он ответил: «всякая вещь хороша в свое время».</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта.</p>	<p>Необходимо помнить о том, что все в мире подчиняется времени, поэтому человеку следует научиться жить по его законам. Если делать что-то не ко времени, это является нарушением порядка и нормы.</p>	<p>≈/-</p>
<p>Время на дудку не идет (не вабится). ** Время времени работник. ** Время времени работает.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение, тяготеющее к пессимизму</p>	<p>Необходимо помнить, что время не подвластно человеку, у времени свои законы.</p>	<p>+/-</p>
<p>Время упустишь – урожай потеряешь. ** Упустишь время – потеряешь урожай. Время выиграно – все выиграно. Упустя время, да ногой в стремя.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Надо уметь ценить каждое мгновение жизни, каждую отдельную пору (день, час и т.д.), из которой состоит время жизни человека</p>	<p>+</p>

<p>Деньги пропали – наживешь, время пропало - не вернешь.</p> <p>** Время деньги дает, а на деньги время не купишь. Время летит безвозвратно.</p> <p>Время руками не удержишь.</p> <p>** Как прорвало плотину, не повернешь время вспять.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта, мифологизация обообщения (антропоморфный код), стереотипизация умозаключения</p>	<p>Надо уметь ценить каждое мгновение жизни, каждую отдельную пору (день, час и т.д.), из которой состоит время жизни человека</p>	<p style="text-align: center;">+</p>
<p>Пора да время дороже золота.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта. Эмоциональное оценочное суждение</p>	<p>Каждый человек должен помнить о том, что время – самая большая ценность.</p>	<p style="text-align: center;">+</p>
<p>Кстати бранись, кстати миришь! Временем бранись, а в пору миришь!</p> <p>Чего только не наговорят во время ссоры. ** Во время брани добра не говорят.</p>	<p>Обобщение бытовых ситуаций, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Человек не должен быть злопамятным, необходимо помнить, что нельзя жить в вечной вражде и ссоре. Не стоит слишком серьезно относиться к тому, что говорят люди друг другу во время брани и ссор. Пройдет и это.</p>	<p style="text-align: center;">≈</p>
<p>Услышанное береги, время придет – пригодится.</p>	<p>Антонимизация стереотипного утверждения</p>	<p>Необходимо уметь хранить услышанное; есть очень важные вещи, которые не следует забывать, может наступить такое время, когда это знание пригодится.</p>	<p style="text-align: center;">≈</p>
<p>Что не сказал во время посева, того не скажешь во время жатвы.</p>	<p>Обобщение бытовых ситуаций, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Следует знать, когда и что делать и говорить.</p>	<p style="text-align: center;">≈</p>

<p>В ино время не надо знать, что люди говорят.</p>	<p>Обобщение бытовых ситуаций, стереотипизация умозаключения</p>	<p>Человек должен понимать, что люди не всегда говорят правду, что они могут говорить зло, поэтому не стоит прислушиваться к людской молве, особенно, если это не ко времени</p>	<p>≈/-</p>
<p>Порядок бережет время.</p> <p>Когда руки дойдут (т.е. время позволит), тогда и сделаем.</p> <p>Не время собак кормить, когда волк в стаде.</p> <p>Жатва – время дорогое, никому тут нет покоя.</p>	<p>Обобщение бытовых ситуаций, стереотипизация умозаключения</p>	<p>В жизни все должно быть подчинено порядку. Необходимо уметь отделять главное от второстепенного.</p>	<p>≈/+</p>
<p>Толочь воду в ступе – потерять время.</p> <p>**Решетом воду измерять – только время потерять.</p> <p>Хорош охотник: убил время и ноги.</p> <p>Ученого учить только время тратить.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта.</p> <p>Эмоциональное оценочное суждение</p>	<p>Человек должен понимать, что время – самая большая ценность. Поэтому в жизни надо заниматься настоящим делом, а не заведомо бесцельными, не нужными делами.</p>	<p>+</p>
<p>Дружба на время – рабство навечно.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта, тяготеющее к пессимизму</p> <p>Эмоциональное оценочное суждение</p>	<p>Не следует слишком много времени уделять друзьям. Дружба не бывает вечной, но на весь человеческий век остается зависимость от разочарований, излишних откровений с друзьями.</p>	<p>-</p>
<p>Не дать в долг – остуда на время, а дать – ссора навеки.</p>	<p>Обобщение экзистенциального опыта.</p> <p>Эмоциональное оценочное</p>	<p>Человек должен понимать, что деньги портят любые отношения.</p>	<p>-</p>

	суждение		
Долг – тягостное бремя, отнимает сон и время.	Стереотипизация умозаключения	Надо стараться избегать в жизни долгов. Жить сообразно своим возможностям. Иначе придется слишком дорого расплачиваться.	-
Сердцу злого человека и во время отдыха нет покоя.	Обобщение и мифологизация экзистенциального опыта, Обобщения. Эмоциональное оценочное суждение	Надо стараться жить без злобы и зависти; человеческие пороки отнимают слишком много времени.	-

Анализ пословиц и поговорок показывает, что лексема «время» и ее словоформы достаточно широко представлены в русских паремиях. Эти прецедентные тексты охватывают практически все аспекты человеческой жизни, обобщая и передавая от поколения к поколению экзистенциальный опыт и накопленную мудрость. В текстах паремий встречаются антонимические утверждения, касающиеся сходных по смыслу жизненных ситуаций. Их частотность значительно ниже, но и они могут определять поведение человека в конкретных обстоятельствах, либо его отношение к заданной ситуации, входящей в концептуализированную область.

В конкретном речевом контексте ценностное осмысление понятия «время», содержащееся в паремиях, реализуется как субъективно-модальная оценка на имеющее место событие или факт. Информация и ее оценка, которую несет паремия, «приобретая фатическую функцию, устанавливает «аксиологический» контакт между субъектами /.../ и преобразует сообщения в коммуникативные взаимообусловленные действия – утверждение, подтверждение, уточнение, напоминание, ответ, аргумент, объяснение, опровержение, согласие, оспаривание, отрицание и т. п., – социально-психологический контекст, согласуя сферы говорящего и адресата...» (Рябцева: 2003, с. 671-675). Так, ценностные отношения к фактам становятся основой отношений между субъектами речевого акта, вызывая участие, сочувствие, заинтересованность, либо осуждение, неприятие, антипатию.

Большой корпус пословиц и поговорок отражает осмысление времени как самой большой ценности, отсюда вытекают стереотипные утверждения и сентенции, прагматические установки и нормы поведения, смысл которых сводится к тому, что время

надо беречь, нельзя быть праздным, нельзя терять время. Достаточно частотны паремииологические тексты, в которых прослеживается связь с Евангельскими изречениями. В когнитивную базу понятия «время» входит целый ряд утилитарных сентенций, предписывающих человеку в качестве нормы поведения смирение перед несправедливостью жизни, принятие бремени, которое несет с собой время. Частотность паремий с такой коннотацией позволяет зафиксировать тяготение русского языкового сознания к пессимизму и фатализму при концептуализации данного фрагмента картины мира. Вместе с тем встречаются паремии, апеллирующие к чувству юмора и содержащие ироничные коннотации, например: «Есть время работать, есть и веселиться»; «Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем».

Актуальны образы концептуализации понятия, основанные на антропоморфном коде культуры, в текстах паремий встречаются сентенции, в которых обобщение экзистенциального опыта перерастает в мифологизированный образ. С позиций лингвокультурологии, заслуживает внимания выявленное в процессе анализа преобладание линейной модели времени над циклической. В процессе выборки материала была встречена паремия, в которой можно проследить реализацию модели «разом данное время» (в терминологии Ю. С. Степанова; см.: модель культурной эпистемы «время», с. 59-60 данной работы): «Время за нами, время перед нами, а при нас его нет».

Приведенный анализ подтверждает утверждение, что «между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры» (Карасик: 2002, с. 167). Время в русской лингвокультуре концептуализируется как самая большая ценность, оно дороже денег и золота: «Время деньгу дает, а на деньги времени не купишь». Эта сентенция приобретает особенную значимость, если помнить о том, что пословицы и поговорки преимущественно – народная мудрость. Бедный, измученный тяжелым ежедневным трудом человек, в поте лица добывающий свой скудный хлеб, не деньги и золото, а время осмысливает как самую большую ценность.

Полученный материал может быть использован для дальнейшего исследования лингвокультурного концепта «время»: интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с концептуализированным понятием на уровне синхронии. При таком ракурсе можно проследить динамические процессы в языковом сознании: например, какие из паремий в исторической перспективе теряют актуальность, как меняются коннотации и оттенки смысла при концептуализации понятия «время» и т.д.

Анализ может быть продолжен и в направлении поиска универсального, общечеловеческого, и уникального, специфического для отдельно изучаемого языкового сознания. Об актуальности исследований в этом направлении свидетельствует тематика основополагающих работ по концептуальному и лингвокультурологическому анализу (Э. Бенвенист «Словарь индоевропейских социальных терминов» (1995), «Цивилизация. К истории слова», «Раб и чужой», «Свободный человек» (2010); А. Вежбицкая «Понимание культур через их ключевые слова: австралийская, японская, польская и русская» (1999); Ю. С. Степанов «Константы: словарь русской культуры» (1997); работы научной группы под руководством Н. Д. Арутюновой «Логический анализ языка» и др.).

Анализ, приведенный в данной главе диссертации, выстраивался на материале ключевой леммы концептуального множества «время» – семантической матрицы образа времени в русской языковой картине мира. Исследовательское поле по каждому из представленных аспектов анализа может быть расширено за счет привлечения всего корпуса единиц языка, содержащих темпоральное значение (*век, год, день, час, прошлое, настоящее, будущее, ночь, утро и т.п.*) и служащих упорядочиванию темпоральных событий в языковом сознании.

Описанию концептуализации понятия «время» как целостной ментальной единицы в русском языковом сознании посвящена следующая глава диссертационного исследования.

Глава третья

Концептуализация темпорального опыта в русском языковом сознании

III. 1. Моделирование фреймового поля и структуры концепта «время»

Понятие «время» – это многоаспектная категория, которая в исследовательских целях может быть представлена в виде модели многомерного концептуального образования. Данное когнитивное множество, как было представлено выше, имеет онтологические, аксиологические, образные и установочные аспекты, которые формировались вместе с культурой данного языкового сообщества. Лингвистические параметры концептуализации понятия задаются семантикой языковых единиц, высвечивающих в объекте различные ракурсы когнитивно освоенного понятия. Стратификация поверхностной и глубинной семантики единиц, объединенных прототипической связью с ядерным компонентом конструируемого концепта, дает основание для моделирования его узувального фреймового поля с последующим анализом эволюции концептуализации понятия «время» в языковом сознании.

При моделировании структуры концепта и его фреймового поля мы исходили из мнения авторитетных исследователей лингвокультурных концептов В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина относительно основных характеристик этих абстракций, описанных учеными в статье «Базовые характеристики лингвокультурных концептов» (2005). Помимо комплексности бытования – в сознании, языке и культуре, авторами отмечаются:

- ментальная природа – хранятся в сознании, где осуществляется взаимодействие языка и культуры;
- акцентуализация ценностного элемента – «если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, скучно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт»;
- условность и размытость – «концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы... Четких границ концепт не имеет»;
- изменчивость – в ходе жизни языкового коллектива может меняться его оценочный знак, ценностная характеристика, вплоть до полного переосмысления, и образная составляющая;

- ограниченность сознанием носителя – существует в индивидуальном или коллективном сознании, «коллективный опыт есть условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Эта производная образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений»;
- трехкомпонентность – ценностный, образный и понятийный (фактуальный) компоненты. «Фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме (это то, как мы можем обозначить концепт, раскрыть его место в системе концептов). Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации;
- полиапеллируемость – одна и та же единица может быть входом в разные концепты, что зависит от коммуникативного контекста;
- многомерность – концепт имеет многомерную структуру; фрейм, сценарий, скрипт и т.д. «могут использоваться исследователями для моделирования концепта»;
- методологическая открытость и поликлассифицируемость– «приветствуется использование как лингвистических, так и нелингвистических методов. Противопоставление языка и речи в рамках лингвокультурологии не является релевантным. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям» (Карасик, Слышкин : 2005, с. 14-17).

Моделирование концепта «время» в работе основывается на реконструкции его фреймового поля. Фреймовое поле – это условная структурная единица знания о времени, которая описывает схему действий, направление мыслительной активности (связи ментальных изоглосс) при построении соответствующих образов сознания. Согласно данным психологии, образы времени для человека конструируются: а) как относящиеся к внешним предметам и объективным процессам; б) как относящиеся к субъективным (внутренним) процессам (см. об этом: Современная психология: 2001).

Образная сторона, отражающая восприятие объективных темпоральных процессов, тяготеет к сознательному, осмысленному. Здесь хранятся образы конструктов времени, поддающиеся расчленению на ритмы и фазы (секунды, эпохи, стадии, сутки и т.д.), конструкты локализации предметов на линии времени (сейчас, давно, вчера, завтра, до н. э. и т.д.), конструкты, связанные с его направлением на шкале времени («стрела времени», позиция «Я-говорящего» по отношению к прошлому и будущему: впереди – позади).

А образы субъективных ощущений, даже будучи построенными на общепринятых единицах членения времени, наполняются конкретным предметным содержанием. В этой связи внимания заслуживает тот факт, что лексический фонд русского языка располагает арсеналом «готовых» узуальных образных коллокаций для экспликации субъективных ощущений восприятия времени: *время тянется, ползет, летит* и т.д. Фреймы

субъективного восприятия времени отражают «прочувствование» протекающих событий, взаимопроникновение индивидуальных состояний и объективно протекающего потока времени (например, настоящее может казаться уже однажды пережитым: «*déjà vu*», когда человек ощущает, что он уже был в подобной ситуации, и связывает свое состояние не с конкретным прошлым, но с прошлым вообще. Примечательно, что по данным психологов, подобное состояние хотя бы один раз в жизни испытывало около 97 процентов опрошенных).

Поэтому в предлагаемой модели фреймовое поле условно поделено на две полусферы.

Схема № 3.

Все образы восприятия времени связаны с тревожным символом сознания – время как срок индивидуальной жизни, неумолимость его движения и конечность: «*Время за нами, время перед нами, а при нас его нет; Придет время, будет и нам черед; Поминай отца, как время придет*» (Словарь Даля). Подобная интерпретация времени может считаться универсальной в размышлениях человечества о безвозвратно уходящем, об

«отмеренности» срока, о материи, из которой состоит жизнь. Так, еще в Древнем Риме во время триумфального шествия полководцев произносилась ставшая крылатой фраза: «Memento mori!» (помни о смерти!).

Таким образом, фреймовое поле объединяет рациональное и интуитивно уловленное в образе-символе «время», которое актуализируется в конкретной ситуации речевого общения.

Понятийная и аксиологическая стороны явления, так же, как и реализация образов сознания, находят отражение в фактах языка. Данные языка выражают представление о времени и его свойствах с «разной степенью обобщенности, рациональности, теоретической строгости, объяснительности, креативности, культурно-исторической и индивидуально-творческой содержательности» (Старовойтенко: 2001, с. 408). Основанием для объединения элементов языковой системы в названную структуру является возможность логического выделения структурообразующего элемента – базового чувственного образа/семантического параметра, являющегося ее связующим инвариантом.

На уровне лексики феномен «время» выражается в семантике лексических и фразеологических единиц в виде пучков-признаков процессуальности, по-разному отражающих понимание, восприятие и оценку явления. Его ценностная характеристика, отраженная языковым сознанием, наиболее ярко представлена в пословицах и поговорках русского народа.

Поскольку представления о времени в сознании эволюционировали и формировались вместе с культурными стереотипами его понимания, в качестве базового чувственного образа концепта определяется тот же инвариант, который в нашей гипотезе структурирует модель универсальной культурной эпистемы «время»: ***«процессуальный модус бытия»***.

Вместе с тем, для лингвистического исследования принципиально важно выделить именно семантический параметр, который может выполнять функцию системообразующего элемента. Этот параметр был выведен нами на основании сопоставления дефиниций лексемы «время» (слова-номинатора концепта) в толковых словарях русского языка и их последующего компонентного анализа.

Для анализа по смысловому интегральному признаку выбрано значение, которое в МАС-е приводится с пометой «||», оттенок значения ЛСВ1: «время -мени, мн. *времена́*, -мён, -менáм, ср. 1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п. || **Мера длительности**

всего происходящего, существующего²⁵. || Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т. п.».

В предложенной модели компонентного анализа мы основываемся на дефиниционном анализе как одном из инструментов выявления сем, который, используя определение Д. И. Арбатского, является «моделью лексического значения», созданной автором этой дефиниции (Арбатский: 1977, с.6). Особенностью предлагаемого анализа является то, что, исходя из логики исследования, он проводится только на уровне одного из ЛСВ лексемы. Но исследовательское поле расширяется за счет сопоставления данных нескольких авторитетных толковых словарей.

В БТС-2000 толкование ЛСВ1 лексемы «время» идентично приведенному в МАС-е, включая помету «смысловое варьирование»: «||Мера длительности всего происходящего, существующего²⁶».

Приведем ЛСВ1 к лексеме «время» из Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: «**1. только ед. Длительность бытия**²⁷ (филос.). *Пространство и в. — основные формы бытия.* || Эта форма бытия, измеряемая секундами, минутами, днями, годами, как мера длительности всего совершающегося. || **Последовательная смена**²⁸ часов, дней, лет, столетий и т. п.; определенный отрезок этой последовательности, в течение к-рого что-н. совершается или что-н. может быть совершено».

Словарь Ефремовой: «Одна из основных – наряду с пространством – форм существования материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены²⁹ состояний всех материальных систем и процессов в мире (в философии)».

В Толковом словаре Вл. Даля значение «время» объясняется как: «длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования³⁰; продолжение случаев, событий...».

Совпадающие компоненты дефиниций:

- мера длительности всего происходящего, существующего (МАС);
- мера длительности всего происходящего, существующего (БТС-2000);
- длительность бытия, последовательная смена (Словарь под ред. Ушакова);
- длительность бытия, последовательность смены (Словарь Ефремовой);
- длительность бытия, последовательность существования (Словарь Даля).

²⁵ выделено нами – Э.З.

²⁶ выделено нами – Э.З.

²⁷ выделено нами – Э.З.

²⁸ выделено нами – Э.З.

²⁹ выделено нами – Э.З.

³⁰ выделено нами – Э.З.

Для установления инвариантной семы в структуре ЛСВ1 слова «время» выявляем следующие компоненты:

Слово	Родовая сема	Дифференциальная сема	Инвариантная сема
Время (ЛСВ1)	мера длительности всего происходящего, существующего	последовательная смена, последовательность	длительность бытия

Семы даны в развернутом виде. Представим их свертку:

Родовая сема	Дифференциальная сема	Инвариантная сема
мера	последовательность	длительность

мера + последовательность + длительность

Установление семантического параметра отраженных в языковом сознании когнитивных процессов, связанных с понятием «время»:

мера + последовательность + длительность (чего?) всего происходящего, существующего = *мера длительности всего происходящего, существующего (бытия)*. Вновь обратимся к афористическому утверждению М. Хайдеггера: «Само бытие есть время».

Проверка результатов анализа: длительность бытия – это продолжительность существования, продолжительность происходящего, которая отмеряется циклами, ритмически повторяющимися отрезками: секунды, мгновения, часы и дни, недели и месяцы, годы и века, эпохи... Это – время самой жизни, где жизнь понимается как: «1. Особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития. 2. Физиологическое **состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти**³¹. || *Физиол.* Отправление организмом функций, связанных с его возникновением, развитием и разрушением. 3. Полнота проявления физических и духовных сил. 4. **Период существования кого-л.**³² || *какая* или *где*. **Период в существовании кого-л.**³³, ограниченный рамками пребывания где-л. 5. Образ существования кого-л. | *обычно с определением*. Установившийся **порядок в повседневном существовании кого-, чего-л.; быт.**³⁴ 6. *кого-чего* или *какая*. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах. 7. Окружающая нас реальная

³¹ выделено нами – Э.З.

³² выделено нами – Э.З.

³³ выделено нами – Э.З.

³⁴ выделено нами – Э.З.

действительность; **бытие**³⁵. 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ.» (МАС). Вывод подтверждается и сказанным Е. С. Яковлевой, которая исследуя слово «час» в русском языке, пишет о том, что время в значении «вместилище событий» в русской языковой картине мира может быть понято как синоним, «другое название жизни» (Яковлева: 1996, с. 42-47).

В гипотезе лингвокогнитивное множество «время» объединяет языковые единицы на основании эксплицитно или имплицитно выраженного базового чувственного образа *«процессуальный модус бытия» (образы сознания)* и семантического параметра *«мера длительности всего происходящего, существующего» (аспект вербализации комплекса значений и осмысления оценки явления; языковая сторона основы смысловых интерпретаций и развития ассоциативных связей)*.

В центре концептуального (фреймового) поля находится базовый чувственный образ/семантический параметр *«процессуальный модус бытия»/«мера длительности всего происходящего, существующего»*, установленный в работе в качестве прототипа для моделируемого концептуального поля. Этот признак реален для всех носителей русского языка: «В языке ассимилируются только те знания, которые соответствуют существующей в нём понятийной сетке» (Пименова: 2005, с.20). По мнению А. Вежицкой, именно прототип отражает чисто человеческое представление о сути данной категории, репрезентирующее это представление наглядным образцом, «сообразованное не столько со свойствами реальных объектов, сколько с образом категории...», для характеристики которой следует обращаться к языковому сознанию (цит. по: Кубрякова: 2004, с. 126-127).

Как указывает Е. С. Кубрякова, при работе с материалом, открывающим доступ к человеческому сознанию, необходимо учитывать, что «языковое сознание говорящих формируется тысячелетиями, представляя собой напластования разных эпох, культур, мировидений», поэтому применительно к нему требование соблюдения строгих законов логики «по меньшей мере неуместно»: язык демонстрирует «процесс мышления в его естественном протекании» (2004, с. 127).

Данное множество – это понятийная и образная система, которая в исследовательских целях представлена в виде схемы-конструкта концепта «время». Модель конструируется как когниция времени, отраженная в русском языковом сознании, как фрагмент картины мира, преломленный в языке.

³⁵ выделено нами – Э.З.

Параметры концептуального поля задаются его фреймовым полем, поскольку концептуализация понятия связана как с образной, так и с понятийной и смысловой стороной явления. Фреймовое поле, как было указано выше, представляет собой синтез двух его условных полусфер: «фреймы восприятия объективного времени» и «фреймы восприятия субъективного времени».

От ядра, в центре которого находится инвариантный признак, прототипический элемент, отходят 10 сегментов – условных классификаторов, каждый из которых высвечивает в феномене «время» различные ракурсы его осмысления в данной культуре:

- 1) мера длительности времени;
- 2) временной порядок в последовательной смене событий и природных циклов;
- 3) время относительно какого-л. факта, события;
- 4) повторяемость событий и фактов;
- 5) временная точка события;
- 6) календарное время;
- 7) отрезок времени и его оценка;
- 8) эпоха, период в истории;
- 9) жизнь и ее периоды как процесс во времени;
- 10) временная отнесенность глагола, процесс и результат.

Классификаторы, которые объединяют отобранную лексику по сегментам поля, установлены на основании анализа компонентов значения дефиниций слова-номинатора концепта «время» во всех указанных толковых словарях. Полученные данные были сопоставлены с количеством и содержанием тематико-смысловых групп понятия «время», представленными в комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина (1984).

Классификаторы когнитивных процессов, предложенные в модели, носят условный характер; границы между ними не могут быть четкими: сознание синкретично, его членение возможно лишь в исследовательских целях.

Как и большинство классификаций абстрактных объектов, предложенная классификация не может быть свободной от субъективного взгляда, который формировался не только в процессе анализа материалов корпуса толковых словарей, но и в ходе анализа субъективных дефиниций – реакций информантов на стимул «время» и интроспекции.

Путем сплошной выборки из вышеназванных академических словарей и Фразеологического словаря русского языка под ред. А. И. Молоткова (1967) отобраны языковые единицы (всего 824), содержащие установленный прототипический, системообразующий, элемент. Оговорим, что в это число не входят глагольные лексемы, гипотетически структурирующие классификатор «временная отнесенность глагола, процесс и результат», что связано с рядом причин. Приведем две основные. Первая связана с семантикой глагольного слова, признаком действия и процесса, который лежит в

основе глагольной категории. Познание человеком перемен и изменений неотделимо от восприятия «временной локализации» (термин Т. В. Булыгиной). Действия и процессуальные признаки, передаваемые глагольным словом, имеют начало, развитие и конец; они могут простираются в будущее, их можно описывать как протекающие, длящиеся, и происшедшие, следовательно, они могут интерпретироваться относительно временных точек «прошлое», «настоящее» и «будущее». Когнитивная природа процессуального признака относительно интервалов времени, количество языковых единиц, выражающих степень абстракции меняющегося «соотношения или положения объектов во времени и пространстве и образ подобного динамического конструкта» (Кубрякова: 2004, с. 261) внутри глагольной категории,— предмет отдельного специального исследования. Вторая – в русском языке существует большое количество лексических средств, грамматически не относящихся к глагольной категории, но служащих для выражения темпоральных значений. «Время как семантическая категория присуще не только глаголу, но также и имени, или, точнее, именной группе./.../ Грамматические глагольные и неграмматические именные показатели времени устроены с точки зрения семантики по существу одинаково: они ориентируют семантический предикат (событие, действие или обладание свойством) относительно некоей точки на оси времени, так называемой точки отсчета. Например, прошедшее время глагола и слово *бывший...*» (Кронгауз: 2003, с.276). Настоящая работа ориентирована на выявление и анализ именно данного ракурса концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании. Глаголы, приведенные в списках девяти классификаторов, служат иллюстрацией функциональных и семантических различий, но не характеристикой семантической плотности отдельного классификатора.

Концепт «время» моделируется как сложный, поэтому в его структуре выделяются базовый когнитивный слой и последующие условные уровни, отражающие степень развития абстракции при моделировании фрейма «время». Как уже было заявлено, при моделировании структуры концепта «время» мы исходим из того, что когнитивная интерпретация семантики языковых единиц не представляется возможной вне учета факторов, мотивированных культурой. Понятие «время» концептуализировалось на всем протяжении развития человеческого познания. Различные аспекты его осмысления связаны с развитием абстракции при построении ментальных моделей времени: от первичных, архетипических моделей и моделей, сформированных религиозными установками, до все более сложных конструктов, отражающих философское и научное знание.

Проведенный в исследовании анализ базируется на синтезе семантико-когнитивного и лингвокультурологического методов. Такой подход позволил проследить не только схему связи понятий и смыслов, вовлеченных в процесс концептуализации понятия «время», но и эволюцию его концептуальных моделей в сознании, которые находят отражение в фактах языка. При определении уровней когниции лингвокультурологического концепта «время» мы ориентировались на уже выстроенную в I Главе диссертации схему-модель культурной эпистемы «время», представленную на схеме № 2 (с. 60 данной работы), отражают степень развития абстракции в процессе эволюции мышления. В иерархической структуре лингвокогнитивного концепта «время» (схема № 5) выделяется дополнительный, V уровень. Это, так называемое, индивидуальное, конструируемое сознанием отдельного индивида время, которое прочувствовано как экзистенция, время личного бытия, как осознание и оценка свойств времени сквозь призму личного. Языковые средства, эксплицирующие «индивидуальное» время, тяготеют к высшей степени абстрактности, образности, метафоричности, в силу чего не могут быть отнесены к узальному когнитивному фонду.

Схема № 5.

В диссертации этот уровень проанализирован на материале идиостилия выдающегося русского поэта современности, лауреата Нобелевской премии, Иосифа Бродского. Обращение именно к этому автору объясняется тем, что поэзия Бродского

носит метафизический характер, она тяготеет к философским образам, которые автор выстраивает, перекраивая привычное, перекидывая мосты через эпохи и географические координаты. При этом, как явствует из материалов анализа, время, наряду с пространством, является одним из краеугольных камней мироздания Иосифа Бродского. И последнее: выделенная в концептуальной структуре понятия «время» модель «конструируемое время» относится к формируемым конструктам сознания. Поэтому его верификация в узусе крайне затруднена. Художественный текст – это высший ярус языка и в то же время – форма существования культуры (Л. Н. Мурзин). Трагедийность восприятия мира, пронизывающая язык Бродского, включая метафизику его восприятия времени, созвучна постмодернистским принципам постижения бытия.

III. 2. Семантическая плотность когнитивных классификаторов узуального концептуального поля «время»

Когнитивное и лингвокультурологическое обобщение лингвистического описания фактов русского языка в работе осуществляется на материале данных лексикографических источников. Концептуальное поле «время», лексической дистрибуции которого посвящен данный параграф, понимается в работе как когнитивная модель, формирующая матрицу «время» в русском языковом сознании. Когнитивный классификатор, как уже отмечалось, это – условный формант, служащий целям таксономии конструируемой системы, который носит относительно регулярный и регламентирующий характер. Каждая из приведенных в списке единиц эксплицитно или имплицитно (в этом случае применяется метод компонентного анализа и лингвокогнитивной интерпретации) связана с прототипическим элементом концептуального поля.

В процессе работы над лексическим материалом выявилось, что ряд языковых единиц может одновременно относиться к двум и более когнитивным классификаторам (верифицируется данными компонентного анализа, контекстуальным анализом прецедентных текстов, результатами интроспекции и интервьюирования информантов – носителей русского языка). Поэтому общее количество языковых единиц не может быть равно сумме единиц каждого отдельного классификатора.

Единицы, тематически объединенные в классификаторы, приведены общим списком с последующим частеречным и квантитативным анализом (интралингвистический ракурс); лингвокультурологический аспект – анализ концептуализации понятия «время» относительно моделей, представленных в культурной эпистеме «время»; лингвокогнитивный аспект – анализ когнитивных уровней, отражающих эволюцию абстракции при освоении понятия «время».

1) мера длительности времени: время (ЛСВ1, ЛСВ5), временно, временный, времечко (*разг., ласк.* к время (в ЛСВ1), год (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ4), годик (*ласк.* к год (в 1 знач.), годичный (ЛСВ1), день (ЛСВ2), денек (*разг. ласк.* к день (в 1 и 2 знач.), дневной (*прил.* к день (в 1 знач.) ЛСВ1, ЛСВ2), дневка (ЛСВ1, ЛСВ2), денной (*устар.* То же, что дневной (в 1 знач.), день-деньской (*разг.*), месяц (ЛСВ1), неделя, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, дневать, ночевать, час (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), часами, часик (*ласк.* к час (в 1 знач.), часовой¹ (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2), часовой² (*Прил.* к часы), часок (*ласк.* к час (в 1 знач.), частить (*разг.* ЛСВ1, *прост.* ЛСВ2), минута (ЛСВ1, ЛСВ2, в знач. нареч. минутами ЛСВ3), минутка (*ласк.* к минута (в 1 и 2 знач.), минутный (ЛСВ1, ЛСВ2), минуточка (*ласк.*), секунда (ЛСВ1), секундный (ЛСВ1, ЛСВ2), секундочка (*ласк.* к секунда (в 1 знач.), век (ЛСВ1, ЛСВ2), вековечный, вековой, столетие (ЛСВ1), квартал (ЛСВ1), кварталный (ЛСВ1), сезон (ЛСВ1, ЛСВ2), сезонник, сезонница, зимний, зимовать (ЛСВ1), весенний, летний, осенний, утренний (*Прил.* к утро (в 1 знач.), утренник (ЛСВ1), утрешний, вечерний (*Прил.* к вечер (в 1 знач.), вечно (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2), вечнозеленый, вечность (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2), вечный (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), ночной (ЛСВ1), тянуть (ЛСВ18), тысячелетие (ЛСВ1), сутки, фаза (ЛСВ4), дневной (*Прил.* к день (в 1 знач. ЛСВ1), через (ЛСВ6, ЛСВ7), академический (ЛСВ2), единовременный. единовременно, кратковременный, кратковременно, вневременный, повременный, хронический (ЛСВ2), постоянно (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), постоянство (*нареч.* к ЛСВ1, ЛСВ3), постоянный, период (*спец.* ЛСВ4, *спец.* ЛСВ5), периодика, периодичность, периодический/периодичный (ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4), пока (ЛСВ1 || На некоторое время, временно), скоро (ЛСВ1, ЛСВ2), постоянный (ЛСВ1, ЛСВ2), иногда, порой и порою (ЛСВ1), временами, скорый (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4), недолговременный, кратковременный, кратковременно, летосчисление, длительный, длиться (ЛСВ1, ЛСВ2), скоропалительный (ЛСВ1, ЛСВ2), скоропалительно, скоропечатание, скоропечатный, скорописный, скоропись (ЛСВ1, ЛСВ2), скороплодный, скороподъемность, скоропортящийся, скорорастущий, скороспелка (ЛСВ1, ЛСВ2), скороспелый (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2), скоростемер, скоростной (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), скорость (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2,

ЛСВ3, ЛСВ5), скоросшиватель, скоротечный (*книжн.* ЛСВ1, ЛСВ2), скороход (ЛСВ1), скоропостижный, скоропостижно, скоротчение, скорый (ЛСВ1, ЛСВ2, *разг.* ЛСВ3, ЛСВ4), стремглав, стремительный (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), стремительно, стремиться (ЛСВ1), медленнорастущий, медленный (ЛСВ1, ЛСВ2), медленно, медлительный (ЛСВ1, ЛСВ2), медлить, давний (ЛСВ2), давно (ЛСВ1, ЛСВ2), давнопрошедший, давность (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), давным-давно (*разг.*), далекий (ЛСВ2), долгий (ЛСВ1, *устар.* ЛСВ2, *лингв.* ЛСВ3), долго, долговечный, долговременный, долгожданный долгожитель, долгожительство, долгоиграющий, долголетие, долголетний, долгосрочный, долгострой (*разг.*), долготерпение, бежать (ЛСВ1), беглый (ЛСВ2), бегло, бегучий (*трад.-поэт.*), безвременный, быстро, быстрый (ЛСВ1, ЛСВ2), быстрота, по-быстрому (*разг.*), быстродействующий (ЛСВ1, ЛСВ2), быстрокрылый, быстролетный, быстрорастворимый, быстроходный, быстроногий, быстропортящийся, быстротечный, быстротекущий (ЛСВ1, ЛСВ2), быстротечно, подвижка (ЛСВ2), подвижный (ЛСВ3), походя (*разг.* ЛСВ1), продолжительность (ЛСВ2), продолжительный (ЛСВ1), продолжительно, пролонгированный, пролонгация (*книжн.*), пролонгирование, пролонгировать (*спец.*), мимолетом (*разг.* ЛСВ2), мимолетный (ЛСВ1, ЛСВ2), бесконечный (*книжн.*), бесконечность, бесконечно, до бесконечности (*в зн. нареч.*), нескончаемый, нескончаемо, нескорый, мгновенный, мгновенно, эпизодический (ЛСВ1), эпизодически, эра (ЛСВ1), одновременный, одновременно (ЛСВ1), одногодичный, однодневка (*разг.* ЛСВ2), однодневный (ЛСВ1), однолетний (*ботан.* ЛСВ1), одночасье/в одночасье (*разг.-сниж.*), тараторить (*разг.*), цикл, циклический (ЛСВ1), неделя, жизнь, миг, мигом (*разг.*), до, после (*нареч.* ЛСВ1 и предлог ЛСВ2), за (I-ЛСВ5, ЛСВ6, II-ЛСВ4, ЛСВ5, ЛСВ6), около (*предлог* ЛСВ3); веки вечные; в кои-то веки; во веки веков/на веки веков; на веки вечные; время не ждет; во весь опор; между делом; дневать и ночевать; дни долгие; дни сочтены; не по дням, а по часам; во весь дух/что есть духу; калиф на час; капля за каплей/капля по капле; без конца; многая (многие) лета; как (будто, словно, точно) с цепи сорвался/ как с цепи сорваться; в два счета; пуд (куль) соли съесть; с лету (ловить на лету); в мгновенье ока; в одно мгновенье; как одна минута; тянуть время; битый час; час в час; через час по чайной ложке; сломя голову; секунда в секунду; на секунду; сию секунду; сию минуту; мановенье ока.

Всего – 250 единиц. Из них: имен существительных – 83, имен прилагательных – 82, наречий – 38, глаголов – 10, предлогов – 5, фразеологизмов – 32.

Лексико-семантическая информация, содержащаяся в единицах классификатора, освещает результат познавательного опыта человека, связанного с концептуализацией смысла «мера длительности времени» и чувственного образа «процессуальный модус

бытия». Семантическая плотность данного классификатора свидетельствует о его большой активности в узусе. Количество приведенных единиц может быть расширено за счет привлечения к данному ряду сложных прилагательных, образованных по модели: числительное в род.п. + простое прилагательное, образованное от существительного-номинатора единицы времени, например: двухнедельный, пятиминутный, трехмесячный и т.п.

Почти все языковые единицы, представленные в данном классификаторе, находятся на базовом когнитивном уровне: их декодирование в ментальном лексиконе не требует от языковой личности сложных лингвоментальных процедур.

Лексические единицы из данного классификатора демонстрируют стилистическую дифференциацию языкового выражения данного ракурса концептуализированного понятия «время», о чем свидетельствуют словарные пометы «разг.», «книжн.», «ласк.», «простор.», «устар.», «спец.». Всего 35 помет, среди которых преобладают пометы «разг.» или «ласкат.». Особенностью русского языкового сознания является факт, который может быть квалифицирован как стремление «одомашнить»³⁶ феномен «время» (реализуется посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов в лексемах *времечко, денек, часок/часик, ночка, минутка/минуточка* и др.). Показательным в данном отношении являются и узуальные коллокации: *доброе утро, добрый день, добрый вечер, в добрый час, доброй ночи*, где «добрый» (ЛСВ3 в Словаре под ред. Кузнецова): «Приносящий удачу, успех; благоприятный. *Пожелать доброго пути. Не предвещать (не сулить) ничего доброго. В д. час* (в благоприятное для кого-, чего-л. время, в подходящий, удобный момент). *Д. день, вечер; д-ое утро; с добрым утром!* (употр. как приветствие при встрече). *Доброй ночи!* (употр. как пожелание спокойного, хорошего сна). *Всего доброго!* (употр. как пожелание благополучия при прощании). //Содержащий, предвещающий что-л. приятное, радостное». Данный феномен, характерный для национальной ментальности, в процессе концептуализации понятия «время» подробно описан в II. 2. диссертационной работы. Концептуализация единиц данного классификатора допускает в русском языковом сознании и иные виды интерпретации в сочетании с прилагательным «добрый». Так, например: «Добрый час – см. час. По добру, по здорову (добру, здорову – дат. кратк. к **добрый**, здоровый) (разг.) – вовремя, прежде чем произошло что-нибудь неприятное. Убирайтесь по добру, по здорову» (ЛСВ6 в Словаре Ушакова). Существование ментальной связи подтверждается русскими пословицами, например: «В добрый час молвить, в худой помолчать».

³⁶ метафора И. Бродского.

Для реконструкции формирования ментальной изоглоссы обратимся к Словарю Вл. Даля: «час – муж. время, времена, година, пора|досуг, свобода от дел;| пора, срок, удобное к чему время. Лихой час настал. Я тем часом схожу в лавки. Много часу у Бога впереди, времени. Будет час, да не будет нас. В добрый час, в благовещенский, пожеланье. Часу нет, южн. досугу. Всему свой час, пора, срок. Не в час пришел.| Час, мера времени, 60 минут, по 24 часа на сутки /.../».

Изоглосса: добрый час ↔ удобный час/удобное время.

Подтверждается примерами из паремиологического фонда русского языка, например: «Не по часу беседа, некстати». Обращает на себя внимание и то, что в Словаре Даля *час* как мера времени, равная 60 минутам, в отличие от современных толковых словарей русского языка, не приводится в качестве первого толкования. При этом налицо синонимия с *время, времена, година, пора, досуг*. В этой связи приведем рассуждения Е. С. Яковлевой из уже цитированной в диссертационном исследовании работы «К описанию русской языковой картины мира»: «В русской языковой картине времени *час* занимает особое место. /.../ русский *час* в существенной степени наследует специфику «часа» Нового Завета («часа» Иисуса) и является манифестантом того типа «трудного» пути, который связан с искуплением (это как раз тот случай, когда слово хранит память о тексте как о прототипическом источнике). Отсюда такие характеристики *часа*, как «персоноцентричность», «духовность». В русском языке соответствующая семантика отразилась не только во фраземах типа *пробил час, последний час*, она определяет и общий механизм употребления этого слова. Мы говорим *час потери* (но не *утери, пропажи*), *час обретения* (но не *приобретения*), *час постижения* (но не *уяснения, уразумения*). X-ми при *часе* не могут быть названия событий, ситуаций, исключающих осмысление в перспективе «пути», «духовного роста». Ср. в связи с этим следующие противопоставления: *час смирения*, но не *упрямства*, *час прощения*, но не *осуждения*... Духовному времени чужды и разного рода утилитарные понятия, поэтому может быть *время*, а не *час здравого смысла, торжества практицизма, бережливости*...» (1996, с. 47). По мнению исследовательницы, в слове «час» можно усмотреть терминологическую значимость, которая проявляется в текстах Библии и отражает ее общую систему «языка времени», выраженную в двух ключевых словах – *день* и *час*. День служит описанию внешнего времени, а час – времени внутреннего, созерцательного. Таким образом, выстраиваются две проекции для описания жизни в «терминах времени», что, как полагаем, подтверждается и приведенным выше языковым материалом.

Пометы «спец.» маркируют единицы, перешедшие в русскую языковую картину мира из научной картины мира. Процесс их освоения узусом может считаться

незавершенным на том основании, что академические словари представляют данные лексемы с соответствующей пометой.

Детализируя меру длительности событий, протекающих во времени, русское языковое сознание эксплицирует через языковые единицы модели циклического и линейного времени. Для иллюстрации сказанного приведем ряд примеров: циклическое время – *вековечный, вековой, периодический, сезон, цикл, веки вечные, в кои-то веки, во веки веков/на веки веков, на веки вечные, дневать и ночевать, день-деньской, давным-давно* и др.; линейное время – *час, минута, секунда* (и их дериваты), *сутки, фаза, мгновенье, квартал, до, после, сию минуту, время не ждет, в одно мгновенье, в два счета* и др.

Каждая из языковых единиц, сгруппированных в классификаторе, может реализовываться как элемент полусферы «фреймы восприятия субъективного времени». Сказанное актуально и для лексем, служащих экспликации единиц измерения объективного времени. Так, например, в соответствующем когнитивном контексте, «час», может показаться «вечностью», «минутой», «мгновеньем» и наоборот. Единицы из полусферы «фреймы восприятия субъективного времени» концептуально маркированы, имеют тяготение к наращению коннотативных оттенков значений, могут служить основой для метафорических транспозиций. Эти единицы не могут реализовываться для передачи значений, принятых в данной лингвокультуре как объективно существующие отрезки времени: в минуте шестьдесят секунд, в сутках двадцать четыре часа, и наоборот быть не может.

Все 250 единиц, составляющие данный классификатор, с разной степенью выраженности содержат прототипический чувственный образ/семантический параметр «*процессуальный модус бытия*»/«*мера длительности всего происходящего, существующего*». Системность данного классификатора как множества подтверждается способностью его элементов вступать в синтагматические и парадигматические связи, например, развивать синонимические отношения: ***быстро***: *мгновенно, скоро, скоропалительно, скоропостижно, стремглав, стремительно, быстротечно, в два счета, по-быстрому, во весь дух, сломя голову, сию секунду, сию минуту*.

Таким образом, концептуализация понятия «время» включает в себя мыслительную область «мера длительности времени»; когнитивный фонд вербализуется представленными выше языковыми единицами, однако, как признано в исследованиях по проблеме концептуализации знаний и их языковой экспликации, данное множество является открытой структурой, границы которой могут расширяться за счет привлечения единиц с непрямой связью с референтом. В этом случае единицы будут находиться на

более высоких условных когнитивных уровнях, выделяемых в структуре моделируемого концепта.

Общее концептуальное значение отобранных языковых единиц: «мера длительности времени».

2) временной порядок в последовательной смене событий и природных циклов: время (ЛСВ2, ЛСВ5), временной (*определяемый временем в 5 и 6 знач.*), времечко (*разг. ласк. к время ЛСВ2*), календарь (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), календарный (ЛСВ1, ЛСВ2), времяисчисление, времясчисление, год (ЛСВ1), годик (*ласк. к год (в 1 знач.)*), годовой (*устар. ЛСВ2*), месяцеслов (*устар. То же, что календарь (в 1 знач.)*), день (ЛСВ1), денница (ЛСВ1, ЛСВ2), днесь (*нареч. устар.*), дата, декада, неделя, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, месяц, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январский, февральский, мартовский, апрельский, майский, июньский, июльский, августовский, сентябрьский, октябрьский, ноябрьский, декабрьский, минуть (ЛСВ1, ЛСВ2), минутся, миновать (ЛСВ1, ЛСВ3), минование (ЛСВ1), миноваться (*Устар. То же, что миновать в 3 знач.*), сезон (ЛСВ1, ЛСВ2), сезонный, зима, зимний, зимой, зимою, зимушка (*Народно-поэт. ласк. к зима*), весна, весной, весною, весенний, лето, летний, осень, осенний, утро, утренний (*прил. к утро (в 1 знач.)*), утренник (ЛСВ1), утречко (*разг. ласк. к утро (в 1 знач.)*), вечер (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), вечереть (ЛСВ1), вечерок (*Ласк. к вечер*), ночь, ночка (*Ласк. к ночь*), ночевка (ЛСВ1, ЛСВ2), выходной (ЛСВ3), выходной (*в знач .сущ. Разг. ЛСВ4*), рано (ЛСВ1), ранний (ЛСВ1, ЛСВ2), поздний (ЛСВ1, ЛСВ2), поздно (ЛСВ1), завтрак, обед, полдень (ЛСВ1, ЛСВ2), полдник, ужин, полночь, полуночь (*устар.*) (ЛСВ1), ночной (ЛСВ1), межсезонье (*разг.*), рань (*разг.*), дневной (ЛСВ1, ЛСВ2), эра (ЛСВ1), развитие (ЛСВ2), конец (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), конечный (ЛСВ1, ЛСВ3), кончить (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4, ЛСВ5), кончиться (ЛСВ1, ЛСВ2, *разг. ЛСВ3*), закончить, закончиться, заканчивать, законченный (ЛСВ1, *прич. страд. прош. от закончить*), завершение, завершить (ЛСВ1, ЛСВ2), завершиться, завершаться (ЛСВ1, ЛСВ2), завершающий (ЛСВ1, ЛСВ2), итог (ЛСВ2), итоговый (ЛСВ1, ЛСВ2), итожить, итожиться, вырасти (ЛСВ4||*перен.*), возрастить (*устар. То же, что вырастить*), вневременной, повременный, младенческий (*перен. ЛСВ3*), детство, детский, молодость, молодой (ЛСВ3), младенчество, младенческий, юность, юношеский, взрослый, взростеть, зрелость, зрелый, созревание, старение, старость (ЛСВ1), стареть, старческий, ребенок, дети, юноша, девушка, старик, старуха, пожилой, хронология (ЛСВ1), начало (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ4, ЛСВ5), начальный (ЛСВ1, ЛСВ2), начатие (*устар.*), начаток (ЛСВ1, ЛСВ2), начать (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ4), начаться (ЛСВ1, ЛСВ2), пунктуальность, пунктуальный, уже

(нареч. ЛСВ1 и частица ЛСВ2), пока (нареч. ЛСВ1, частица ЛСВ4 и союз. ЛСВ3), едва (союз. ЛСВ4), за (ЛСВ4), скорый (ЛСВ4), сразу (нареч. ЛСВ1), через (предл. ЛСВ7), спустя, раз¹ (ЛСВ2, ЛСВ3), наконец (нареч. ЛСВ1), постепенно, постепенный (ЛСВ1), до¹(предлог ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), летом, осенью, днем, вечером, утро, бывший, будущий, тогдашний, нынешний, теперешний, прежний, предстоящий, прошедший; со временем; с годами; денно и ночью; бабье лето; вступать [входить] в жизнь/ вступить [войти] в жизнь; по гроб жизни [дней]; первым делом; завтрашний день; первым делом; до последнего издыхания; до конца дней; в конце концов; от корки до корки; медовый месяц; отправная точка/точка отправления; увидеть свет; адмиральский час; час от часу; мертвый/тихий час; свой час; смертный [последний] час; час пик; до/после Рождества Христова; до нашей эры.

Всего: 210 единиц, из них имен существительных – 87, имен прилагательных – 53, глаголов – 21, наречий – 15, причастий – 2, частиц – 2, союзов – 2, предлогов – 4, фразеологизмов – 24. (После распределения по частям речи количество единиц увеличилось на 5, так как *выходной* дается в значении сущ. и прил., единица *уже* в ЛСВ1 дана в знач. наречия, в ЛСВ2 – частица, а единица *пока* – в ЛСВ1 – наречие, в ЛСВ3 – союз, а в ЛСВ4 – частица).

Характерным для данного классификатора является то, что структурирующие его единицы с точки зрения частеречной отнесенности, значительно шире, чем в предыдущем. В данной коллокации доминируют имена существительные: 87 к 53 прилагательным. Для сравнения, в классификаторе «мера длительности времени» соотношение по этому принципу: 83 к 78.

Из общего числа 16 единиц представлены в словарях с пометами «разг.», «ласк.», «народно-поэт.», «перен.» «устар.» (пометы «спец.» и «книжн.» отсутствуют). Наличие пометы «перен.» у ряда лексем наглядно демонстрируют развитие уровня абстракции при концептуализации данного ракурса понятия «время». Этот факт подтверждается и семантикой фразеологизмов, представленных в классификаторе, например: *первым делом; до последнего издыхания; до конца дней* и др.

Показательным является количество помет «ласк.» при их дистрибуции в лексикографических источниках, например: *времечко* (разг. ласк. к время ЛСВ2), *годик* (ласк. к год (в 1 знач.)), *утречко* (разг. ласк. к утро (в 1 знач.)), *вечерок* (ласк. к вечер) и др. Выявленное подтверждает уже зафиксированную выше особенность русского языкового сознания при концептуализации понятия «время»: русское языковое сознание в чувственное восприятие феномена внешнего мира привносит качественный субъективный параметр, который является устойчивой оценочной характеристикой, имеющей

соответствующий знак в языке. Концептуализируя понятие «время», русское языковое сознание выделяет такие мотивированные производной основой временные отрезки, которые одновременно и номинируются, и оцениваются; на языковом уровне этот процесс прослеживается в единицах: *день* → *денек*, *утро* → *утречко*, *время* → *времечко*, *ночь* → *ночка* и др.

Каждая из единиц с указанной словарной пометой является элементом полусферы «фреймы восприятия субъективного времени». Единицы данного фрейма концептуально маркированы, при передаче значения объективно существующего временного порядка, они мотивируются интенцией говорящего и ситуацией речевого общения. При этом коннотации, развиваемые этими единицами, всегда тяготеют к субъективности. Например, называя объективно существующее утро *утречком*, а день *денечком*, говорящий привносит либо мелиоративную, либо пейоративную коннотацию в объективную данность («Ну, и денечек!»). Вместе с тем, единицы, структурирующие данный классификатор, могут формироваться и в условной полусфере «фреймы восприятия объективного времени», например: *календарь*, *год*, *декада*, *месяц*, *молодость* и др.

Прилагательные, свидетельствующие о временном смещении событий, например, *бывший*, *будущий*, *тогдашний*, *нынешний*, *теперешний*, *прежний*, *предстоящий*, *прошедший*, функционально разнятся. Так, в конкретном когнитивном контексте *нынешний*, *теперешний* устанавливают точку отсчета времени, тогда как *будущий*, *прошедший*, *бывший* служат для номинации уже установленной временной точки. Отметим и то, что прилагательные *нынешний*, *теперешний* в конкретном контексте могут разрастаться до коннотативных смыслов, сравним, например: *нынешний* руководитель (нейтральное) и *нынешний* муж (субъективно-модальная оценка, тяготеющая к пейоративности).

В целом, все перечисленные пометы свидетельствуют о широком спектре стилистических возможностей русского языка для экспликации различных ракурсов когнитивно освоенного понятия. Пометы «перен.» фиксируют факт узуальной метафоризации понятия, семантических транспозиций, мотивированных развитием абстрагирования при соположении реалий и фактов в процессе концептуализации различных ракурсов данного понятия «время».

Каждая из представленных в классификаторе языковых единиц при соответствующем лингвокогнитивном анализе демонстрирует связь с прототипическим (ядерным) элементом концептуального поля, его чувственным базовым образом/семантическим параметром «*процессуальный модус бытия*»/«*мера длительности всего происходящего, существующего*». Отобранные на этом основании языковые

единицы сгруппированы по когнитивному признаку «временной порядок в последовательной смене событий и природных циклов». Языковые единицы данного классификатора концептуализированы в сознании на основании двух базовых моделей времени: циклической и линейной. Они служат для экспликации некоторой временной точки на шкале (линии) времени: *час, минута, день* и др. Вместе с тем, из перечисленного ряда можно выделить единицы, концептуализированные языковым сознанием по циклической модели, например: *сезонный, денно и ночью, дни и ночи*.

Системообразующий параметр выстроенной тематической группы проявляется в способности ее элементов вступать в различные отношения внутри множества, например: день – ночь; утро – вечер, рано – поздно (антонимия). Границы классификатора открыты для вовлечения новых единиц, которые на более высоком уровне абстракции могут быть интерпретированы как члены данного множества. Наличие связи с прототипическим базовым компонентом является обязательным условием. Проиллюстрируем на примере слова «пенсия»: «-и; ж. [от лат. *pensio* – платёж]. Денежное обеспечение, получаемое гражданами из общественных фондов потребления в старости, в случае болезни и потери трудоспособности. *Персональная п. П. за выслугу лет. Быть на пенсии. Выйти на пенсию. // Деньги, получаемые по этому обеспечению. Получить пенсию за июль. Жить на пенсию.* □ *Пенсионный, -ая, -ое. П-ое обеспечение. П-ая книжка. П. возраст.*». Компонентный анализ позволяет вычленить сему «старость». Обратимся к ЛСВ1 данной лексемы: «Наступающий после зрелости возрастной период жизни, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма». В дефиниции эксплицитно выражен базовый чувственный образ концепта «*процессуальный модус бытия*». При дальнейшем компонентном анализе вычленяется семантический параметр «*мера длительности всего происходящего, существующего*», т. е. самой жизни.

Общее концептуальное значение отобранных языковых единиц: «временной порядок в последовательной смене событий и природных циклов».

3) время относительно какого-л. факта, события: рано (ЛСВ1), ранний (ЛСВ2), раньше (*нареч.* ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), рань (*разг.*), ране (*нареч.* ЛСВ1), поздний (ЛСВ2), позднее (*нареч.* ЛСВ1, ЛСВ2), поздно (ЛСВ1), позднейший, молодой (ЛСВ3), молодожены, сейчас (*нареч.* ЛСВ1, ЛСВ2), потом (ЛСВ1), после (*нареч.* ЛСВ1 и *предлог* ЛСВ2), через (ЛСВ6, ЛСВ7), завтрак, обед, полдник, ужин, полночь, полуночь (ЛСВ1), ночь, день (ЛСВ1, ЛСВ4), межсезонье, неделя, понедельник, вторник, среда², четверг, пятница, суббота, воскресенье, месяц, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, эра, эпоха, век, период, этап, днесь (*нареч. устар.*), дата, декада, каникулы, каникулярный, отпуск, юность (ЛСВ1), детство,

младенчество, отрочество, старость, зрелость, смерть, пенсия, пунктуальный, еще (*нареч.* ЛСВ2), пока (*союз* ЛСВ3, *частица* ЛСВ4), завтра (ЛСВ1, ЛСВ2), давно (ЛСВ1, ЛСВ2), скоро (ЛСВ1, ЛСВ2), канун, Рождество, сочельник, Пасха, пост, едва (*союз* ЛСВ4), вовремя, своевременно, своевременный, перед и передо (ЛСВ7), накануне (*нареч.* ЛСВ1 и *предл.* ЛСВ2), за (I ЛСВ5, ЛСВ6, II ЛСВ6), незадолго, только (*нареч.* ЛСВ4, *союз* ЛСВ5), недавно, наконец (*нареч.* ЛСВ1), раз³ (*нареч.*), затем (ЛСВ1), до¹(*предлог* ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), безвременный, безвременно, безвременность, безвременье (*устар.*), довременный (*устар.*), преждевременный, преждевременно (*нареч.*), преждевременность, современный (ЛСВ1, ЛСВ2), благовремие (*устар.*), неблагоприятный, долговременно, долговременный, единовременность, единовременно, единовременный, разновременный, разновременно, своевременность, несвоевременный, несвоевременно, несвоевременность, сверхсовременный, ультрасовременный, ультрасовременно, остросовременный, суперсовременный, осовременить, осовремениваться, осовременивание, современность, единовременно, единовременность, одновременно, одновременность, бывший, будущий, тогдашний, нынешний, теперешний, прежний, предстоящий, прошедший, спустя (*предлог*), прежде (*нареч.* ЛСВ1, *предлог* ЛСВ3); на днях; до свадьбы доживет; на злобу дня; как раз; на сон грядущий; мертвый [тихий] час; свой час; час пробил [настал]; с часу на час; с секунды на секунду; ни свет ни заря, во время оно/ во времена оны/ в оны дни; при царе Горохе; когда рак на горе свистнет; по гроб жизни [дней]; до последнего издыхания; до конца дней; смертный [последний] час; среди (среди) бела дня; сырная неделя; святая неделя; страстная неделя; серебряная/золотая свадьба; рабочая неделя [рабочий день]; при большевиках; при Петре Первом; пора свадеб; переходный возраст; к закату дней/ на закате дней; на ту пору/об ту пору; нынешнее время; на сносях; на склоне лет [дней, жизни]; на старости лет; Новый год; на днях; ко времени; время отъезда; день рождения; бабье лето; мертвый/тихий час; свой час; адмиральский час; медовый месяц; отправная точка/точка отправления; завтрашний день; вступать [входить] в жизнь/ вступить [войти] в жизнь; час пик.

Всего – 181 единица, из них имен существительных – 59, имен прилагательных – 27, глаголов – 3, наречий – 31, предлогов – 8, союзов – 3, частиц – 1, фразеологизмов – 49. Несмотря на то, что большинство лексических единиц данного классификатора представлены в прямых словарных значениях, в соответствующем контексте они могут развивать переносное значение, становясь элементами полусферы «фреймы субъективного восприятия времени». Например: объективные *рано, поздно, старость* могут быть субъективными оценками временных отрезков. Или: *пенсия* в переносном значении может быть ироническим маркером периода ничего неделания в жизни, который

не связан с прямым значением этого слова. Семантический параметр транспозиции: сходство по функции. Такой перенос не требует от языковой личности сложных лингвоментальных процедур абстрагирования, поэтому его декодирование на уровне узуса не затруднено.

Особенности концептуализации данного ракурса феномена «время» в русском языковом сознании можно проследить на материале иллюстративного материала из Словаря Вл. Даля. Так, в словарной статье «час» приведено: «Русский час долог. Который час ударит, тот и сосчитаем. Адмиральский час (Петр I), полдень, пора пить водку. Который час? – «Ячный (овсяный) квас». Котора минута? – «И ковшик тута». Котора четверть? – «Изволь хоть и черпать». Который час? – «Первый после давешнего». Русский час – все сейчас. Русский час долог. В русский час много воды утечет (сейчас). Русский час – со днем тридцать (а немецкому и конца нет)». В современной ментальности эти образы вытесняются универсальной моделью «время – деньги», которая становится синонимом нового ритма жизни.

В ряду языковых экспликаторов концептуального смысла, отражающих способность языкового коллектива к «изменчивости» ценностных и оценочных характеристик, вплоть до полного переосмысления (по В. И. Карасику и Г. Г. Слышкину: 2005), как представляется, может быть рассмотрено и прилагательное *пунктуальный*: «1. Очень точный, аккуратный. *П. юноша. П. докладчик. Вы, как всегда, пунктуальны!* 2. Осуществляемый с крайней аккуратностью, точностью. *П-ое следование регламенту. П-ое выполнение решения. П. приём лекарств.*» (БТС русского языка под ред. С. А. Кузнецова). Несмотря на то, что словарная статья не эксплицирует прямой связи с концептуальным смыслом классификатора, анализируемая лексема отнесена в представленную таксономическую группу на основании анализа, применяемого в данной работе к языковым единицам. Данный вывод может быть подтвержден и материалами из исследования концепта «пунктуальность», проведенного Я. В. Зубковой: «В процессе исследования мотивирующего контекста, посвященного концепту «пунктуальность», нами выявлены ассоциации, являющиеся обозначением данного концепта в русской лингвокультуре: *часы, опоздание, договориться, определенное время, приходит вовремя, по часам, позже, торопиться, не торопиться, точный, интервал, обязательный, расписание, распорядок, ценить время, рано, размеренно, копаться, педант, успевать, ежедневник, планировать, бережливый, порядок, аккуратность в делах, делать записи, ждать, неудобства, требование, отставать, опережать, новизна, актуальность*» (2005, с. 225). Перечисленные единицы и синтагмы могут структурировать концептуальное поле «время», находясь на условных первом и втором уровнях абстракции. Сказанное

подтверждает и высказанную выше мысль о том, что границы концепта условны и не имеют четких границ.

С позиций семантического наполнения, данный классификатор характеризуется большим количеством входящих в него фразеологизмов. Большинство из приведенных фразеологизмов отличаются активным употреблением в узусе. Как известно, отличительным свойством фразеологизмов является образность, метафоричность, эмоциональная окрашенность. Языковое сознание использует эти готовые конструкции не для номинации предметов, реалий и действий, а для их образно-эмоциональной характеристики. Следовательно, данный классификатор может быть оценен как тяготеющий к построению когнитивных моделей условной полусферы «фреймы восприятия субъективного времени».

С позиций реализации моделей времени в процессе концептуализации общего концептуального значения «время относительно какого-л. факта, события», в данном классификаторе преобладает линейная модель времени: факт и событие мыслятся на мысленной линии (шкале) времени. Циклическая модель времени прослеживается в следующих единицах: *межсезонье, безвременный, безвременно, безвременность, безвременье, пора свадеб* и др. Если рассматривать жизнь человека как смену жизненных циклов, то, к примеру, единицы *детство, младенчество, отрочество, юность, зрелость, старость, смерть* могут предполагать влияние циклической модели времени при концептуализации данных отрезков жизни. Аналогично могут быть рассмотрены и циклы времен года. Полагаем, в данных случаях уместно предположить действие синкретического механизма языкового сознания, а в процессе концептуализации понятий подобного рода задействованы обе модели времени. Примером действия синкретизма (совмещения двух моделей времени) в русском языковом сознании являются и распространенные в узусе фразы типа: *Встреча назначена на семнадцать часов, а за два часа до нее – совещание директоров*. Два момента времени в одном предложении – первый отображает линейную модель концептуализации, второй – циклическую.

4) повторяемость событий и фактов: период (*спец.* ЛСВ2), периодический (ЛСВ1, ЛСВ2), периодически (*нареч. к периодический (в 1 и 2 знач.),* всегдашний (*разг.*), иногда, порой, порою, временами, всегда, вечно, времяисчисление, систематически, систематический (ЛСВ1||Строго последовательный, планомерный; ЛСВ2), часто, частый (ЛСВ1||Состоящий из непрерывно одна за другой падающих капель или частиц (об атмосферных осадках, слезах); ЛСВ2, ЛСВ3), частенько (*нареч. разг.*), частить (*разг.* ЛСВ1, *прост.* ЛСВ2), редко (*нареч. к редкий (в 1 в 2 знач.),* последовательно, последовательный, редкий (ЛСВ2), стабильность, стабильный, перманентно, календарь

(ЛСВ1, ЛСВ2), календарный (ЛСВ1, ЛСВ2), поминутный, поминутно (ЛСВ1, ЛСВ2), годами (*нареч.* ЛСВ1), годик (*ласк. к год (в 1 знач.)*), годичный (ЛСВ1, ЛСВ2), годовой (*устар.* ЛСВ2), годовщина, месяцами (*нареч.* ЛСВ1), месяцеслов (*устар.* То же, что календарь (*в 1 знач.*)), неделями (*нареч.*), денно (*нареч.*), часами, часослов, минутами (фиксируется только в Словаре Ефремовой с пометой *нареч. разг.*; в МАСе - минута (*в знач. нареч. минутами*, ЛСВ3), вечность (*разг.* ЛСВ2), вечный (ЛСВ3), будни (ЛСВ1||*перен.* Повседневная, обыденная жизнь. *перен.* ЛСВ2), будничный и (*разг.*) буднишний (*прил. к будни (в 1 знач.)*. ЛСВ1), постоянный (*только полн. ф.* ЛСВ1||*Всегдашний*, обычный. ЛСВ2 *только полн. ф.*), постоянство (*Свойство по прил. постоянный (в 1 и 3 знач.)*), постоянно (*нареч. к постоянный.*), еще (*нареч.* ЛСВ1||*Снова, опять.*), навсегда, одновременно (ЛСВ1), одновременный, снова, опять (ЛСВ1), повторить (ЛСВ1), повтор, повторение (ЛСВ1), регулярный (ЛСВ1||*Повторяющийся через определенные промежутки.*), регулярно (*нареч. к регулярный (в 1 и 3 знач.)*), регулярность (*Свойство по прил. регулярный (в 1 знач.)*), цикл (ЛСВ2), цикличность (ЛСВ1), цикличный (ЛСВ1), циклический (ЛСВ1); веки вечные; в кои-то веки; во веки веков; на веки веков; на веки вечные; денно и ночью; дневать и ночевать; без конца; то и дело; то и знай; на ходу; от случая к случаю; время от времени; все время; из года в год; день и ночь/дни и ночи; что ни день; каждый Божий день; час от часу; как всегда/как обычно; круглый год; целый день.

Всего – 84 единицы, из них имен существительных – 16, имен прилагательных – 18, наречий – 26, глаголов – 2, фразеологизмов – 22. Квантитативный анализ демонстрирует, что в данном сегменте доминируют слова в своих прямых значениях.

Поскольку общее концептуальное значение данного классификатора «повторяемость событий и фактов», единицы, структурирующие данную тематическую группу, преимущественно выстроены по циклической модели времени. Языковые единицы данного классификатора объективируют как циклическую (*временами, иногда, веки вечные, денно и ночью, то и дело, то и знай* и др.), так и линейную модель времени (*период, поминутно, последовательно, последовательный, постепенно, час от часу* и др.).

Большинство элементов данного множества относятся к структурам из условной полусферы «фреймы восприятия объективного времени»: *период, периодический, последовательный, стабильный, перманентно, регулярный* и др. В определенном когнитивном контексте они могут трансформироваться и в онтогенезе речи передавать уже не акты прямого восприятия мира, но субъективного, меняя, таким образом, представление о том, что есть объект и как он может быть охарактеризован.

С позиций частеречной представленности, в указанном классификаторе преобладают наречия. Следовательно, при дискурсивной характеристике повторяемости событий и фактов русское языковое сознание достаточно часто апеллирует к такому классу слов, который обозначает «признак действия, качества или предмета без специального формального указания на отнесенность признака к действию, качеству или предмету» (Грамматика современного русского литературного языка: 1979, с.309). При когнитивном подходе такие свойства данного класса могут получить интерпретацию с позиций семантического потенциала входящих в него слов и их функции в речи. Слова данного класса при распределении и обработке информации в ментальном лексиконе не только дают названия чему-либо в «экстралингвистическом мире», но и отражают «потребности в номинации в целях общения» (Кубрякова: 2004, с. 229). Акт речи предполагает передачу и интерпретацию информации, следовательно, он может быть рассмотрен как когнитивный феномен, единицы которого «обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом» (там же, с. 235). Таким образом, русское языковое сознание при когнитивной обработке данного ракурса понятия «время» тяготеет к манифестации категории признаковости в реальных языковых фактах, высвечивая в концептуализированном феномене и событиях, проистекающих во времени различные структуры знания, имеющие в данном случае «привязку» к прототипическому компоненту концептуального поля.

5) временная точка события: время (ЛСВ3), времечко (*разг. ласк. к время* (в 1, 2, 3 и 4 знач.), утром, утречком (*нареч. разг. То же, что утром.*), днем, днесь (*нареч. устар.*), вечером, вечерком (*нареч. разг. То же, что вечером.*), вечер (ЛСВ1 *прост.*, ЛСВ2 *прост. и обл.*), ночью, фаза (ЛСВ1), миг, сейчас (ЛСВ1, ЛСВ2), конец (ЛСВ2, ЛСВ3), стадия, пунктуальность, пунктуальный (ЛСВ1, ЛСВ2), начаток (ЛСВ1. *устар.* То же, что начало (во 2 знач.), начало (ЛСВ2), конец, пока (ЛСВ 1 в знач. *нареч.* || В данный момент, сейчас. || До сего времени, до сих пор.), рождение (ЛСВ1) || Момент появления на свет.), сразу (ЛСВ1, ЛСВ2), раз¹(ЛСВ1), раз³, единовременный (ЛСВ1), единовременно, одновременный, одновременность, одновременно (ЛСВ1. *нареч. к одновременный.*), полночь и полуночь (*устар.*) (ЛСВ1), летом, осенью, зимой и зимою, весной и весною, сегодня (*нареч. ЛСВ1, в знач. сущ. сегодня ЛСВ2*), завтра (*нареч. ЛСВ1, в знач. сущ. завтра ЛСВ2*), послезавтра, вчера (*нареч. ЛСВ1, в знач. сущ. вчера ЛСВ2*), позавчера, канун (ЛСВ1), понедельник, вторник, среда², четверг, пятница, суббота, воскресенье, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь (ЛСВ1), ноябрь, декабрь, сочельник, Пасха, Рождество, канун, по зиме (*нареч. разг. Фиксируется только в*

Новом толковом словаре Ефремовой), по весне (*нареч. разг.* Фиксируется только в Новом толковом словаре Ефремовой), по осени (*нареч. разг.- сниж.* Фиксируется только в Новом толковом словаре Ефремовой), момент (ЛСВ1, ЛСВ2), мгновение, миг, однажды (ЛСВ1, ЛСВ2), как-то (*нареч.* ЛСВ1, ЛСВ3. Фиксируется в Новом толковом словаре Ефремовой и в Словаре Ушакова), когда-то (*нареч.* ЛСВ1, ЛСВ2. Фиксируется в Новом толковом словаре Ефремовой и в Словаре Ушакова), как-то раз (*нареч.* Фиксируется только в Новом толковом словаре Ефремовой), ныне (ЛСВ1, ЛСВ2 *устар.* и *прост.*), нынче (*нареч. разг.* ЛСВ1, ЛСВ2), нынешний (*разг.* ЛСВ1, *устар.* и *прост.* ЛСВ2), до завтра (*межд. разг.* Фиксируется в Новом толковом словаре Ефремовой); не нынче завтра; в одно прекрасное время; во время оно/ во времена оны/ в оны дни; (в) первое время/на первое время; до времени (*устар.*) или до поры до времени; ко времени; тем временем (одновременно с этим, в то же самое время); ни свет ни заря; при царе Горохе; когда рак на горе свистнет; по гроб жизни [дней]; до последнего издыхания; до конца дней; смертный [последний] час; среди (среди) бела дня; сырная неделя; святая неделя; страстная неделя; серебряная/золотая свадьба; рабочая неделя [рабочий день]; при большевиках; при Петре Первом; пора свадеб; переходный возраст; к закату дней/ на закате дней; на ту пору/об ту пору; нынешнее время; на сносях; на склоне лет [дней, жизни]; на старости лет; Новый год; на днях; время отъезда; день рождения; бабье лето; мертвый/тихий час; свой час; адмиральский час; медовый месяц; отправная точка/точка отправления; завтрашний день; злоба дня/на злобу дня; до последнего издыхания; калиф (халиф) на час; секунда в секунду (синоним: минута в минуту); с часу на час; с секунды на секунду; сию секунду (синоним: сию минуту); в (одно) мгновение; в мгновение ока; в один миг; завтрашний день; час в час; в кои веки; круглый год.

Всего – 136 единиц, из них имен существительных – 42, имен прилагательных – 3, наречий – 32, междометий – 1, фразеологизмов – 58. Квантитативный анализ демонстрирует, что в данном сегменте все слова даны в прямых значениях, в то время как фразеологизмы, широко представленные в классификаторе, передают образные и оценочные характеристики когнитивно освоенных ракурсов общего концептуального смысла данного классификатора: «временная точка события». Исходя из семантики классификатора, представляется естественным, что его лексические единицы эксплицируют модели концептуализации из условной полусферы «фреймы восприятия объективного времени». Сказанное не относится к единицам типа *утречком* и к фразеологизмам, поскольку фразеологизмы номинируют не объект, а ситуацию или событие, одновременно оценивая и характеризуя ее. Фразеологизм фиксирует акт прочувствованного восприятия непосредственной данности.

Поэтому в данном классификаторе можно говорить о соотношении реального типа взаимодействия объектов на шкале времени и субъективном представлении о них, оцениваемых в терминах бытия через вычлняемые сознанием точки нахождения на мысленной линии времени. Очевидно, этот факт объясняет и преобладание в единицах данного классификатора линейной модели времени над циклической, лежащих в основе их концептуализации сознанием: *фаза, стадия, понедельник, вторник, завтра, сегодня, май, декабрь, нынче, сейчас, час в час, секунда в секунду, отправная точка/точка отправления* и т.д. (линейная модель) и *во время оно/ во времена оны/ в оны дни, в кои веки, круглый год* (циклическая модель).

Каждая из представленных в общем списке классификатора языковых единиц связана с прототипическим элементом концептуального множества, его базовым чувственным образом «*процессуальный модус бытия*» и семантическим параметром «*мера длительности всего происходящего, существующего*». Все единицы находятся на условных первом и втором когнитивном уровне, что подтверждается релевантностью их прямых и образных значений сознанию языковой личности.

б) календарное время: календарь (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), календарный (ЛСВ1, ЛСВ2), академический (ЛСВ2), год (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), годовой (ЛСВ1, *устар.* ЛСВ2), месяц (ЛСВ1), месячный (ЛСВ1), неделя, неделями, недельный, день (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), квартал (ЛСВ1), кварталный (ЛСВ1), тысячелетие (ЛСВ1, ЛСВ2), столетие (ЛСВ1, ЛСВ2), лета (ЛСВ1), декада (ЛСВ1, ЛСВ2), эра (ЛСВ1), век (ЛСВ1), праздник (ЛСВ1), праздничный (ЛСВ1), праздничать (*прост.*), праздновать, праздноваться/празднуется, праздничность, будни (*ед. устар. и прост. б́удень, -д н я, м.*) (ЛСВ1), будний, будничность, буднично, будничный и (*разг.*) буднишно, выходной (*в сочетании с сущ. „день“* ЛСВ3), дата, понедельник, вторник, среда², четверг, пятница, суббота, воскресенье, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь (ЛСВ1), ноябрь, декабрь, конец (ЛСВ2), годами (*разг. Фиксируется в Словаре Ефремовой и в Словаре Ушакова*), месяцами (ЛСВ1, *прост.* ЛСВ2); Новый год; без году неделя (*шутл.*); год на́ год не приходится; год о́т году и год от года; семь пятниц на неделе; вчерашний день; считанные дни; черный день; третьего дня; дни (*чьи*) сочтены; в оны дни; день в день; изо дня в день; на днях; ясно как божий день; день рождения; будет и на нашей (моей, твоей и т. д.) улице праздник; войти в лета, медовый месяц.

Всего – 74 единицы, из них имен существительных – 36, имен прилагательных – 10, наречий – 3, глаголов – 4, фразеологизмов – 20. В данном классификаторе все слова даны в прямых значениях, естественно, за исключением фразеологизмов. Словарные пометы фиксируют стилистическую маркированность лексики: «прост.», «разг.», «устар.».

Циклическая модель времени, являющаяся основанием для концептуализации смысла «календарное время», проявляется в единицах: *лета, неделями, месяцами, годовой, годами, год от году и год от года, год на́ год не приходится, в оны дни, день в день, изо дня в день, войти в лета*. Линейная модель: *академический, квартал, кварталный, декада, дата, вчерашний день, третьего дня, день рождения*. Синкретическая модель, в которой прослеживается концептуализация данного ракурса понятия «время» на основании обеих моделей, прослеживается в следующих языковых единицах: *календарь, календарный, год, годовой, день, будни, неделя, месяц*. Синкретизм проявляется и в отнесенности единиц классификатора к полусферам «фреймы восприятия субъективного/объективного времени». Так, несмотря на то, что большинство сгруппированных единиц концептуализируется в зоне «фреймы восприятия объективного времени», ряд из них может проявляться как субъективно-модальное отношение к обозначаемому, принося в концептуализированный смысл оттенки социологизированных чувств-переживаний. Сказанное может быть оценено в качестве образно-ассоциативного соотношения мотивирующего смысла и обозначаемого. Например: *праздник, праздничный, праздничать, праздновать, праздноваться, праздничность, буднично, будничный*.

Календарная дата в узусе может конкретизироваться, например: День работницы; День печати; Международный женский день и т.п. В языковом сознании существуют коллокации типа: *большой спортивный день, черный/белый день (разг.), базарный день, Божий день*. В Словаре под ред. Кузнецова с пометой «экон.» фиксируется *рабочий день*. В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений под ред. Н. Ф. Абрамова (1999) фиксируются следующие уточнения концептуального смысла данного классификатора, зафиксированные за лексемой «день»: *прекрасный день, неприсутственный день, праздничный день, табельный день, царский день*. Смысл приведенных синтагм доступен декодированию стандартной языковой личности – носителю русского языкового сознания. Нарращение дополнительных смыслов не влияет на связь с прототипическим ядерным элементом концептуального поля «время», но уточняет и оценивает, характеризуя номинированный фрагмент действительности.

С позиций лингвокультурологии, интересным представляется, что так же, как и в большинстве славянских языков, русский язык, называя дни недели, указывает на их последовательность после воскресенья, дня, когда ничего не делают (*неделя*). Очевидно, поэтому, как фиксирует русская поговорка, *понедельник – день тяжелый*: надо начинать работу после ничего неделанья. Согласно дефиниции Д. Н. Ушакова, понедельник – «Название одного из дней недели, первого после воскресенья (от старинного «неделя» в

знач. воскресенье: день по неделе, т.е. после недели); вторник – второй после воскресенья день, среда – название «среднего дня недели», четверг – название «четвертого» после воскресенья дня недели, пятница – пятый день, суббота – шестой (от др.евр. šabbāt из šābat отдыхать), воскресенье – «первоначально у всех почти славян называемое *неделей* (оттого, что в этот день ничего не следует делать, а только отдыхать и молиться), иногда олицетворяется в народных сказаниях; особенно же такое олицетворение встречается часто в сказках малорусских, сербских, хорутанских и немецких. Здесь св. воскресение является под названием св. Недельки и св. Анастасии, в то время как св. Пятница принимает иногда имя св. Параскевы. Св. Неделька представляется обыкновенно под видом доброй женщины, которая своими советами и подарками помогает героям и героиням сказаний; поверье это особенно популярно в Сербии, где до сих пор думают, что неделя есть святая жена, а "света Петка (т. е. Пятница) Недјелина мајка". Насколько поверье древне, видно хотя бы из Паисиевского сборника, в котором помещено слово, обличающее обожание Недели и советуемое чествовать не самый день, а соединяемую с ним память о воскресении Иисуса Христа. Подобные же поверья соединены и с другими днями недели, например со средой» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона)³⁷.

В русском языковом сознании закреплены стереотипные модели, на основании которых каждый день ассоциируется с определенной прагматической установкой, о чем свидетельствуют соответствующие тексты паремий, например: «понедельник – похмелье; вторник – повторник; среда – пост; четверг – перевал; пятница – не работница; суббота – уборка, воскресенье – гулянье». Для сравнения, в грузинском языковом сознании воскресенье, კვირის დღე, т.е., день созерцания, размышлений, но не гуляния, за которым следует «понедельник – похмелье».

Общее концептуальное значение классификатора «календарное время» объективируется в языке единицами, вступающими в системообразующие отношения с прототипическим элементом концептуального поля, находясь на условно первом и втором когнитивных уровнях в структуре концепта. Такой вывод делается на основании процедуры компонентного и логического анализа их словарных дефиниций.

7) отрезок времени и его оценка: денек (*разг. ласк.*), денечек (*разг. ласк.*), вечерок (*разг. ласк.*) минутка, минуточка (*ласк.*), мгновение, момент (ЛСВ1, ЛСВ2), миг, сезон (ЛСВ1, ЛСВ2), сезонный, межсезонье, зимушка (*разг. ласк.*), безвременье (*устар.*), декада (ЛСВ1, ЛСВ2), срок (ЛСВ1, ЛСВ2), фаза (ЛСВ1), каникулы, каникулярный, праздник (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), пора (ЛСВ1, ЛСВ2), пост, перерыв, отпуск (ЛСВ2), отпускной

³⁷ электронный ресурс; режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron; дата доступа: май-июнь 2011.

(ЛСВ1, *устар.* ЛСВ3), эра (ЛСВ2, ЛСВ3), эпоха (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), период (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), периодический (ЛСВ1, ЛСВ2), благовременный, долговременный, кратковременный, траур (ЛСВ2), лихолетье; между делом; злоба дня; калиф (халиф) на час; бабье лето; адмиральский час; на секунду; медовый месяц; рабочий день (определенное количество времени, положенное для работы, службы.); минута молчания (минутная тишина (на собрании, митинге и т. д.) в знак уважения к памяти умершего (умерших); минуту внимания (просьба сосредоточить внимание на короткое время.); бархатный сезон; мертвый сезон; рабочая неделя (определенное количество дней в неделю, положенное для работы, службы. *Пятидневная рабочая неделя.*); святая неделя; сырная неделя; среди (среди) бела дня; белые ночи; Варфоломеевская ночь; на минутку (на очень короткое время, ненадолго); на первых порах; на ту пору; пора свадеб; время отъезда; уделять много времени; черный день (тяжелое, трудное время. *Откладывать деньги на черный день.*); считанные дни (очень немного времени, недолго); на короткое время; красное лето; бабье лето.

Всего – 59 единиц, из них имен существительных – 24, имен прилагательных – 7, фразеологизмов – 28.

Концептуальный смысл данного классификатора – «отрезок времени и его оценка», следовательно, единицы, эксплицирующие его в языке, одновременно с номинацией выполняют и оценочную функцию. Оценка может носить прагматический характер, т. е. содержать определенное предписание относительно того, что принято или следует делать в данный отрезок времени, с какой целью он вычленяется сознанием: *сезон, межсезонье, перерыв, пост, отпуск, рабочая неделя, сырная неделя.* Она может носить и выраженный эмоциональный или образный характер, запечатленный в языковом сознании: *зимушка, вечерок, миг, мгновенье, черный день, злоба дня, Божий день, минута молчания* и др. Соответственно этому можно распределить единицы по условным полусферам фреймового поля – «субъективное/объективное восприятие времени», где «объективное» должно пониматься не относительно физического времени, а относительно принятых в данном обществе и в данной культуре оценочно-прагматических установок по отношению к отдельным выделяемым отрезкам времени. Большинство единиц классификатора открыты к наращению коннотативных значений и новых смыслов/смысловых оттенков, которые могут возникать в синтагматических связках концептуальных контекстов, например: *эра, эпоха, фаза, пора, день, ночь, минута* (ср.: эпоха Возрождения, наша эра, минута молчания, рождественская ночь и т.п.).

Все единицы классификатора при компонентном анализе и когнитивной интерпретации демонстрируют референтную связь с прототипическим элементом концептуального поля.

8) эпоха, период в истории: время (ЛСВ4), времечко (*разг. ласк. к время* (в 1, 2, 3 и 4 знач.)), год (ЛСВ3), година (*высок.* ЛСВ1), эпоха (ЛСВ1), эпохальный, тысячелетие (ЛСВ2), столетие (ЛСВ2), столетний (ЛСВ1, ЛСВ2), эра (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), период (ЛСВ3), времяисчисление, несовременность, ультрасовременность, древний (ЛСВ1, ЛСВ2), старинный (ЛСВ1, ЛСВ2), хроника (ЛСВ1, ЛСВ2), хронограф¹ (Памятник древней письменности, содержащий сводный обзор всеобщей истории), хронологизация (*книжн.*), археология, архаика, архаический (ЛСВ1, ЛСВ2), архаичный (ЛСВ1), неолит (*археол.*), энеолит (*археол.*), мезолит (*археол.*), палеолит (*археол.*), палеозой (*геол.*), палеозойский (*геол.*), революция (ЛСВ1), современный (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), современно, несовременно, современность (ЛСВ2), современник, современница, осовременить, вековечный, вековой, кампания (ЛСВ3), лихолетье; военное время; мирное время; смутное время; при Иване Грозном; при царе Горохе; времена царя Гороха; при большевиках; НЭП; нынешнее время; во время оно; в оны дни; музейная редкость; Древняя история (период истории, условно ограничиваемый 5 в. н. э.); во времена Очакова и покорения Крыма; во времена Троицкого; при Петре Первом; во времена Екатерины.

Всего – 56 единиц, из них имен существительных – 26, имен прилагательных – 10, наречий – 2, глагол – 1, фразеологизмов – 17.

Анализ демонстрирует, что в данном сегменте все слова даны в прямых значениях, восемь из них сопровождаются пометами: «разг. ласк.» (времечко), «книжн.» (хронологизация), «археол.» (неолит, энеолит, мезолит, палеолит), «геол.» (палеозой, палеозойский). За исключением пометы «разг. ласк.» к существительному *времечко*, концептуализация смысла которого подробно описана выше, все пометы указывают на принадлежность данной лексики срезу основной терминологии современной науки, что накладывает определенные ограничения на ее широкое функционирование в узусе.

Несмотря на то, что словари не фиксируют связи лексем «война», «мор», «смута» и «выборы» с анализируемым ракурсом понятия «время», полагаем, что при когнитивной интерпретации выводима связь с общим концептуальным значением классификатора: «эпоха, период в истории». Указанные лексемы при компонентном и логическом анализе дают возможность вычлени сему «период», что позволяет рассматривать данные лексемы в одном ряду с «революция», «лихолетье» и т.п. Выведенное концептуальное значение и связь с прототипическим элементом множества не требует сложных лингвоментальных процедур. Так, средней языковой личности понятен смысл афоризма:

«Нельзя все время обманывать всех, да и не нужно: одного раза в четыре года вполне достаточно» (из речи А. Бирса; цит. по: «Афоризмы со всего мира. Энциклопедия мудрости»)³⁸ И этот же концептуальный контекст может служить верификатором вышесказанного. Направление **ментальных изоглосс: время → период → раз в четыре года → выборы.**

Циклическая модель времени при концептуализации смысла может быть, к примеру, прослежена в следующих единицах: *вековечный, вековой, эра, эпоха, эпохальный, архаика*; линейная – *современный, несовременно, современность, современник, современница, осовременить, нынешнее время*; синкретическая – *година, во время оно, в оны дни, столетие* и др.

Исходя из семантики большинства единиц, структурирующих классификатор, областью их концептуализации можно считать полусферу «фреймы восприятия субъективного времени». Сказанное не относится к единицам, которые в конкретном когнитивном контексте употребляются в прямой связи с референтом, например, *археология, палеолит, хронограф* и т.п.

9) жизнь и ее периоды как процесс во времени: жизнь (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ4), годовалый, годовать (*прост. и обл.* Проживать, проводить год где-л. *Год годовать — не век вековать.* Пословица.), годовик (*прост. и обл.* Годовалое животное), годовичок (*прост. и обл. уменьш.-ласк. к ГОДОВИК*), годовой (*устар.* ЛСВ3), годок (ЛСВ1. *разг. ласк. к год (в 1 знач., ЛСВ2), ЛСВ2*), минут (ЛСВ3), вековать (*разг.*), столетний (ЛСВ2), детство, детский (ЛСВ1), детсадовский (*разг.*), дитя (ЛСВ1, ЛСВ2), дети (ЛСВ1, ЛСВ2), дед, детка (*разг.*), детишки (*разг. ласк.*), детина, детище (*устар.* ЛСВ1), дитя, ребенок (ЛСВ1, ЛСВ2), ребята (ЛСВ1, *разг.* ЛСВ2), отрок (*устар.* ЛСВ1), отрочество, отроческий, подросток, подростковый, юность (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3), юноша, юный (ЛСВ1, ЛСВ2), юно, юнеть, юнец (*разг.*), юниор, юница (*книжн. устар.*), юннат, юннатовский, юннатский, юношество (ЛСВ1, ЛСВ2), студенчество (ЛСВ1, ЛСВ2), молодость (ЛСВ1, ЛСВ2), младость (*трад.-поэт.*), молодой (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ5 (*в знач. суц. молодье́, -ых, мн. (ед. молодой, -ого, м., молодая, -ой, ж.). разг.*), молоденький, молодеть, молодить, молодожены, зрелость (ЛСВ2), зрелый (ЛСВ2, ЛСВ3 *перен.*), предки, потомки, наследники, наследование, беременность (ЛСВ1, ЛСВ2), беременная, беременеть, роды, младенец, младенческий (ЛСВ1, *перен.* ЛСВ3), младенчество, крестины (ЛСВ2), венчание (ЛСВ2), соборование, отпевание (ЛСВ2), старость (ЛСВ2), старение (ЛСВ1), стареть (ЛСВ1), старее и старее, старе (*устар.*), старший (ЛСВ1, *в знач. суц. старшие* ЛСВ2, ЛСВ5), старшой (ЛСВ1, *в знач. суц. старшой* ЛСВ2), старше (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ4), старшинство,

³⁸ электронный ресурс; режим доступа: www.foxdesign.ru; дата доступа: июнь 2011.

старик (ЛСВ1, ЛСВ2), старец (ЛСВ1), старичок (*ласк.*), старичонка (*разг. уничиж.*), старичишка (*разг. уничиж.*), старичье (*прост. пренебр.*), старуха, старушка (*ласк.*), старушонка (*разг. уничиж.*), старушенция (*разг. ирон.*), старушечий, стáрица¹, старье (ЛСВ2. *прост. пренебр.*), старётся (*устар. и прост.*), бабка, бабушка (ЛСВ2), пенсия, сесть (ЛСВ1) (*сов. поседеть*), временщик, прошлое, настоящее, будущее, древний (ЛСВ3), лета (ЛСВ2), возраст, развалина (*перен. ЛСВ2*), младшеклассник, младшекурсник, младшенький (*разг.*) (*ласк. ЛСВ1, в знач. сущ. ЛСВ2*), младший (ЛСВ1, ЛСВ3), временнообязанный, рождение (ЛСВ1), развитие (ЛСВ1), развиться (ЛСВ2, ЛСВ3), хроник (*разг.*), времяпровождение, времяпрепровождение; детское время; вступать [входить] в жизнь/вступить [войти] в жизнь; вступать [входить] в возраст [в года, в лета]/вступить [войти] в возраст [в года, в лета] (*устар.*); не по годам [летам]; в годах [в летах]; годы (года) вышли кому; годы (года) подходят кому.../годы (года) подошли кому... (*прост.*); по гроб жизни; старая дева; на закате дней/к закату дней; с [от] колыбели; до конца дней; многая (многие) лета (*устар.*); не под лета; стоять одной ногой в могиле; зубы съел [проел] *на чем*; медовый месяц (ЛСВ1); тряхнуть стариной (старинкой); увидеть свет (ЛСВ1); свой час; на склоне лет [дней, жизни]; на сносях (*прост.*); *беременная* на сносе; бриллиантовая [алмазная] свадьба/золотая свадьба/серебряная свадьба; не первой молодости; младенческий лепет; век вековать; впасть в детство; по молодости лет; с молодых ногтей/с младых ногтей; от молодых ногтей; в летах *кто*; в (во) цвете лет; на старости лет; войти в возраст; выйти из возраста; войти в лета; выйти из лет; дожить до седин; переходный возраст; в возрасте (о том, кто достиг полной зрелости); на возрасте (он *кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте. А. Островский, Семейная картина.*); дожить до седин; переходный возраст; молодо-зелено; отдать (или положить) жизнь *за кого-что* (пожертвовать жизнью, умереть, защищая кого-, что-л.); прожигать жизнь; войти в жизнь; провести в жизнь; пройти в жизнь; вычеркнуть из своей жизни; уйти из жизни; возвратиться к жизни; покончить с жизнью; подруга жизни (*шутл.*); между жизнью и смертью; на склоне жизни; песок сыплется; по гроб жизни; пробил час; смертный час.

Всего – 185 единиц, из них имен существительных – 79, имен прилагательных – 23, наречий – 1, глаголов – 11, фразеологизмов – 71. (Общее количество после распределения лексических единиц по частям речи увеличилось на 4 единицы, в связи с тем, что в использованных в работе словарях следующие слова в одном из ЛСВ даны в значении имени существительного: молодой (ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ5 (*в знач. сущ. молодье.*), *разг.*) старший (ЛСВ1, *в знач. сущ. старшие* ЛСВ2, ЛСВ5), старшой (ЛСВ1, *в знач. сущ. старшой* ЛСВ2), младшенький (*разг. ласк. ЛСВ1, в знач. сущ. ЛСВ2*).

Отобранные посредством стратификационных характеристик и частеречной принадлежности единицы указывают на связь отношений между различными периодами в жизни человека с образами сознания, отражающими в семантике и коннотации такие изначальные характеристики времени, как цикличность, событийная наполненность, сакральная маркированность (Ивашко 1981; Пыхтеева 1987; Подюков 1990; Никитина 1995 и др.).

Все человеческое существование протекает во времени, поэтому, как следует из списка приведенных единиц, в процесс его осмысления в рамках обыденного сознания включаются самые разные стороны человеческой жизни: быт, религия, мифология, наука. Семантическая плотность данного классификатора свидетельствует о месте выведенного концептуального смысла «жизнь и ее периоды как процесс во времени» в языковом сознании и в сознании отдельной языковой личности.

Каждый из перечисленных языковых знаков, объединенный на основании системообразующей связи с прототипическим элементом концептуального поля, является не только запечатленным в языковой форме актом когниции. Реализуясь в речи и становясь материализацией мысли, данные единицы могут быть поняты как продолжение познавательной деятельности говорящего индивида, которая основана на традициях мышления, выработанных в данной культуре.

Все слова в данном классификаторе даны в прямых значениях, исключение составляют две единицы: *младенческий* в одном из ЛСВ (ЛСВ3) и *развалина* (ЛСВ2), которые в словарях представлены с пометой «перен.» в значениях, совпадающих с концептуальным смыслом. Количество помет «разг.», «устар.», «ласк.», «трад.- поэт.», наряду с пометой «перен.», количество фразеологизмов, вовлеченных в экспликацию концептуального значения классификатора, может быть расценено как одна из его характеристик: формирование в национальном сознании данного концептуального смысла тяготеет к зоне субъективного восприятия времени: *развалина* (о человеке), *ребята* (обращение к взрослым или пожилым людям), *старушка* (к молодой женщине) и т.п. Эти образы ситуативно маркированы, не требуют высокой степени абстрагирования, легко поддаются декодированию. На это указывают и узуальные коллокации типа *осень жизни*, *бабье лето*, *на заре жизни*, *закат жизни*. Следовательно, этапы жизни в русском языковом сознании достаточно часто ассоциируются с временами года и суточным ритмом. Отсюда – и параллели сознания «рождение – жизнь – умирание» и «утро – день/вечер – ночь». Периоды жизни человека сравниваются и с циклами времен года: весна – детство и юность, лето – зрелость, осень – старость, зима – Но об этом не принято говорить.

С циклической моделью времени можно связать языковые единицы данного классификатора, в которых концептуальный смысл «жизнь и ее периоды как процесс во времени» ассоциируется с определенной последовательностью повторяющихся событий: рождение – жизнь – смерть и снова – рождение – жизнь – смерть. Но для отдельного человека ни один из этих периодов не повторяется (если не иметь в виду метафизический аспект вопроса). Поэтому, полагаем, ключевые слова данного классификатора *рождение, жизнь, смерть*, их дериваты и синонимичные единицы (*утро жизни, осень жизни, заря жизни* и т.п.) могут быть охарактеризованы как синкретические. С позиций реализации моделей культурной эпистемы «время», заслуживает внимания тот факт, что в фразеологизме *между жизнью и смертью* можно проследить реализацию модели «разом данное время». Это единственный пример, встреченный нами в процессе работы с языковым материалом словарей. И этот пример, наряду с поговоркой *Время за нами, время перед нами, а при нас его нет*, подтверждает высказанную гипотезу о правомерности существования в языковом сознании модели времени, концептуализированной как время, данное сознанию в одновременности (см. подробно: с. 57-60 данной работы).

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что событийное представление мира отражено в человеческом сознании в связях и отношениях прошлого, настоящего, будущего, вечного. Семантика отобранных и проанализированных языковых единиц, вербализующих различные аспекты концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании, выражает многочисленные семантические, образные и оценочные нюансы, обусловленные не только сложностью значений отдельных слов, но, прежде всего, самой категории времени. С позиций реализации моделей культурной эпистемы «время», отобранный языковой материал подтверждает синкретичность языкового сознания, что проявляется в тенденции к совмещению в языковых образах-концептуализаторах понятия «время» двух базовых моделей – циклической и линейной. Особого внимания заслуживает тот факт, что в процессе работы был выявлен языковой факт, концептуализированный по модели, названной Ю. С. Степановым «разом данное время».

Концептуализация понятия «время», отраженная в фактах русского языка, может быть интерпретирована как обобщение опыта народа-носителя данного языкового сознания в процессе познания и категоризации мира. Единицы языка, содержащие имплицитную/эксплицитную связь с референтным полем «время», в исследовательских целях систематизировались для последующего моделирования ментальной структуры, одноименного концептуального множества – концепта. Проведенный анализ подтвердил гипотезу, активно разрабатываемую в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, о

том, что концепт не может быть ограничен «буквальным» смыслом; его концептуальное поле, структурированное языковыми единицами, отражает эволюцию освоения явления, которое покрывается в языковом сознании концептуализированной зоной. Концепт «время» вбирает в себя этимологию знаков, содержащееся в них культурно-маркированное содержание, аксиологическую оценку и прагматические установки. Он имеет разноуровневую представленность в языке и соотносится с категориями понятия, значения и смысла, которые мотивированы как логикой познания, так и всем культурным контекстом, на фоне которого происходит концептуализация явления. В семантический состав концепта «время» входит вся прагматическая информация, связанная с экспрессивной и иллокутивной функциями знаков, вербализующих различные ракурсы освоенного феномена.

Как было подчеркнуто во введении к работе, процессы концептуализации актов когниции исследуются в новейшей лингвистике путем выявления максимально полного состава языковых средств, объективирующих этот концепт, и описания их семантики. Анализ отобранных лексических средств русского языка на основании установленного прототипического элемента позволил выявить семантическую плотность анализируемого фрагмента картины мира в русском языковом сознании – всего 824 единицы, что, в свою очередь, свидетельствует о месте феномена в мировосприятии народа. Следует подчеркнуть, что концептуальное множество, модель которого описана выше, является открытой структурой. Количество языковых единиц, отражающих концептуализацию понятия «время» в русском языковом сознании, может быть дополнено при укрупнении объекта исследования с применением методики, предложенной в диссертационной работе. Так, все единицы, вовлеченные в концептуализацию понятия «время» и структурирующие его концептуальное поле, которые были отобраны для анализа, относятся к условным I и II уровню когниции. Установление их связи с прототипическим элементом и семантическим параметром концептуального поля, включая метафорические образы узуса, фразеологизмы и коллокации, не предполагают сложных лингвоментальных процедур в сознании языковой личности. Это относится и к единицам, которые сформированы в условной полусфере «фреймы субъективного восприятия времени».

Один из тезисов современной лингвистики гласит: владение языком предполагает концептуализацию мира. Язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, следовательно, процесс изучения языка – это косвенное изучение познания. Концепт «время» относится к одним из основополагающих в системе знаний человека о мире. Высокая номинативная плотность концепта в русском языковом

сознании, выявленная в ходе исследования, подтверждает место анализируемого явления в данной лингвокультуре.

Научное сознание мыслит время в реально-объективных формах окружающего нас мира, языковое – осваивает «обыденное» время. Такое время, по Хайдеггеру, – главная форма самосознания человека (1993). Приведенные результаты исследования – опыт анализа фактов языка, в которых запечатлены этапы постижения феномена времени как формы самосознания человека. В этой связи вновь обратимся к словам Е. С. Кубряковой: «... мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке...» (Кубрякова 1997, с. 21).

Экспликативные концептуализации времени в русском языковом сознании, описанные в процессе моделирования концептуального поля, могут быть поняты как система временных представлений, «запечатленная средствами языка», которая «становится фактом культуры, своеобразным индикатором, отражающим уровень развития коллективного сознания и особенности мышления народа» (Чапенко: 2005).

III.3. Модели времени и способы их языковой экспликации в идиостиле Иосифа Бродского

Следуя логике исследования и разработанному алгоритму моделирования и описания концепта «время», обратимся к анализу индивидуальной специфики его содержательного наполнения в идиолекте языковой личности – выдающегося поэта современности И. Бродского. Такой анализ позволит раскрыть содержание концепта, принадлежащего концептосфере лингвокультурного сообщества в целом, и сопоставить его с абстракциями вариативных смыслов на качественно ином уровне. Как пишет писатель и культуролог А. Генис, «по знаменитому определению Паунда, поэт – антенна расы. Он первым чувствует энергетические импульсы грядущего и передает их всем. /.../ Чтобы понять, куда шел поэт, читатели должны следовать за ним, делая остановки там же, где и он. Каждая вещь, у которой задержался автор, требует к себе углубленного, созерцательного, медиативного внимания» (2009, с. 357). Методологически предложенные ниже наблюдения, интерпретации и выводы не могут считаться литературоведческим анализом (поэтому для подтверждения наблюдений над языковыми фактами и их

интерпретации приводятся рассуждения известных специалистов по творчеству Бродского).

Язык образного мышления – традиционный предмет филологических исследований, связанный с именами выдающихся ученых: М. М. Бахтина, Р. Якобсона, Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова и др. Как самый яркий образец текста художественное произведение не только структурирует, но и формирует «текстовую картину мира» (Касаевич: 1996, с. 179) через множественность смыслов, генерируемых данным произведением. Текст выстраивается по законам культуры и реализуется через один культурный код – естественный язык; в тексте расширяется «внутренняя форма языка» (в понимании В. фон Гумбольдта). Как элемент культуры текст интегрируется в общее культурное пространство (семиосферу по М. Лотману). Сказанное соотносится и с широко известным утверждением Тойна ван Дейка: «Понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание мира». Единицы текстовой картины мира связаны между собой интертекстуальными связями, в терминологии Р. Барта – кодами, открывающими доступ не только к сознанию, но и к бессознательному. Смыслы художественного текста «оживляют» практически бесконечное число ассоциаций, разнообразно обволакивая означаемое; «скрытая семантика текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы...» (Старовойтенко: 2001, с. 508), хранящимися в культурной памяти языковой личности.

Двадцатый век в поэзии охарактеризован уплотненной художественно-информационной структурой стихотворных текстов и поиском необычных форм выражения мысли. Как пишет в этой связи Н. А. Фатеева, «Конец века обострил оба эти направления поиска, что привело к рождению поэтических структур, ориентированных на обнажение подсознательных мыслительных импульсов, и, соответственно, к множественности прочтений одного и того же текста»³⁹. И далее: «Это «новое искусство», снимая некоторые прежние запреты языка, требует и иного восприятия текста: оно ориентирует читателя на поэтическую игру с автором, который порой глубоко ироничен, и как бы «резвяся и играя», открывает перед нами неизвестные ранее измерения и ракурсы непостижимого до конца универсума».

Выдающийся английский поэт Дж. Элиот, творчество которого, по мнению исследователей, оказало серьезное влияние на мировоззрение Бродского, считал поэзию

³⁹ Н.А.Фатеева. Открытая структура: некоторые наблюдения над развитием поэтического языка в конце XX века; электронный ресурс; режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/fateyeva.htm>; дата доступа: июнь 2011

трансмутацией идеи в чувство. Но: «Смыслообразующее единство народа дано не в идее, а в языке» (Эпштейн: 2006).

С позиций данной работы, интерес представляет развитие процесса концептуализации освоенного языковым сознанием понятия «время» и «растяжимость» его референтной связи в поисках средств языковой экспликации. Предметом исследования являются и отраженные в языковой форме модели мыслительных интерпретативных структур понятия «время» в идиолекте И. Бродского: циклическая модель, «разом данное время», линейная модель, «конструируемое время». Оговорим, что к исследованию привлечены и тексты эссе И. Бродского. Как отмечает З. Е. Журавлева, «Переходя к прозе, что со всяким поэтом бывает, поэт и там продолжает работать, уже на инстинктивно-лингвистическом уровне, теми же средствами. При этом, сам собою, возникает оглушительный эффект: поэтический язык приобретает способность с естественной легкостью дышать в более разреженном воздухе абстрактных понятий, а сами эти понятия обретают, благодаря художнику, фонетическую плотность и нравственность» (2001, с. 106).

В работе тексты Бродского служат иллюстрацией безграничных возможностей человеческого сознания и языка, который материализует мысль и образ. Куда направлено время у Бродского, какие ассоциации и образы рождает бесконечный континуум мгновений, становясь собственным временем Бродского, как сознание поэта моделирует течение времени? Обращение к текстам И. Бродского связано с рядом причин, но прежде всего, – с местом поэта в современной русской словесности. П. Вайль в эссе «Рифма Бродского» пишет: «Как всякое выдающееся явление, он рассмотрен со всех мыслимых сторон, и у него найдено множество недостатков, – но любой разговор о нашей современной словесности начинается и заканчивается его именем; притяжением или отталкиванием – но всегда к нему» (Вайль: 1998, с.5-6). По мнению исследователя, хорошо знавшего поэта при жизни, «сам он всегда протестовал против... «назначения» одного поэта в одну эпоху, называя Баратынского, Вяземского, Катенина в пушкинскую пору, указывая на многолюдный Серебряный век. Но именно в его, в наше время, возникла ситуация небывалая: Бродский ушел в отрыв» (там же).

Второе: в творчестве Бродского выделим ряд центральных метафор, и время – одна из них: *«географии примесь к времени – есть судьба», «время на каждом расписывается своим почерком», «фотография – посмертная маска мгновенья», «серый цвет времени», «Местность, где я нахожусь, есть пик// как бы горы. Дальше – воздух, Хронос», «Меня привлекает вечность...//Ее первый признак – бесчеловечность.//И здесь я – дома»,*

*«грустно думать о том, // что бывшее, скажем мной, // воздух хватая
ртом, // превратившись в ничто, // не сделается волной» ...*

В многочисленных интервью Бродский выделял тему времени как сквозную в своем творчестве: «Дело в том, что то, что меня более всего интересует и всегда интересовало на свете /.../ – это время и тот эффект, какой оно оказывает на человека /.../ то, что время делает с человеком, как оно его трансформирует. С другой стороны, это всего лишь метафора того, что, вообще, время делает с пространством и с миром» (Бродский: IV т., с.285). Чеслав Милош в эссе «Борьба с удушьем» определяет основную тему поэзии Бродского как «Человек против пространства и времени» (1996: 150-155).

По данным Т. Патера, словарь поэзии Бродского – это 19 650 разных слов, представленных в 153 860 разных грамматических формах. Для сравнения: у Ахматовой, чья конкорданция тоже была составлена Т. Патера, слов почти в три раза меньше – 7014⁴⁰. При этом, как утверждает автор конкорданса, поэт «прекрасно сознавал, что язык – это не сумма слов. /.../ Частота употребления того или иного слова поэтом дает нам ясное представление о центре и периферии его духовного мира. /.../ «Время» – слово, обозначающее главную философскую тему поэта, по частоте на третьем месте – 299 употреблений».

По мнению известных исследователей творчества Бродского, основной комплекс тем и мотивов его поэзии сформировался уже к 1961 году, а «последующие десятилетия были посвящены лишь детальной разработке поставленных перед собой еще в юношестве вопросов» (Куллэ: АДД, 1996). Город детства и юности «окрасил» образы поэта и навсегда завязал в единый узел время и воду: *«Я родился и вырос в балтийских болотах, подле // серых цинковых волн, всегда набегавших по две, // и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос, // вьющийся между ними как мокрый волос»*. Отсюда рождается: *« ... серый цвет – цвет времени и бревен»* (в эмиграции Бродский будет искать этот *серый цвет* в воде Адриатики). Так, на одной из наиболее частотной метафоре времени *время-вода* построено его раннее стихотворение «Рыбы зимой»: *«Река времен в своем стремленьи // Уносит все дела людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей»*. Этот метафорический образ – река времени – широко востребован в мировой литературе. Но Бродский вводит в него и восходящую к Библии метафору *рыбы-люди*: скованные ледяным панцирем реки, они пытаются подо льдом уплыть от смерти к морю.

⁴⁰ Т. Патера. Словарь поэзии Бродского; A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky by Tatiana Patera, электронный ресурс; режим доступа: <http://www.diary.ru/~brodskiy-i-a/p33044319.htm>; дата доступа: апрель-май 2011

Тогда же, в юности, поэт говорит: «но – главное – не повторяться» («Стихи о принятии мира», 1958). В зрелости этот образ разрастется до отрицания тавтологии вообще, до категорического неприятия избыточности, которая станет ассоциироваться у поэта с образом будущего. В эссе «Меньше единицы» (Less than One) он напишет: «...завтра менее привлекательно, чем вчера. Почему-то прошлое не дышит такой чудовищной монотонностью, как будущее. Будущее, ввиду его обилия, – пропаганда⁴¹». Таким образом, мир Бродского концептуализирует собственный смысл в ракурсе времени «будущее», не существующий для обыденного сознания. Анализ текстов, привлеченных к исследованию, демонстрирует перевес форм прошедшего времени глагола. А будущее время в авторском идиостиле тяготеет к наращению негативной коннотации, например: «И перо за тобою бежит вдогонку. Не догонит!» («Слава»); «...Не будет звезд над головой» («1 января 1965 года»); будущее приравнивается грядущему, которое поэт рифмует с удушьем: «...свои лучшие мысли и дням грядущим//я дарю их как опыт борьбы с удушьем» («Я всегда твердил, что судьба – игра»). Сконцентрированность на прошлом, уже свершившемся, прошедшем, а не на будущем прослеживается и в частотности наречия времени *уже*, что также может быть отнесено к особенностям авторской концептуализации времени: «Здесь, на земле//уже ни в ком// не видя места...» («Воспоминания»); «Это – уже старение» («Виктору Голышеву»).

В стихотворении «Петухи» (1958) Бродский впервые прикасается к тайне материи времени: «В этом сиплом хрипении// за годами,// за веками// я вижу материю времени⁴²:// открытую петухами». Как отмечает В. Куллэ в своем диссертационном исследовании «Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России 1957-1972», «Материя времени» – уже нечто отдельное от его поступательного движения (восход солнца и начало дня, года, века). Это набросок грядущей концепции «Времени в чистом виде» (1996).

К этому же периоду относится стихотворение «Лучше всего спалось на Савеловском» (1960), в котором появляется еще один сквозной образ в творчестве поэта: метафора времени – циферблат: «я видел только одну планету: / оранжевую планету циферблата». Этот образ символизирует у Бродского вездесущность времени, которое неотступно преследует человека и вещи: «взглядом // она напоминала циферблат».

По мнению критиков, в одном из ранних стихотворений, «Зофья» (1961), интерес представляет «многосторонний образ маятника в поэме»; здесь же, в телефонном монологе, можно проследить и концептуализацию Библейского «семь времен» (см. об этом: Шимаков-Рейфер: 2002, с. 11). Голос, полный угроз-проклятий, вызывает ассоциацию

⁴¹ подчеркнуто нами, Э.З.

⁴² подчеркнуто нами, Э.З.

с Голосом с неба: *«Не будет больше праздников для вас, // не будет собутыльников и ваз // не будет вам на родине жилья // /.../ не будет вам ни лета ни весны // не будет вам на родине житья // не будет вам ладони на виски // не будет очищающей тоски // /.../ Со временем утоните во тьме. // Ослепнете. Умрете вы в тюрьме. // Былое оборотится спиной, // подернется реальность пеленой».*

В знаменитом стихотворении раннего Бродского «Глаголы» (1960) разворачивается ужасающая картина общества людей-глаголов, где: *«некто стучит, забивая гвозди // в прошедшее, // в настоящее, // в будущее время».* Приведем в этой связи замечание известного на Западе слависта В. Полухиной, которая считает, что в «Глаголах» мы впервые сталкиваемся с одним из парадоксов Бродского: если прошлого больше нет, будущее еще не существует, а настоящее иллюзорно – где же тогда время? Ответ дается метафорически: время внутри нас самих, внутри вещей, которые нас окружают, поскольку время является свойством существования. Так Бродский вступает на путь мифологизации времени» (Полухина: 1992, с.261). Персонификация, мифологизации времени подчеркнута явственно в следующих строках, написанных уже в 1988 году: *«...я, иначе – никто, всечеловек, один // из, подсохший мазок в одной из живых картин, // которые пишет время, такая кисть // за неимением, верно, лучшей палитры в жизнь...» (Под раскидистым вязом, шепчущим «че-ше-ще»).* Время наделяется властью играть-рисовать жизни, судьбы, смерть. Как у античных трагиков, но со свойственной Бродскому ироничностью: с тем, чтобы смягчить трагизм, он заменяет *жизнь* на демонстративное *жисть*, которое в словарях дается с пометами «простореч.», «обл.» и «разг.-шутл.». Но главное в этих строчках – отстраненность сознания, наблюдающего за временем. Аналогичное прочитывается и в строфах, написанных в следующем, 1989 году: *«...Кто думал, что их сотрет, // как резинкой с бумаги усилья карандаша, // время? Никто, ни одна душа. // Однако время, шурша, // сделало именно это. Поди его упрекни» («Век скоро кончится, но раньше кончусь я»).* Время не только ходит, бежит, ползет и т.д., но и *«резинкой шурша»*, стирает нарисованные жизни. И вновь поэт со стороны, в отстранении наблюдает за тем, что ему как избранному открыло Время – срок его личного времени вышел. Однако ему открыто и иное знание – Поэт «побеждает» время, что созвучно цветаевскому выкрику: «Время! Я тебя миную...». Общеизвестно почти мистическое отношение Бродского к языку, которое началось, по словам самого поэта, с поразившей его фразы Одена: «Время /.../ преклоняется перед языком и прощает тех, кем язык живет». Много позже Бродский-мэтр почти афористически сформулирует: *«...Именно язык диктует стихотворение, и то, что в просторечии именуется Музой, или вдохновением, есть на самом деле диктат языка» («Меньше единицы»).* Но еще молодым поэтом он написал знаменитые строки: *«Бог*

сохраняет все; особенно слова// прощенья и любви, как собственный свой голос» (*На столетие Анны Ахматовой*). Слова – единицы, части языка – не исчезают во времени, а поэт – это медиум, соединяющий время и язык.

Полагаем, что здесь есть основания говорить не только о «вступлении на путь мифологизации времени», но и предположить вступление на путь конструирования собственного времени, которое в представленной в работе модели-схеме культурной эпистемы «время» приводится как «конструируемое время».

По мнению литературоведов, корпус стихотворений Бродского 1961 года (поэма «Петербургский роман», цикл «Июльское интермеццо», поэма «Шествие») является и своеобразной точкой отсчета, так называемого, личного времени поэта (см. об этом: Л. Я. Гинзбург, Л. Лосев). Сюжеты Бродского начинают разворачиваться в остановленном настоящем: «...над Петропавловскою башией // смыкает время узкий круг, // нет, нет. Останется хоть что-то, /.../ хотя бы ты, моя работа». В зрелости Бродский разовьет эту тему в раздумьях о времени, о языке, о поэте. В эссе «Сын цивилизации», посвященном Мандельштаму (сборник «Меньше единицы»), четко формулируется его собственное восприятие особой связи Времени и Поэта, которая осуществляется в языке: «...Мандельштам в стихе редко оглядывается; он весь в настоящем, в том мгновении, которое он заставляет длиться и медлить сверх естественного предела⁴³. О прошлом, как личном, так и историческом, позаботилась сама этимология слов» (с. 125).

Все дальнейшее творчество Бродского, будущего Лауреата Нобелевской премии – это восхождение на пик отстраненности для обретения истинной точки зрения, откуда видится, что время, несущее с собой смерть, может быть остановлено в стихе и языке. Такая «победа» над временем потребует от поэта непомерно высокой платы, неслучайно, прочитав поэму «Шествие», написанную молодым Бродским, Ахматова воскликнула: «Какая степень одиночества!».

Читая интервью Бродского, можно понять, как пристально вглядывается он в язык, в его способность облечь мысль, образы и чувства в форму. Так, в интервью Дэвиду Бетеа, он рассуждает о возможностях русского и английского языка, что важно для нашего исследования, которое ориентировано на особенности концептуализации понятия «время», мотивированные, в том числе, культурным контекстом. «Владея английским и русским, видишь родовые черты двух типов социальной истории, социальной реальности. /.../ Я недавно совсем понял – понял после кризиса в Персидском заливе, если быть точным, – что русский язык по своей организации – это язык восточный. Помните, что сказал Саддам Хусейн? «Вы захлебнетесь в море крови». Так вот – отдавал он себе отчет

⁴³ подчеркнуто нами, Э.З.

или нет, это не важно – он проиллюстрировал этой фразой тот факт, что для арабского мира, для восточного мира вообще, слово, выражение, куда большая реальность, чем сама реальность. Дело не в том, что вы хотите обмануть себя – это не самообман, просто, когда вы говорите, речь воодушевляет, она создает в вашем сознании реальность, которая оттесняет ваши недостатки на задний план. С этой точки зрения русский язык – именно такой язык, он отвлекает говорящего. По сравнению с русским английский язык не приспособлен к демагогии. Попробуйте перевести на английский язык фразу «Народ и партия непобедимы»... /.../ На английском «Народ и партия непобедимы» звучит как чужья собачья. Другое дело на русском, на русском это звучит хорошо, подразумевается некий триумф, который одновременно ждет впереди и присутствует в настоящем⁴⁴, так что еще и с точки зрения времени⁴⁵ эта фраза непереводима» (Большая книга интервью: 2000, с. 542).

В приведенной цитате интересно не только то, насколько тонко чувствует поэт связь языка и культуры, указывая, что образ мысли задается данным языком. Прежде всего, – здесь Бродский поэтическим «чутьем» уловил то, к чему путем научного поиска приходит выдающийся российский лингвист Ю. С. Степанов – существование в русском языковом сознании, так называемого, «разом данного времени» (подробно об этом: I. 7. данной работы). Более того, Бродский сам концептуализирует время по этой, с культурологической точки зрения – исторически близкой к циклической, но крайне редко встречающейся в современном мышлении модели, например: *«И жизнь и смерть в одних часах, // о, странное родство!»*; *«ведь смерть – это жизнь, а жизнь – это жизнь»* («Шествие»).

Родной город стал вместилищем времени, и поэт ведет с ним диалог, останавливаясь мысленным взором у его зданий – литературных памятников, но: *«Теперь на третьем этаже // живет герой, и время вертит // свой циферблат в его душе»*. И в этот же период время для Бродского теряет голос: *«пришелец, памятник, венец / в конце любви, в конце дороги, / немого времени гонец»*. На фоне этого немого времени происходит все, что преподносит жизнь: утрата, одиночество, смерть: *«Неужели все они мертвы, неужели это правда, // каждый, кто любил меня, обнимал, так смеялся.../.../ неужели они ушли, // а я остался»*; *«Проплывают облака, это жизнь проплывает, проходит, // привыкай, привыкай, это смерть мы в себе несем...»*. Философское осознание неизбежности смерти, принятие высших законов бытия складывается в следующие строки: *«Что-то выше нас. Что-то выше нас проплывает и гаснет, // только плакать и*

⁴⁴ подчеркнуто нами, Э.З.

⁴⁵ подчеркнуто нами, Э.З.

петь, только жить». Либо – *«добрый день, моя смерть, добрый день...»*. Неизбежность смерти и неизбежность боли утраты, высшая степень одиночества, которые, вытесняя все остальное, становятся фоном личного, собственного, времени поэта....

Но принятие-непринятие смерти не освобождает любого живущего от изначального, почти первобытного ужаса перед неизбежным. Отсюда: *«Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели, // слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся // шкафом – от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса»*. В желании спрятаться от всего мира, в перечне абстракций, которые в контексте воспринимаются химерами, – на первом месте неумолимый Хронос.

Здесь представляется уместным вновь обратиться к мысли М. Хайдеггера: «Подлинное время» двояко действует на сознание человека: оно указывает человеку на незначительность всех его проектов, но оно же побуждает человека сконцентрироваться на собственном времени» (Хайдеггер: 1993, с. 312-316). Для Бродского следствием этой «концентрации на собственном времени», осознания иллюзорности жизни и приближающегося, по заведенному закону бытия, ее конца становится отчуждение от мира суетных перемен: *«...и вдруг понять, как медленно душа // заботится о новых переменях»*. Неизбежный закон жизни принят Бродским-поэтом: *«Проплывают облака, это жизнь проплывает, проходит, // привыкай, привыкай, это смерть мы в себе несем...»* (*«Проплывают облака...»*); *«И дверь он запер на цепочку лет»*; *«Уже не Бог, а только Время, Время // зовет его...»* (*«На смерть Т. С. Элиота»*).

С позиций настоящего исследования, интерес представляет тот факт, что в финале стихотворения «Июльское интермеццо», в котором поэт разрабатывает тему смерти, появляется мотив «новой жизни». Но и эта новая жизнь – иллюзия, она обречена на смерть уже с самого первого мгновенья, настанет и ее черед. Поэт моделирует время по циклическому кругу: рождение – жизнь – смерть – возрождение. Но он, словно отстранившись, наблюдает за перетеканием жизни-смерти. В строфах стихотворения «Августовские любовники», вошедшего в цикл «Июльское интермеццо» это звучит: *«...никогда не меняйся местами, // никогда ни с кем, это ты себе говоришь»*. Циклическая модель времени прослеживается и в концептуализации образов в любовной лирике, например: *«Так долго вместе прожили, что вновь // второе января пришлось на вторник»* (*«Шесть лет спустя»*); *«...Зимой, вместо сбора ягод, // затыкают щели кусками пакли, //...и вещи становятся старше на год»* (*«Эклога 4-ая»*).

В этот же период, в «Шествии», Бродский начинает разрабатывать еще одну тему, в которой концептуализируется циклическая модель времени, связанная с годовым кругом смены времен, замыкающимся, но и начинающимся в точке Рождества: *«Теперь*

зима и скоро Рождество, // и мы увидим новую толпу». Повторяемость Рождества для Бродского, как пишет Л. Лосев, «является единственной альтернативой неумолимому поступательному ходу времени. /.../ Начиная с «Рождественского романса» календарь поэзии Иосифа Бродского – только христианский, определяемый не датами солнцеворотов, а Рождеством, Пасхой, Сретеньем. Смена номеров года малозначительна, важно другое, что каждый год повторяется Год – Рождество, Пасха и все остальное. Этим во многом и определяется волнующая сиюминутность происходящего в, так называемых, календарных стихах Иосифа Бродского, эффект присутствия и участия автора» (Лосев: 1977, с.318 -321). Эта тема рефреном пройдет через весь жизненный цикл Бродского-поэта: «Никто не знал кругом //, что жизни счет начнется с этой ночи» (Рождество 1963); «Волхвы забудут адрес твой. // Не будет звезд над головой. /.../ // И, взгляд подняв свой к небесам, // ты вдруг поймешь, что сам // – чистосердечный дар» (1 января 1965 года); «Пустота. Но при мысли о ней // видишь вдруг как бы свет ниоткуда. // Знал бы Ирод, что чем он сильнее, // тем верней, неизбежнее чудо. // Постоянство такого родства // – основной механизм Рождества». (24 декабря 1975 года); «Что нужно для чуда? Кожух овчара, // щепотка сегодня, крупница вчера, // и к пригоршине завтра добавь на глазок // огрызок пространства и неба кусок» (25. XII. 1993).

«Из петербургского мифа /.../ молодой Бродский перешагнул в пространство универсальных мифов, отправился в путешествие, которое помогло ему познать самого себя, свое «Я»...» (Шимаков-Рейфер: 2002, с. 23): «...как будто это новый циферблат // вторгается, как будто не спеша // над плотью воцаряется душа...» («Зофья»).

То, что по Хайдеггеру есть «концентрация на собственном времени», у Бродского звучит в пронзительно-трагичных строках: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я. // Это, боюсь, не вопрос чутья. // Скорее – влияние небытия // на бытие, охотника, так сказать, на дичь⁴⁶, - // будь то сердечная мышца, или кирпич» (1989). Метафора времени – охотник, жертва времени, человек – дичь. Если в юности, в молодости ход времени отмеривался маятником, фиксировался циферблатом: «Маятник о двух ногах⁴⁷ // в кирзовых сапогах, // тикающий в избе // при ходьбе»; «На Прачечном мосту, где мы с тобой // уподоблялись стрелкам циферблата⁴⁸, // обнявшись в двенадцать перед тем, // как не на сутки, а на век расстаться» («Прачечный мост»). Теперь, с годами, появился новый образ, выраженный в метафоре бич: «Мы слышим, как свищет бич...».

Время, которое, согласно сложившемуся мировосприятию, сознание мыслит в связке с пространством, у Бродского концептуализируется в качественные

⁴⁶ подчеркнуто нами, Э.З.

⁴⁷ подчеркнуто нами, Э.З.

⁴⁸ подчеркнуто нами, Э.З.

противоположности: *«Время больше пространства. Пространство – вещь.//Время же, в сущности, мысль о вещи»* (Колыбельная Трескового мыса). Так, гением Бродского появляется формула-метафора: *«время – мысль о вещи»*. Еще одна формула-метафора: *«человек есть конец самого себя»⁴⁹//и вдается во Время»* (Колыбельная Трескового мыса); либо – *«Но каждая могила – край земли»* («На смерть Т. С. Элиота»); *«...и бесконечная набережная делала жизнь короткой»* («В Италии»); будущее – конец, *Ничто, Пустота* (с заглавной буквы): *«Жизнь – форма времени»* (Колыбельная Трескового мыса).

Время как мысль о вещи – любой, включая живые, созданные Творцом, позволяет Бродскому-поэту «перекраивать» в сознании привычные отрезки линии времени. В стихотворении «Бабочка» он смотрит на бабочку, оказавшуюся в его руке: *«Сказать, что ты мертва?//Но ты жила лишь сутки.//Как много грусти в шутке//Творца! едва// могу произнести// «жила» - единство даты// рожденья и когда ты// в моей горсти// рассыпалась, меня// смущает вычесть// одно из двух количеств// в пределах дня»*. Жизнь бабочки – день, в сознании человека приравнивается к почти небытию. Из этого следует, что существует разница в восприятии времени человеком, бабочкой... М. Крепс в книге «О поэзии Иосифа Бродского» пишет: «Конспективно проблематику первой строфы можно изобразить так: 1) Относительность понятия времени. День как самая крупная единица времяисчисления для бабочки (вся жизнь) и самая мелкая для человека (поддается забвению). 2) Попытка рациональной оценки человеком деятельности Творца: (Для чего создавать бабочку? Шутка?) 3) Эмоциональная оценка этой деятельности: (Если да, то шутка грустная). Вторая строфа продолжает развивать посыпку первой строфы о ничтожности дня, его поддаваемости забвению, в конечном счете человек исчисляет свою жизнь не днями, а годами (Сколько вам лет?), а потому «дни для нас /-ничто». (1984). Процесс переосмысления привычного времени, разделенного традицией на повторяющиеся отрезки, чтобы нанизать их на линию времени, Бродский скрупулезно детализирует: *«Затем что дни для нас -// ничто. Всего лишь// ничто. Их не приколешь,// и пиццей глаз//не сделаешь: они//на фоне белом,//не обладая телом,// незримы. Дни,// они как ты; верней,//что может весить// уменьшенный раз в десять//один из дней»*.

М Лотман в статье «На смерть Жукова» указывает: «Одна из основных тем Бродского – пересечение границ: государственных и иных. В числе этих иных – граница смерти» (Лотман: 2002, с. 64). Разбирая временную структуру стихотворения, Лотман приходит к выводу, что оно строится по принципу осевой симметрии с будущим временем в центре: *«настоящее – прошедшее – будущее – прошедшее – настоящее*. Это – принцип кольца: настоящее время последних стихов перекликается с настоящим

⁴⁹ подчеркнуто нами, Э.З.

временем стихов начальных» (там же, с. 72). Как пишет автор, грамматическая категория «время» обычно тесно связана с темпоральной семантикой всего текста, и особенно – у Бродского, «с его обостренным чувством Хроноса».

Если сквозь призму данного исследования, в «Глаголах» речь шла о «вступлении на путь» конструирования сознанием собственной модели времени, то у зрелого Бродского время – это форма интенсивности мысли, сознания, жизни. Оно все больше освобождается от предметного содержания, от цикличности, от последовательности, заполняя высвобожденное пространство в сознании категорией, названной в постмодернизме, «нравственная ответственность». Выход за пределы круга цикличности: *«В твоих часах не только ход, но тишь.// Притом их путь лишен подобья круга»* («Новые стансы к августу»); *«...с допроса на допрос по коридору// в ту дальнюю страну, где больше нет//ни января, ни февраля, ни марта»* («Сонет»). *Ни января, ни февраля, ни марта* – нарушение цикла жизни, следовательно – смерть. *«Время создано смертью»* (Конец прекрасной эпохи). Нарушение связей линейного времени: *«Безмолвствует на стенке календарь»* («За окнами ни плоти, ни души»); *«Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря»* («Части речи»).

Для Бродского, все мы живем взаимы у будущего, в котором нас нет: *«Так солдаты в траншеях поверх бруствера// смотрят туда, где их больше нет»* (В окрестностях Атлантиды»). Он «открывает» роль материи во времени: *«В этом и есть, видать,// роль материи во// времени – передать// все во власть ничего,⁵⁰// чтоб заселить верто-// град голубой мечты,// разменявши ничто// на собственные черты.»* («Сидя в тени»).

Коллажность в «конструируемом времени» проявляется в том, что Бродский смешивает измерения, как отмечает Дж. Смит, это – типичная черта его мышления (2002, с. 96): *«Спи. Земля не кругла. Она// просто длинна: бугорки, лоцины.// А длинней земли – океан: волна//набегают порой, как на лоб морщины,// на песок. А земли и волны длинней// лишь вереница дней»* (Колыбельная Трескового мыса); *«Навсегда – не слово, а цифра//чи нули, когда мы зарастем травой, (умрем)//перекроют эпоху и век с лихвою»* («Прощайте, мадмуазель Вероника»); *«тело, помещенное в пространство,// пространством вытесняется»* («Открытка из города К*»).

Поэт утверждает, граничащее с чистой идеей, полной абстракцией: *«Чем незримей вещь, тем верней,// что она когда-то существовала// на земле, и тем больше она – везде»* (Римские элегии). А жизнь осознается как *«...синоним небытия и нарушения правил»,* чтобы *«смущать календари и числа//присутствием, лишенным смысла»* (Строфы). Так что же есть время, в чем смысл жизни и вещей? По Бродскому, то, что прекращает

⁵⁰ подчеркнуто нами, Э.З.

существование в пространстве, продолжается во времени: *«Что не знал Эвклид, что, сойдя на конус, // вещь обретает не ноль, но Хронос»* (Я всегда твердил...). И в этом смешении пространства и времени появляется *«пространство почти в сорок лет»*.

Конструируя образы времени, Бродский наделяет время внешностью: *«Полируя воду, город может улучшить внешность времени»* («*Fondamenta Degli Incurabili*»). Жизнь концептуализируется как *«сумма мелких движений»*. Более того: *«Жизнь никогда не представлялась мне цепью четко обозначенных переходов; скорее она растет, как снежный ком, и чем дальше, тем больше одно место (или время) походит на другое»* («*Меньше единицы*»).

Память – *«есть замена хвоста, навсегда утраченного нами в счастливом процессе эволюции /.../ помимо этого, есть нечто явно атавистическое в самом процессе воспоминания – потому хотя бы, что процесс этот не бывает линейным⁵¹»*. Кроме того, *«чем больше помнишь, тем ближе к смерти»* («*Меньше единицы*»). Отказавшись от линии времени, Бродский отказывается и от спирали (циклическое время): *«...все равно попытки воспроизвести сей хвост (память – Э. З.) во всем его спиральном великолепии обречены...»* («*Меньше единицы*»).

Он отказывает реке времени в пьедестале. Она перестает быть Летой, становясь всего лишь вещью, как улица: *«Реки и улицы – длинные вещи жизни. «Ты боишься смерти?» – «Нет, это та же тьма; // но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула»* («*Темза в Челси*»). Вместе с тем, хрестоматийный образ «вода-река времени» может разрастаться до вселенских размеров: *«Я просто считаю, что есть образ времени, и под всякий Новый год, в несколько языческом духе, стараюсь оказаться у воды /.../, чтобы застать всплытие новой порции, нового стакана времени⁵²»* («*Поклониться тени*»). Приведем когнитивную интерпретацию этого фрагмента из статьи Ж. А. Вардзелашвили: «Измерять время стаканами? Но русский язык имеет модели соотношения формы и содержания: стакан молока, ведро воды и т. п. Следовательно, авторское «стакан времени» – это генитивная метафора, которая выстраивается по достаточно распространенной в русском языке модели «существительное + существительное в родительном падеже», дающей конструктивно обусловленное значение множественности (ср.: узуальные «водопад волос», «море слез»). Логика интерпретации может быть следующей: стакан вмещает жидкость; вода – это жидкость; вода – это движение; время – это тоже движение. Далее: если вода – это движение, которое останавливается в

⁵¹ подчеркнуто нами, Э.З.

⁵² подчеркнуто нами, Э.З.

стакане, то, может быть, и время можно остановить в стакане, зачерпнув так мало – стакан – из океана вечности» (2010, с. 1105-1106).

А время? *«Я всегда был приверженцем мнения, что Бог или, по крайней мере, Его дух есть время⁵³/.../ В любом случае, я всегда считал, что раз Дух Божий носился над водою, вода должна была его сопровождать» («Fondamenta Degli Incurabili»); «Повторяю: вода равна времени⁵⁴ и снабжает красоту ее двойником» («Fondamenta Degli Incurabili»).* И далее – пронзительное, прочувствованное, выстраданное о смысле бытия, о человеке, жизни, страхе, смирении перед неизбежностью конца, о вечном и преходящем: *«...мы уходим, а красота остается. Ибо мы направляемся к будущему, а красота есть вечное настоящее. Слеза есть попытка задержаться, остаться... Но это против правил. Слеза есть движение вспять, дань будущего прошлому. Или же она есть результат вычитания большего из меньшего: красоты из человека. То же верно и для любви, ибо и любовь больше того, кто любит» («Fondamenta Degli Incurabili»).* *«Время есть холод» («Эклога 5-ая»); «жизнь кончилась, но движение продолжается... это и есть вечность» («Поклониться тени»).*

Слово «время» у Бродского часто пишется с заглавной буквы. Формально – это подтверждает то, что лейтмотивом звучит в текстах. Время – «верховный правитель мироздания /.../, абсолютный хозяин всего, все остальное, что не время, – вещи, принадлежащие хозяину, иными словами, вещное (вре'менное) четко противопоставляется временно'му» (Крепс: 1984). Всепоглощающее время словно безжалостный охотник догоняет, чтобы уничтожить: *«Жужжащее, как насекомое, // время нашло, наконец, искомое / лакомство в твердом моем затылке» (1972).* Конец живого и неживого – пыль, которая по Бродскому есть «плоть времени».

Родовое имя «время» может разрастаться у Бродского в систему мировосприятия, которая содержит как общечеловеческие представления и представления, свойственные именно русской культуре, так и смыслы уникальные, самобытные, парадоксальные, способные «взорвать» привычный иерархический порядок мировосприятия. Так, в концептуализированное «время» у Бродского входит слово «тюрьма», исключаящее в обыденном сознании связь с анализируемым концептом. В беседе с Соломоном Волковым, записавшим знаменитые «Диалоги с Бродским», он дает совершенно неожиданную, глубоко выстраданную дефиницию: *тюрьма «...это – недостаток пространства, возмещенный избытком времени».* «Препарировав» лексему, можно установить логический структурообразующий элемент на основании связи с базовым

⁵³ подчеркнуто нами, Э.З.

⁵⁴ подчеркнуто нами, Э.З.

чувственным образом концепта «время» и его семантическим параметром: *процессуальный модус бытия + мера длительности всего происходящего*. Естественно, что в данном случае речь идет о качественно ином уровне абстракции, мотивированном пучком-признаков при концептуализации понятия. Сказанное подтверждает, что:

1) концептуализация – это динамический процесс в языке и сознании, мотивированный сложным комплексом факторов;

2) фреймовое поле концепта объединяет рациональное и интуитивно уловленное в образе-символе «время», которое актуализируется в конкретной ситуации речевого общения.

Так что же такое время для Бродского? Как конструирует его сознание эту субстанцию? Время – не преемственность событий, не круговорот, не повторяемость, но и преемственность, и повторяемость, и – «куски реальности», «вставшие на дыбы вещи» и мысли; это – «композиция, подчиненная динамике различия и повторения, рассекающая Хаос единственно возможной линией, складывающейся в образ мысли» (Фролова, Савенкова: 2002, с. 20).

Языковая экспликация темпоральности охватывает различные уровни языка идиостиля Бродского – лексику, семантику, грамматику. Таким образом, средства выражения темпоральности в формальном плане, относятся к разным уровням системы. Среди детерминаций времени (прошлое – настоящее – будущее) у Бродского доминирует прошлое, которое поэт переживает в настоящем; будущее же понимается как «движение к смерти», либо, выражаясь словами М. Хайдеггера, «бытие-к-смерти». Можно констатировать, что понятие «время» концептуализируется в текстах И. Бродского как метафизическое, глубоко прочувствованное «время бытия/смерти» (*«жизнь – форма времени»; «затем, что дни для нас – ничто»; «жизнь кончилась, но движение продолжается;...это и есть вечность»*). В этой связи приведем мысль Хайдеггера, который отмечает: «Подлинная экзистенция (страх) показывает незначительность всех человеческих проектов. Равная их мизерность дает возможность человеку сконцентрироваться на собственном времени, довериться своего рода "amor fati", судьбе. Человек живет, принимая дух своего времени и народа, но все же, будучи в мире, он и вне его, ибо пережил предвосхищающий опыт смерти, раскрывшей Ничто человеческой экзистенции» (Хайдеггер: 1997, с. 182).

Вместе с тем, *«... каждой Божьей твари// как знак родства// дарован голос для// общенья, пенья;// продления мгновенья,// минуты, дня»*. Вектор концептуализации голос → пение → поэзия прорастает в мироздании Бродского в тему продления жизни. Сознание поэта конструирует «время вечности», выходящее за пределы темы бренности

существования. Так, по Бродскому, мистически относящегося к языку и слову, *«От всего человека вам остается часть речи»*. Поэт, *«в чьих пальцах бьется речь»*, остается в Словах, которые он произнес. Отсюда благодарность за избранность: *«Благодарю...// Верней, ума последняя крупица// благодарит, что не дал прилипнуть// к тем кущам, корпусам и словарю,// что ты не в масть// моим задаткам, комплексам и форам// зашел - и не придал их жалким формам// меня во власть»* («Разговор с Небожителем»).

Тексты автора предполагают множество прочтений – неожиданное, порой необъяснимое совмещение образов, «разорванное», коллажное сознание, усложненный язык, который требует от читателя способности услышать не только формально обозначенное, но и умения улавливать глубинные смысловые связи, словесные переключки, отсылки, аллюзии. Тем более, если интерпретации подвергается экзистенциально едва ли не самое напряженное понятие.

Поэтому условное концептуальное поле «время» в идиостиле И. Бродского может дробиться на множество сегментов (классификаторов), преимущественно концептуализированных в условной зоне «фреймы субъективного восприятия времени». Темпоральная лексика может быть сгруппирована по условным классификационным признакам, например: Время – смерть; Время – жизнь; Время – жизнь и смерть; Время – пространство; Время – вода; Время – миф; Время – мгновение; Время – вечность; Время – одиночество; Время – пустота; Время – циферблат – человек; Время – маятник – человек; Время – календарь; Остановленное время; Немое время и т. д. По определению самого Бродского, *«ощущение времени есть глубоко индивидуалистический опыт»*. При этом: *«Идея, что все переплетается /.../ все же сильно уступает идее, что все остается позади...»* («Путешествие в Стамбул»).

Лев Лосев в предисловии к сборнику «Как работает стихотворение Бродского» (Из исследований славистов на Западе) пишет: «Еще в середине 70-х годов популярный международный журнал опубликовал стихотворение Бродского и интервью с автором под шапкой «Поэт чертит карту своего стихотворения» /.../. Эта фраза, видимо, глубоко задела Бродского. Очевидно, подставляя «критик» на место «поэт», он не раз с возмущением повторял: «Они думают, что могут начертить карту чужого сознания!». Мы надеемся, что в нашей книге таких бестактных и бесполезных попыток нет» (2002, с.9). Именно поэтому в приведенном параграфе нет классификаций, систематизаций, таблиц и схем, которые могли быть поняты как «бестактные попытки» «начертить карту сознания» поэта, но, преимущественно есть авторский текст, демонстрирующий беспредельность возможностей языка и таланта. Вместе с тем, как пишет американская исследовательница В. Полухина, он часто обращался к студентам: «Найдите в этом стихотворении код к

расшифровке личности автора...», а излюбленной фразой Бродского, с которой он часто обращался к студентам и исследователям-филологам, была: «Говорите, что хотите, со стихотворением ничего не случится» (Полухина: 1998, с. 58).

И именно в этом ключе, пытаясь проследить сплетение возможных смыслов языковых знаков, из которых выкраивается метафизическое время поэта, здесь была сделана попытка работы с авторским текстом при анализе процессов концептуализации одного из ключевых понятий мировосприятия Бродского.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что языковое мышление индивида носит эгоцентрический характер. Образ времени существует как перцептивная данность, которая имеет объективное и субъективное начало. Временная последовательность, основанная на сложившихся в культуре моделях восприятия упорядочивания смены событий, может носить индивидуальный, эгоцентрический характер, включая обусловленность субъективным опытом восприятия понятий «прошлое», «настоящее» и «будущее». Время для человека связано с жизнью, которую он проживает. Поэтому исследование концептуализации понятия «время», отраженное в фактах языка, не может вестись вне связи с человеком – носителем темпорального опыта. Человек «всегда остается точкой отчета для любого события, которое не безразлично для его мышления, сознания, эмоционально-оценочного переживания» (Чугунова: 2009, АДД).

Образ времени как образ движущегося и изменяющегося мира относится к числу наиболее общих, универсальных категорий человеческого сознания и культуры. Объективное время вненационально, однако данные различных языков свидетельствуют о том, что отношение к феномену времени отличается в различных культурах. Сказанное, подтвержденное семантической плотностью данного концептуального множества, позволяет рассматривать концепт «время» в ряду опорных, базовых концептов национальной картины мира, содержащих как универсальное осмысление понятия, так и национально-культурный компонент значения и специфику его концептуализации.

Заключение

Развитие современной лингвистики охарактеризовано ярко выраженной тенденцией расширения ее границ, возникновением новых теорий и направлений, которые лапидарно могут быть представлены как исследование глубинных процессов взаимосвязи языка, мышления и культуры. Решение этой глобальной проблемы в новейшем языкознании ведется с позиций когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этно- и социолингвистики, психолингвистики, а также находящейся в стадии становления новой отрасли знания – лингвистической концептологии. В поиске методов адекватного научного описания и объяснения языковых феноменов лингвистика все чаще оперирует данными смежных наук, что, в свою очередь, объясняет интердисциплинарность и синергетичность методов современного лингвистического анализа.

Основополагающим принципом современной лингвистической концепции является антропоцентризм: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Степанов: 2002, с. 15). Признается, что человек формируется и развивается в пространстве языка и культуры, что носитель языка является одновременно и носителем культуры, и это единство реализуется в национальной языковой картине мира, отражающей специфику категоризации мира средствами данного языка. Язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса, но выявление национально-культурной специфики возможно только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к инвариантному образу мира.

Языковая картина мира изучается как динамическая система дискретных ментальных образований. Структуры знания, которые зафиксированы в языке, – это естественные структуры опыта, осмысления, категоризации и оценок мира, которые разделяют все члены данного языкового сообщества. Процессы категоризации и концептуализации знаний о мире изучаются через анализ языковых данных, что восходит к провозглашенному В. фон Гумбольдтом: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» (Гумбольдт: 1985, с. 379). Язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, поэтому процесс изучения языка – это косвенное изучение познания.

В современном научном дискурсе познание (когниция) трактуется не только как процесс, с помощью которого происходит восприятие, категоризация, мышление, обработка информации. Когниция включает также осознание и оценку человеком самого себя в окружающем мире, построение особой картины мира, составляющей основу для

поведения и ориентации. Поэтому центральной задачей лингвокогнитивных исследований является изучение процессов конструирования значений и сверхглубинной семантики языковых форм, формирование и динамическая составляющая которых связана с концептуализацией знаний. С лингвистических позиций, исследование процесса концептуализации сосредотачивается на языковых формах экспликации понятийных структур, которое сквозь призму языковых форм позволяет теоретически организовать материал, выстроить схему связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов, продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей. В качестве такой гипотезы, наиболее востребованной в различных направлениях современной лингвистики, рассматривается научная абстракция – концепт. Существенно, что именно в этом термине сходятся предметные области нескольких научных направлений: когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии, «определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями» (Воркачев: 2003, с.5-12).

Концепт имеет чисто когнитивный статус и не существует вне мышления. Это – единица сознания, имеющая языковые проекции и позволяющая лингвистическими методами моделировать и описывать единицы национального когнитивного сознания. Содержание вербализованных концептов становится доступным благодаря анализу семантики слов, фразеологических единств, коллокаций, содержащих различные эксплицитные и имплицитные признаки концепта. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. Предполагается, что объем лексического значения слова, которое вербализует концепт, как правило, гораздо меньше, чем потенциально заложенные в данном концепте смыслы и значения. В плане выражения концепт может быть представлен целым рядом своих языковых реализаций, которые образуют соответствующую лексико-семантическую парадигму и формируют понятийную основу концептуального множества. Концепт номинируется словом, которое наиболее адекватно и полно передает его содержание. Семантическая плотность концепта является его аксиологическим показателем в данной культуре. В научном дискурсе термин «концепт» все еще не имеет однозначного толкования, а теоретико-методологическая база его исследования находится в стадии становления.

В диссертационной работе концепт понимается **как абстрактная конструктивная сущность, моделируемая языковыми и ментальными стимулами; как лингвоментальное культурно-значимое множество в коллективном и индивидуальном сознании, отраженное языковой формой; как результат процесса**

концептуализации, который в вербализованном виде фиксируется в фактах языка. Он соотносится с категориями понятия, значения и смысла, мотивированных не только логикой познания, но и культурой, в которой они формируются.

Отталкиваясь от идеи о конструктивной сущности концепта и на основании разработанной в современной лингвистике методологии изучения концептов, в данной работе была предпринята попытка сконструировать теоретическую модель концепта «время» как отражение концептуализации одноименного понятия в русском языковом сознании. В процессе работы с языковым материалом мы опирались на комплексный подход: синтез семантико-когнитивного и лингвокультурологического методов. Такой подход к объекту анализа связан не только с известной условностью границы между этими методами, но, прежде всего, с тем, что проследить путь от семантики языковых единиц к их когнитивной интерпретации не представляется возможным вне учета факторов, мотивированных культурой. Понятие «время», свернутое в имени концепта, является древнейшей универсалией культуры; его освоение сознанием менялось и трансформировалось по мере совершенствования самого познания. Время – в высшей степени абстрактное понятие. Оно является одним из базовых в науке, философии и культуре. Время относится к разряду ключевых понятий, составляющих «каркас» картины мира. Модели его восприятия тесно связаны со всем социокультурным комплексом определенной эпохи, вместе с которой они эволюционируют.

Для выявления особенностей процесса концептуализации понятия «время» в русском языковом сознании, мотивированных данной культурой, в диссертации предложен пошаговый алгоритм описания лингвокультурного концептуального множества.

- Первый этап: синопсис анализа «культурной информации» и конструирование модели-схемы культурной эпистемы «время».
- Второй этап: Анализ ключевого слова, которое номинирует концептуальное множество наиболее концентрированно и адекватно: а) анализ лексического значения и внутренней формы; б) анализ этимологии; в) анализ и когнитивная интерпретация словообразовательного гнезда; г) установление моделей узуальной метафоризации; д) анализ ассоциативно-вербальных связей на стимул «время»; е) анализ аксиологических и прагматических установок, связанных с понятием «время».
- Третий этап: конструирование структуры концепта и моделирование концептуального поля: а) определение параметров фреймового поля лингвокогнитивного концепта «время»; б) установление базового чувственного образа и семантического параметра; в) конструирование модели-схемы лингвокогнитивного концепта «время» в

соответствии с выделенными когнитивными классификаторами и предположительными уровнями концептуализации понятия;

- Четвертый этап: установление количества единиц, формирующих данное лингвоментальное множество; установление семантической плотности и лингвистическое описание когнитивных классификаторов.

- Пятый этап: анализ процессов концептуализации понятия «время» в идиолекте языковой личности (в диссертационной работе этот аспект исследован на материале языка И. Бродского).

Предложенный способ организации исследования позволил выстроить схему связи понятий, вписывая одно знание в другое, и сформулировать гипотезу о процессах концептуализации понятия «время», отраженных в фактах русского языка.

Данные об онтологическом статусе времени были сведены к следующему: в большинстве ареалов культуры время концептуализировалось в виде двух универсальных моделей, циклическое и линейное время, соответственно представлениям о феномене на разных уровнях эволюции человечества. Как исторически промежуточное между циклическим и линейным, может быть выделено и «разом данное время», модель-представление о времени, «когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека» (Степанов: 2003). В современной культуре существует феномен, названный «переоткрытие времени» (Пригожин: 1999). Время начинает пониматься не как преемственность и последовательность событий прошлого, настоящего и будущего; оно все больше воспринимается как форма, освобожденная от предметного содержания. Время конструируется как симулякр, призрачность, факт сознания, процессуальная призрачность. В работе эта модель названа «конструируемое время».

На основании культурологического анализа эволюции концептуализации понятия «время» в сознании человека от архаического периода до наших дней, в работе (по полевому принципу) выстроена **культурологическая** модель его концептуализации. В качестве ядерного признака определен базовый чувственный образ **«процессуальный модус бытия»**. Когнитивные классификаторы – названия типов времени в сознании: *циклическое, разом данное, линейное, конструируемое*. Способы восприятия и категоризации времени выражаются в языке, отражая систему взглядов, «наивную коллективную философию» его носителей. Научное знание развивается и может устаревать, в то время как обыденное знание, закрепленное в пространстве языка, передается от поколения к поколению в виде установок, норм, ценностных оценок, о чем свидетельствуют факты языка.

Анализ материала дал основание для выдвижения гипотезы: ни одна модель, будучи вытеснена в сознании новой, не исчезает из него полностью; они взаимопроницаемы, могут перемещаться в периферийные зоны, но продолжают влиять на конструирование образов времени. Модель-схема культурной эпистемы «время» была положена в основу моделирования научной абстракции, имеющей привязку к языковому сознанию – лингвокультурного концепта «время».

Исходной установкой лингвистического аспекта анализа процессов концептуализации понятия «время» было следующее: временные представления связаны с мировоззрением, обыденным сознанием, с реальной жизнедеятельностью людей; от чувства времени человек продвигается в процессе познания к понятию времени, и это находит отражение в языке; понимание времени человеком стремится к объективному, но всегда содержит субъективное начало; понятие «время» выводится в обыденном сознании из ощущений: время в человеческом сознании связано как с опытом использования слова, номинирующим понятие, так и с опытом деятельности, стоящим за этим словом.

Концептуальное множество, объединенное сложными смысловыми, понятийными, образными, ассоциативными связями, номинируется словом, в котором осуществляется «материализация» идеи, понятия и культурных «сгустков» сознания. Отталкиваясь от мысли Ю. С. Степанова о неслучайности «именования», о синонимизации «слов» и «вещей» в духовной культуре, образующих «концептуализированные области», в диссертации приведен анализ семантического наполнения и внутренней формы ключевой лексемы концептуального множества «время» на материале словарей русского языка, Словообразовательного словаря русского языка, Фразеологического словаря русского языка, данных Национального корпуса русского языка, Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен. Анализ этимологии слова представлен на материале Этимологического словаря русского языка А. Г. Преображенского (1959), Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (1986) и Словаря констант русской культуры Ю. С. Степанова (2003).

Обращение к толковым и этимологическим словарям языка дало возможность получить максимально расширенную картину языковой презентации данного концепта и историю его формирования. Лексема «время» представлена в МАС-е шестью ЛСВ, в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова зафиксировано семь ЛСВ, в БТС-2000 – четыре, в Новом словаре Т. В. Ефремовой – восемь.

Анализ значений, которые выделяются в словарях для лексемы «время», позволил сделать следующие выводы. Несмотря на варьирование семантического спектра, который связан с социокультурным контекстом составления отдельного словаря, в них совпадают

основные компоненты значения: *длительность бытия и его мера; отрезок времени; момент; период; связка «время-пространство»; последовательность; грамматическая категория глагола.* За исключением Словаря Вл. Даля, в словарях одинаково ограничено представлена информация об оценочном и эмоциональном компоненте значения. Информация, которая содержится в словарях, как наиболее общие и отличительные свойства времени, осмысленные русским языковым сознанием, фиксирует следующие векторы концептуализации понятия «время»: *последовательность, дискретность, связь с пространством, связь с событиями, измеряемость, существование шкалы времени.* Отметим, что в Словаре Ефремовой с пометой «разг.» фиксируется отсутствующее в других источниках: «Показатель скорости движения спортсмена при беге, заплыве и т.п. на определенную дистанцию (в спорте)». Во всех словарях отсутствует информация: а) о том, что из перечисленного ряда наиболее значимо в сознании носителей языка, поскольку, полагаем, нумерация ЛСВ, за исключением основного значения, выделенного авторами как центральная дефиниция, носит в определенной степени условный характер; б) с какими денотатами ассоциируется в сознании носителя языка значение «время» внутри его смыслового поля; в) о влиянии культурного контекста на эволюцию значений и их оценок.

Анализ ключевого слова на диахроническом уровне позволил обобщить: А. Г. Преображенский и М. Фасмер считают этимологом слова «время» колею, рытвину, дорогу, путь, след от колеса. Ю. С. Степанов добавляет к перечисленному: «вращать, вращаться»; в его реконструкции появляется смысл «круговорот»: «рус. *время* отражает архаическое представление о времени как о «круговороте», получившее в культурологии название «циклическое время», противопоставленное «более новому /.../ – «линейному времени». (2003, с. 117). На вероятность этого смысла как на гипотезу указывал и А. Г. Преображенский: «вращение, коловращение» (1959). В этой связи представляется важным подчеркнуть, что в современном русском языке фиксируются связки «коловорот жизни», «коловорот событий». Резюмируя, можно сказать, что имя концепта «время» в русском языке восходит к наиболее архаической, универсальной для человеческого сознания модели «циклическое время». Модель «линейного времени», содержащаяся в словарной дефиниции (например, отрезок, момент), вовлекается в концептуализированную область значительно позже. Вместе с этой моделью концептуальное поле начинает расширяться благодаря взаимодействию темпоральных и пространственных категорий; оно охватывает осмысление «начала и конца» в их отношении к целому (например, период, эпоха). Время ассоциативно связывается в сознании с метафорой «путь», например: *вступить в жизнь, пройти жизненный путь, перейти в мир иной, идти по жизни* и т. п. Расширяясь,

концептуальное поле фиксирует и осмысление шкалы координат: прошлое, настоящее, будущее; определяется местонахождение человека на линии времени: прошлое – позади, временная точка экзистенции – настоящее, но все помыслы человека устремлены вперед, к будущему.

В работе впервые предложен лингвокогнитивный анализ словообразовательной деривации ключевой лексемы. Выявлено, что особенностью русского языкового сознания является следующее. Время в значениях ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4 может быть сведено к ласкательному «времечко», что зафиксировано в МАС-е: «Разг. Ласк. к время (в 1, 2, 3 и 4 знач.)». С формальной точки зрения, образования этого типа, как указано в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), мотивированы существительными и «обозначают усиленную степень ласкательности». Следовательно, в потоке времени русское языковое сознание фиксирует такую временную точку, которая на обыденном уровне материализуется в форме «времечко», и это является оценочной характеристикой, концептуализированным смыслом, который имеет соответствующий знак в языке. В соответствующем контексте «времечко» может быть и иронично воспринимаемым: например, название программы «Времечко» как альтернатива тогда злободневной информационной программе «Время». Смысл, концептуализированный в деривате, формируется как субъективно воспринимаемое время. В результате исследования было обнаружено, что из 89 дериватов, объединенных в гнездо «время» в Словаре Тихонова, двадцать восемь единиц не зафиксировано в МАС-е, два фиксируются в словаре Ушакова, БТС-2000 фиксирует шесть, Словарь Ефремовой – двенадцать, например: *времена, временнообязанный, повременщица, пространственно-временной, несовременно* и др. Установлено, что в словообразовательном гнезде «время» в Словаре А. Н. Тихонова отсутствуют широко востребованные в узусе дериваты, например: *заблаговременный, заблаговременно*.

Выявлены дериваты, которые зафиксированы в Словаре Даля, но на синхронном уровне уже не участвуют в структурировании концепта «время»: 1) в современной русской языковой картине мира утрачен смысл, передающийся формами *временится – не временится* «безличн. (как напр. *делается, сидится*)». Утрата деривационной формы *временится – не временится* понимается нами как переход в языковом сознании от одной системы представлений к другой: от неконтролируемости *временится – не временится* к стремлению контролировать, что формально выражается в узуальных клише: *у меня нет времени, постараюсь выкроить время, найти время, выделить время* и т.п.; 2) из языковой картины мира исчезли артефакты *временное* (сущ. ср. плотное, рубашечное, месячное) и *времямер* (снаряд для измерения времени), соответственно, из узуса исчезли

их номинанты; 3) смыслы, передаваемые дериватами *временчивый* → *изменчивый*, *непостоянный*, *нерешительный*, *изменчивый*, *неровного нрава*, *причудливый*; *временчивость* → *изменчивость* можно рассматривать как эмоциональные коннотации, которые в процессе когнитивной деятельности языкового сознания оказались на уровне синхронии за пределами области, концептуализированной понятием «время»; 4) смысл, передаваемый дериватом *временитель* → *мешкатель*, *медлитель*, *о медлительном человеке* в современном языковом сознании передается калейдоскопическим набором признаков, которые содержатся в единицах: *флегматик/флегма*, *рохля*, *тюфяк*, *копуша*, *неповоротливый*, *неуклюжий* и т. п. Соответственно, можно говорить о переходе фрагмента концептуального поля «время» в зоны, покрываемые другими концептами, например «медлительность»; 5) семантическая транспозиция фиксируется в формально сохранившемся в современном русском языке деривате *временной*. Но если по данным Словаря Даля этот мотивированный знак служил для передачи концептуализированного смысла «преходящий, кратковременный, сделанный на время», то в современном языковом сознании функционирует: «Определяемый временем (как категорией мысли)» (Словарь Ушакова). Таким образом, в языковой картине мира фиксируется научное освоение времени, релевантное обыденному сознанию; 6) в современном русском языковом сознании существует дериват *временщик*, который передает концептуализированный смысл: «Человек, достигший власти и высокого положения в государстве благодаря случайной близости к царю или царице, фаворит» (Словарь Ушакова). Однако в Словаре Ефремовой данный смысл фиксируется уже в качестве ЛСВ2 лексемы *временщик*, а главным значением, несмотря на стилистически ограничивающую помету, становится: «**И** вр`еменщик *м. разг.* Временный житель, работник и т.п.». Следовательно, в современной русской картине мира можно проследить явления трансформации в когнитивном осмыслении реалий: моральный признак, зафиксированный в деривате *временщик*, отступает на периферию, уступая место прагматическому, актуальному в новых социальных условиях. Выявленное является показателем того, что связь между когницией и социокультурным окружением может быть верифицирована и на уровне словообразовательной системы языка.

Когнитивная интерпретация результатов анализа словообразовательного гнезда позволила выявить возможности семантического варьирования концептуальных признаков понятия «время» и области их приложения в языковой картине мира, выстроенной русским национальным сознанием. Количественный аспект элементов словообразовательного гнезда свидетельствует о его большой активности в узусе, подтверждая уже на уровне словообразовательной системы место анализируемого

понятия в русском языковом сознании. Анализ демонстрирует динамические изменения в анализируемой понятийной системе, которые мотивированы семантикой ее ключевой лексемы, семантической матрицей «время» в русском языковом сознании.

Детерминация концептуальных смыслов ключевой лексемы в исследовании проанализирована и на материале моделей узуальной метафоризации «время». Метафоризация ключевой лексемы концепта «время» в русском языковом сознании основывается на культурных кодах: антропоморфном (*время бежит, ползет* и т.п.); пространственном (*отрезок времени, линия времени* и т.п.); предметном (*река времени, поток времени* и т.п.); теоморфном, божественном (*время накажет, время рассудит* и т.п.).

Установлено, что с точки зрения частотности, наиболее продуктивным для материализации идеи времени в русском языке является пространственный образ и его языковые экспликатеры: *отрезок времени, промежуток времени, линия времени, путешествовать во времени*, и т.п.; символика уподобления времени потоку, реке: *река времени; время течет* и т.п.; его измерение в узуальных генетивных метафорах со значением множественности, в которых опорным компонентом являются номинаторы водных пространств: *бездна времени, океан времени* и т.п.

Выявлено, что в русской языковой картине мира допускается искажение привычных темпоральных моделей, смещение перспективы при осмыслении события на временной шкале. Концептуализируя время, языковое сознание не только продуцирует темпоральность, но и аннулирует ее: *убить время*. С позиций длительности и направленности время метафоризируется в моделях: *ход времени, бег времени, время остановилось* и т.п. Как промежуток, период, время задается метафорическими конструкциями: *время тревог, время надежд, время раздумий; время начинается, время кончается, время истекло, время вышло*.

Метафорический механизм, заложенный в переосмыслении лексемы «время», вбирает в себя разные исторические пласты развития русской временной картины мира от архаичного *время бежит* до новейшего *бюджет времени*. С точки зрения лингвокультурологии, внимания заслуживает тот факт, что метафоризируясь, денотат понятия может вписываться как в циклическую, так и линейную модель времени.

Анализ ассоциативно-вербальной модели «время» проводился в два этапа. Первый – на базе данных ассоциативных словарей русского языка. Установлено, что наиболее частотными ассоциациями на стимул «время» в русском языковом сознании являются: 1. час/часы; 2. деньги; 3. бег/летит; 4. пространство; 5. жизнь. Интересно отметить, что если в Словаре 1977 года отмечается частотность ассоциации «свободное» (относительная

частота – 4.52), то уже в новых реалиях его относительная частота 0.97. Противоположный процесс отмечается в ассоциации «деньги»: в словаре 1977 года частотность – 6.03; в словаре 2002 года – 13.59. Данный факт наглядно иллюстрирует влияние культурного и социального контекста на восприятие человеком ориентиров бытия.

Второй этап – на материале результатов специально разработанного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие 80 носителей русского языкового сознания, из которых: мужчин – 38, женщин – 42. Информативная группа состояла из представителей двух возрастных категорий; образование: 70 процентов лица с высшим образованием, 30 – со средним образованием. Выявлены следующие чувственные, эмоциональные, оценочные и прагматические ассоциаты, которые распространяют когнитивное поле концепта и не всегда фиксируются толковыми словарями: 1) время в сознании связано не только с единицами, но и с механизмами его измерения (реальными или воображаемыми): *часы, будильник, таймер, секундомер, табло, счетчик, фотоаппарат*; 2) определенный отрезок жизни ассоциативно связан с ключевым для этого периода образом сознания, с тем, что/кто требует максимум времени: *больница, болезнь, школа, университет, друзья, работа, соревнование, деньги, компьютер, социальные сети*; 3) время всегда оценено и эмоционально окрашено: *учебное, опасное, плохое, страшное*; 4) наделено свойствами живого существа, либо сравнивается с человеком: *улетает/улетучивается, возвращается, помогает, лечит, бездушно*; 5) делится на периоды жизни: *детство, рождение, зрелость, старость, студенчество, стаж, пенсия*; 6) связано с естественными циклами: *ночь, день, сутки, утро года, подъем/отбой, осень жизни/ утро жизни*; 7) непостижимо: *вечность, бездна, космос, галактика, пропасть, тьма, невидимо*; 8) ассоциируется с жизнью и смертью, с пространством, кругом; *размерено/отмерено*. Проведенный анализ демонстрирует системность связей полученных реакций на стимул «время», поскольку каждый из ассоциатов эксплицитно/имплицитно содержит прототипический элемент концепта «время», удерживающий элементы в пределах данного множества. Вместе с тем, ассоциативный анализ наглядно подтверждает гипотезу о динамической природе концептуальных связей, которые служат опорами при конструировании ментального образа времени, имеющего как объективное, так и субъективное начало.

Анализ паремий, содержащих ключевую лексику, позволил выявить ценностную характеристику концептуализированного понятия, сформированную в русском языковом сознании. Полученные данные сведены в обобщающую таблицу. Установлено, что лексема «время» и ее словоформы достаточно широко представлены в русских паремиях

(всего 150), которые охватывают практически все аспекты человеческой жизни. В текстах паремий встречаются антонимические утверждения, касающиеся сходных по смыслу жизненных ситуаций: они могут определять поведение человека в конкретных обстоятельствах, либо его отношение к заданной ситуации, входящей в концептуализированную область. Большой корпус пословиц и поговорок отражает осмысление времени как самой большой ценности, отсюда вытекают стереотипные утверждения и сентенции, прагматические установки и нормы поведения с обобщающим смыслом: время надо беречь, нельзя быть праздным, нельзя терять время. Время в русской лингвокультуре концептуализируется как самая большая ценность, оно дороже денег и золота: *«Время деньги дает, а на деньги времени не купишь»*. Частотны паремиологические тексты, в которых прослеживается связь с Евангельскими изречениями. В когнитивную базу понятия «время» входит целый ряд утилитарных сентенций, предписывающих человеку в качестве нормы поведения смирение перед несправедливостью жизни, принятие бремени, которое несет с собой время. Частотность паремий с такой коннотацией позволяет зафиксировать тяготение русского языкового сознания к пессимизму и фатализму при концептуализации данного фрагмента картины мира. Вместе с тем, встречаются паремии, апеллирующие к чувству юмора и содержащие ироничные коннотации, например: *«Есть время работать, есть и веселиться»*; *«Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем»*.

С позиций лингвокультурологии, заслуживает внимания выявленное в процессе анализа преобладание линейной модели времени над циклической. В процессе выборки материала была встречена паремия, в которой можно проследить реализацию модели «разом данное время»: *«Время за нами, время перед нами, а при нас его нет»*.

Фреймовое поле концепта моделировалось на основании данных психологии, в которой признается, что образы времени для человека конструируются: а) как относящиеся к внешним предметам и объективным процессам; б) как относящиеся к субъективным (внутренним) процессам (Современная психология: 2001).

Установлено, что образная сторона, отражающая восприятие объективных темпоральных процессов, тяготеет к сознательному, осмысленному. В языковом сознании хранятся образы конструктов времени, поддающиеся расчленению на ритмы и фазы (*секунды, эпохи, стадии, сутки* и т.д.), конструкты локализации предметов на линии времени (*сейчас, давно, вчера, завтра, до н. э. и т.д.*), конструкты, связанные с его направлением на шкале времени («стрела времени», позиция «Я-говорящего» по отношению к прошлому и будущему: впереди – позади). А образы субъективных ощущений, даже будучи построенными на общепринятых единицах членения времени,

наполняются конкретным предметным содержанием. Лексический фонд русского языка располагает арсеналом «готовых» узуальных образных коллокаций для экспликации субъективных ощущений восприятия времени: *время тянется, ползет, летит* и т.д. Фреймы субъективного восприятия времени отражают «прочувствование» протекающих событий.

Модель фреймового поля концепта «время» объединяет рациональное и интуитивно уловленное в образе-символе «время», которое актуализируется в конкретной ситуации речевого общения. Фреймовое поле условно поделено на две полусферы: фреймы восприятия объективного/субъективного времени. В качестве базового чувственного образа определяется тот же инвариант, который в нашей гипотезе структурирует модель универсальной культурной эпистемы «время»: **«процессуальный модус бытия»**. Параметры концептуального поля задаются его фреймовым полем, поскольку концептуализация понятия связана как с образной, так и с понятийной и смысловой стороной явления.

Для лингвистического исследования принципиально важным было определение семантического параметра концептуального множества, выполняющего функцию системообразующего элемента. Этот параметр был выведен на основании сопоставления дефиниций лексемы «время» в толковых словарях русского языка и их последующего компонентного анализа: *мера + последовательность + длительность (чего?) всего происходящего, существующего = мера длительности всего происходящего, существующего (бытия)*⁵⁵.

Таким образом, в нашей гипотезе лингвокогнитивное множество «время» объединяет языковые единицы на основании эксплицитно или имплицитно выраженного базового чувственного образа «процессуальный модус бытия» (образы сознания) и семантического параметра «мера длительности всего происходящего, существующего» (аспект вербализации комплекса значений и осмысления оценки явления).

В центре концептуального (фреймового) поля находится базовый чувственный образ/семантический параметр «процессуальный модус бытия»/«мера длительности всего происходящего, существующего», установленный в работе в качестве прототипа для моделируемого концептуального поля. Данное множество – это понятийная и образная система, которая в исследовательских целях представлена в виде схемы-конструкта концепта «время». Модель конструируется как когниция времени, отраженная в русском языковом сознании, как фрагмент картины мира, преломленный в языке.

⁵⁵ Компонентный анализ в работе основан на дефиниционном анализе выявления сем; исследовательское поле расширено за счет сопоставления данных всех привлеченных к исследованию толковых словарей.

Путем сплошной выборки из вышеназванных академических словарей и Фразеологического словаря русского языка под ред. А. И. Молоткова (1967) отобрано 824 языковые единицы, эксплицитно или имплицитно (в этом случае применялся метод компонентного анализа и лингвокогнитивной интерпретации), содержащие установленный прототипический системообразующий, элемент. В это число не вошли глагольные лексемы, гипотетически структурирующие классификатор «временная отнесенность глагола, процесс и результат» (основания подробно изложены на с. 129-130 настоящей работы).

Концепт «время» моделируется как сложный, поэтому в его структуре выделен базовый когнитивный слой и последующие условные уровни, отражающие степень развития абстракции при моделировании фрейма «время». Установлено, что ряд языковых единиц может одновременно относиться к двум и более когнитивным классификаторам (верифицируется данными компонентного анализа, контекстуальным анализом прецедентных текстов, результатами интроспекции и интервьюирования информантов – носителей русского языка). Поэтому общее количество языковых единиц не может быть равно сумме единиц каждого отдельного классификатора. Единицы, тематически объединенные в классификаторы, приведены общим списком с последующим частеречным и квантитативным анализом (интралингвистический ракурс); лингвокультурологический аспект – анализ концептуализации понятия «время» относительно моделей, представленных в культурной эпистеме «время»; лингвокогнитивный аспект – анализ когнитивных уровней при концептуализации понятия.

От ядра, в центре которого находится прототипический элемент, отходят 10 сегментов – условных классификаторов, каждый из которых высвечивает в феномене «время» различные ракурсы его осмысления в данной культуре: 1) мера длительности времени: *месяц, неделя, понедельник, сутки, фаза и т.д.*; всего 250 единиц. Семантическая плотность классификатора свидетельствует о его большой активности в узусе; 2) временной порядок в последовательной смене событий и природных циклов: *май, зимний, завтрак, зрелость и т. д.*; всего 210 единиц; охарактеризован диапазоном частеречной отнесенности единиц; 3) *время относительно какого-л. факта, события: рано, каникулы, канун и т.д.*; всего 181 единица; классификатор характеризуется большим количеством входящих в него фразеологизмов; 4) повторяемость событий и фактов: *временами, порою, постоянный и т.д.*; всего 84 единицы, преобладают наречия; 5) временная точка события: *утром, Рождество, на сносях*; всего 136 единиц; все слова даны в прямых значениях, образный компонент передается фразеологизмами; 6)

календарное время: *неделя, год, будни, считанные дни и т.д.*; всего 74 единицы; 7) отрезок времени и его оценка: *денек, зимушка, черный день и т.д.*; всего 59 единиц; все слова даны в прямых значениях, образный компонент передается фразеологизмами; 8) эпоха, период в истории: *эра, современность, кампания, при царе Горохе и т.д.*; всего 56 единиц; 9) жизнь и ее периоды как процесс во времени: *молодость, детство, старение, на склоне жизни и т.д.*; всего 185 единиц; 10) временная отнесенность глагола, процесс и результат. Все единицы, формирующие классификаторы, находятся преимущественно на условном I и II уровнях абстракции, что не предполагает сложных лингвоментальных процедур в сознании языковой личности.

Семантика проанализированных языковых единиц выражает многочисленные семантические, образные и оценочные нюансы, обусловленные не только сложностью значений отдельных слов, но, прежде всего, самой категории времени. В фреймовом поле концепта прослеживается перевес в сторону зоны «фреймы субъективного восприятия времени», что релевантно и для номинаторов объективных временных фрагментов в конкретном когнитивном контексте.

С позиций реализации моделей культурной эпистемы «время», отобранный языковой материал подтверждает синкретичность языкового сознания, что проявляется в тенденции к совмещению в языковых образах-концептуализаторах понятия «время» двух базовых моделей – циклической и линейной. В процессе работы был выявлен языковой факт, концептуализированный по модели «разом данное время»: *между жизнью и смертью*, который наряду с паремией *Время за нами, время перед нами, а при нас его нет* подтверждает гипотезу о правомерности существования в языковом сознании модели времени, концептуализированной как время, данное сознанию в одновременности.

Проведенный в исследовании анализ подтверждает и тезис о том, что концепт не может быть ограничен «буквальным» смыслом.

Особенности концептуализации понятия «время» в идиолекте языковой личности проанализированы на материале текстов И. Бродского, в которых время является одним из ключевых понятий авторского мировосприятия. Анализ текстов, привлеченных к исследованию, демонстрирует перевес форм прошедшего времени глагола. А будущее время в авторском идиостиле тяготеет к наращению негативной коннотации, например: *«И перо за тобою бежит вдогонку. Не догонит!»* («Слава»); *«...Не будет звезд над головой»* («1 января 1965 года»); будущее приравнивается грядущему, которое поэт рифмует с удушьем: *«...свои лучшие мысли и дням грядущим//я дарю их как опыт борьбы с удушьем»* («Я всегда твердил, что судьба – игра»). Сконцентрированность на прошлом, уже свершившемся, прошедшем, а не на будущем, прослеживается и в частотности

наречия времени *уже*, что также может быть отнесено к особенностям авторской концептуализации времени: «Здесь, на земле//уже ни в ком// не видя места...» («Воспоминания»); «Это – уже старение» («Виктору Гольшеву»).

Условное концептуальное поле «время» в идиостиле И. Бродского может дробиться на классификаторы, преимущественно концептуализированные в условной зоне фреймы «субъективного восприятия времени», например: Время – смерть; Время – жизнь; Время – жизнь и смерть; Время – пространство; Время – вода; Время – миф; Время – мгновенье; Время – вечность; Время – одиночество; Время – пустота; Время – циферблат – человек; Время – маятник – человек; Время – календарь; Остановленное время; Немое время и т. д.

Результаты анализа свидетельствуют, что временная последовательность, основанная на сложившихся в культуре моделях восприятия упорядочивания смены событий, может носить индивидуальный, эгоцентрический характер, включая обусловленность субъективным опытом восприятия понятий «прошлое», «настоящее» и «будущее», например: *будущее – избыточность, тавтология, удушье; «Жизнь никогда не представлялась мне цепью четко обозначенных переходов; скорее она растет, как снежный ком, и чем дальше, тем больше одно место (или время) походит на другое».*

Сказанное подтверждает идею когнитивной лингвистики: фреймовое поле концепта объединяет рациональное и интуитивно уловленное в образе-символе, вектор концептуализации актуализируется в конкретном когнитивном контексте.

С позиций концептуализации моделей времени, образы, созданные Бродским, реализуют циклическую и линейную модели, но тяготеют к модели «конструируемое время». Для целей проведенного исследования существенно высказанное поэтом в одном из интервью: «На английском «Народ и партия непобедимы» звучит как чушь собачья. Другое дело на русском, на русском это звучит хорошо, подразумевается некий триумф, который одновременно ждет впереди и присутствует в настоящем⁵⁶, так что еще и с точки зрения времени⁵⁷ эта фраза непереводима» (Большая книга интервью: 2000, с. 542). В приведенной цитате интересно не только то, насколько тонко чувствует поэт связь языка и культуры, указывая, что образ мысли задается данным языком. Прежде всего, – здесь Бродский поэтическим «чутьем» уловил то, к чему путем научного поиска приходит выдающийся российский лингвист Ю. С. Степанов – существование в русском языковом сознании, так называемого, «разом данного времени».

⁵⁶ подчеркнуто нами, Э.З.

⁵⁷ подчеркнуто нами, Э.З.

Коллажность в «конструируемом времени» проявляется в том, что Бродский смешивает измерения, как отмечает Дж. Смит, это – типичная черта его мышления (2002, с. 96): *«Спи. Земля не кругла. Она// просто длинна: бугорки, лоцины.// А длинной земли – океан: волна//набегают порой, как на лоб морщины,// на песок. А земли и волны длинной// лишь вереница дней»* (Колыбельная Трескового мыса); *«Навсегда – не слово, а цифра//чи нули, когда мы зарастем травой, (умрем)//перекроют эпоху и век с лихвою»* («Прощайте, мадмуазель Вероника»); *«тело, помещенное в пространство,// пространством вытесняется»* («Открытка из города К*»); *«Чем незримей вещь, тем верней,// что она когда-то существовала// на земле, и тем больше она – везде»* (Римские элегии). А жизнь осознается как *«...синоним небытия и нарушения правил»*, чтобы *«смущать календари и числа//присутствием, лишенным смысла»* (Строфы). У зрелого Бродского время – это форма интенсивности мысли, сознания, жизни. Оно все больше освобождается от предметного содержания, от цикличности, от последовательности, заполняя высвобожденное пространство в сознании категорией, названной в постмодернизме, «нравственная ответственность». Выход за пределы круга цикличности: *«В твоих часах не только ход, но тишь.// Притом их путь лишен подобья круга»* («Новые стансы к августу»); *«...с допроса на допрос по коридору// в ту дальнюю страну, где больше нет//ни января, ни февраля, ни марта»* («Сонет»). *Ни января, ни февраля, ни марта* – нарушение цикла жизни, следовательно – смерть. *«Время создано смертью»* (Конец прекрасной эпохи). Нарушение связей линейного времени: *«Безмолвствует на стенке календарь»* («За окнами ни плоти, ни души»); *«Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря»* («Части речи»).

Так что же есть время, в чем смысл жизни и вещей? По Бродскому, то, что прекращает существование в пространстве, продолжается во времени: *«Что не знал Эвклид, что, сойдя на конус,// вещь обретает не ноль, но Хронос»* (Я всегда твердил...). И в этом смешении пространства и времени появляется *«пространство почти в сорок лет»*.

Синтез семантико-когнитивного и лингвокультурологического методов анализа позволил прийти к следующим выводам, обоснованным, в том числе, экспериментальным путем:

1) концепт «время» может быть определен как «ключевой концепт культуры» (Степанов, Вежбицкая), образующий ментальные изоглоссы в языке и культуре. Языковые единицы, которые репрезентируют его содержательное, эмоциональное и образное наполнение при лингвокультурологическом анализе демонстрируют реализацию универсальных базовых моделей концептуализации понятия «время», сформированных в процессе эволюции познания. Наряду с циклической и линейной моделями, в процессе

анализа зафиксированы и промежуточные модели концептуализации времени в русском языковом сознании: «разом данное время» (*между жизнью и смертью*) и «конструируемое время» (на материале текстов И. Бродского): *«Я приехал взглянуть на прошлое, не на будущее, ибо последнего здесь нет: оно... ушло отсюда на Север. Здесь есть только незавидное настоящее...»* («Путешествие в Стамбул»).

2) концепт «время» относится к опорным концептам русского языкового сознания, национальной картины мира (Мамардашвили) и базовым концептам индивидуального ментального лексикона;

3) моделирование концептуального поля «время» на материале русского языка свидетельствует о наличии целого спектра когнитивных классификаторов и различных уровней абстракции, вычленяемых в его структуре;

4) большинство единиц, формирующих фреймовое поле концепта, в конкретном когнитивном контексте могут реализовываться в условной полусфере «фреймы субъективного восприятия времени», что релевантно и для номинаторов объективных временных фрагментов. Когнитивный контекст может быть признан пространством, в котором происходит конвенционализация смыслов, аккумулированных в прототипе, через развитие логосхем, ассоциативных векторов и ментальные изоглоссы;

5) концепт не может быть ограничен «буквальным» смыслом; в семантический состав концепта «время» входит вся прагматическая информация, связанная с экспрессивной и иллокутивной функциями знаков, вербализующих различные ракурсы освоенного феномена;

6) концепт «время» – открытое лингвоментальное множество, что подтверждает анализ его ассоциативных связей в сознании носителей языка и анализ интерпретационного поля, определяемого в пределах когнитивного контекста.

7) концептуализация – это динамический процесс в языке и сознании, мотивированный сложным комплексом факторов; процесс концептуализации универсального понятия «время» в русском языковом сознании не является завершенным, о чем свидетельствуют данные современных словарей и реакции носителей языка на стимул «время».

Количество языковых единиц, отражающих концептуализацию понятия «время» в русском языковом сознании, может быть дополнено при укрупнении объекта исследования с применением методики, предложенной в диссертационной работе. Так, все единицы, вовлеченные в концептуализацию понятия «время» и структурирующие его концептуальное поле, которые были отобраны для анализа, относятся к условным I и II уровню когниции. Установление их связи с прототипическим элементом и семантическим

параметром концептуального поля, включая метафорические образы узуса, фразеологизмы и коллокации, не предполагает сложных лингвоментальных процедур в сознании языковой личности. Это относится и к единицам, которые сформированы в условной полусфере «фреймы субъективного восприятия времени».

Приведенные результаты исследования – опыт анализа фактов языка, мотивированных культурой и особенностями национального мировосприятия, в которых запечатлены этапы постижения феномена времени как формы самосознания человека.

Список использованной литературы:

- Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2005.
- Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Значение и смысл русских поговорок в свете когнитивной прагматики. // Известия Уральского государственного университета. 2010, №6 (85).
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1995.
- Арбатский Д. И. Толкования значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977.
- Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. М., 1981.
- Аркус Л. ...С Лидией Яковлевной Гинзбург. Последнее интервью. // Сеанс. 1991, № 2.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова Н. Д. Язык и цели. // Логический анализ языка: Модели действия... М., 1992.
- Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
- Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры. // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Арутюнова Н. Д. Время: модели метафоры. // Язык и мир человека. М., 1999.
- Арутюнова Н. Д., Кубрякова Е. С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности. // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
- Аскольдов С. А. «Концепт и слово». // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Афанасьева О. В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта... // Русская и сопоставительная филология. Труды и материалы. Казань, 2004.
- Байдак А. В. Анализ словообразовательного гнезда как один из приемов исследования концепта «смерть» в сеульском языке. // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010, №7 (97).
- Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика). // Вопросы языкознания. 1989, №3.
- Баткин Л. М. Тридцать третья буква. заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М., 1997.
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М, 1975.
- Белецкий А. Изображение живой и мёртвой природы. // Избранные труды по теории литературы. М., 1964.
- Белый А. Магия слов. СПб., М., 1910.

- Бенвенист Э. «Цивилизация. К истории слова»//Общая лингвистика. М., URSS, 2010.
- Бенвенист Э. «Раб и чужой», «Свободный человек»//Общая лингвистика. М., URSS, 2010.
- Блаженный Августин. Исповедь. М., 2001.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении//И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Ч. 1. М., 1963.
- Болдырев Б. В. К проблеме послелогов в тунгусо-маньчжурских языках//Языки коренных народов Сибири. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1999, №5.
- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания//Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2000.
- Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001а.
- Болдырев Н. Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц//Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001б.
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики//Вопросы когнитивной лингвистики. 2004, №1.
- Бродский И. «Никакой мелодрамы»//Континент. Париж, 1990.
- Бродский И. Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе. М., 1992.
- Бродский И. Трагический элегик. О поэзии Евгения Рейна//Рейн Е. Против стрелки часовой. М., 1993.
- Бродский И. Поклониться тени. СПб., 2000.
- Бродский И. Большая книга интервью. М., 2000.
- Бродский И. Письма римскому другу. СПб., 2002.
- Вайль П. «Рифма Бродского»//Л. Лосев и П. Вайль. Иосиф Бродский: труды и дни. М., 1998.
- Вардзелашвили Ж. А. Метафорические номинации в русском языке. Тб., 2001.
- Вардзелашвили Ж. А. Метафорическая картина мира в русском языке. АДД. Тб., 2002.
- Вардзелашвили Ж. А. «Внутренняя» сторона текста//Славистика в Грузии. Тб., 2004, №5.
- Вардзелашвили Ж. А. Идиоэтнические особенности интерпретации языкового знака. Гранада, 2010
- Вардзелашвили Ж. А. Культурная эпистема как модель сознания и проблемы вербализации смысла//Межкультурные коммуникации. Тб., 2011 №5.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вернадский В. И. Проблема времени в современной науке//Известия АН СССР. 7-я серия. ОМОН. N 4. 1932.

- Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. // Историческая поэтика. М., 1989.
- Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.
- Виноградов В. В. Типы лексических значений слова. // ВЯ, 1953, №5.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Волков С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
- Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремииологии. // Филологические науки, №3, 1995.
- Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Воронеж, 2002.
- Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин». // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003.
- Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005, №4.
- Выготский Л. Мышление и речь. М., 2001.
- Гажаева И. Д. Опыт концептуального анализа имени игра. // Филологические науки. М., 2000.
- Гайденко П. П. Время и вечность: парадоксы континуума. // Вопросы философии. М., 2000, № 6.
- Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
- Гак В. Г. Семантическое поле *конца*. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Гальперин И. Р. Глубина поэтического текста. // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. т. II, М., 1974.
- Hutchins, E. Cognition in the World. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995.
- Генис А. Частный случай. М., 2009.
- Генис А. Шесть пальцев. М., 2009.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Гоббс Т. Избранные сочинения. М.- Л., 1926.
- Гордин Я. Странник. // Бродский И. Избранное. М., 1993.
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков, М., 2001.

- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Гумбольдт В. Характер языка и характер народа.//Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1985.
- Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1995.
- Даль В. И. пословицы и поговорки русского народа. М., 2007.
- Делез Ж. Алфавит Жиля Делеза. М., 2003.
- Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века.//Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке.//Вопросы филологии. 2001, №1.
- Дзюба С. В. Субстанционная концепция времени Плотина.//Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. научных трудов кафедры философии МПГУ. М., 2003. Вып. XXIII.
- Докулил М. Словообразование в чешском языке. Прага, 1982.
- Damasio A. R. Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. New York, 1995.
- Damasio, A. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness Text.//A. Damasio. New York, 1999.
- Жоль К. К. Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.
- Журавлева З. Е. Иосиф Бродский и Время.//Реальность и Субъект, 2001, т.5, № 2.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Учебное пособие. Калинин, 1977.
- Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979.
- Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта.//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Зубкова Я. В. Пунктуальность.//Антология концептов. Волгоград, 2005.
- Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет.//Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
- Иваск Ю. И.Бродский. Стихотворения и поэмы.//Новый журнал. Нью-Йорк. 1995 №70.
- Казарян В. П. Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980.

- Казарян В. П. «Понятие времени в структуре научного знания»; электронный ресурс; режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/time/vpkazaryn1.html#_Тoc514412008; дата доступа: ноябрь-декабрь 2010.
- Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. М., 2002.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке.//Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск, 1996.
- Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов).// Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск. Вып.2, 1997.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке.//Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии.//Антология концептов. Волгоград, 2005.
- Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности.//Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кашкин В. Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть.//Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin, N.Y., 1999.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- Кравченко А. И. Культурология. М., 2001.
- Красухин К. Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики.//Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Красных В. В. Русское культурное пространство: концепт «сторона».//Русское слово в мировой культуре. Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Сб. докладов. Том I, СПб., 2003.
- Красовский Ст. Последняя надежда и другие стихи.//Части речи. Нью-Йорк. 1983/1984. № 4/5.
- Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Анн-Арбор, 1984.
- Крепс М. Поэтика Бродского. Нью-Йорк, 1986.

- Кронгауз М. А. Семантическая типология: время и пространство. // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
- Кронгауз М. А. Структура времени и значение слов. // Логический анализ языка. Избранное. М., 2003.
- Крючкова О. Ю. Когнитивный анализ словообразовательных гнезд. // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004.
- Кубрякова Е. С. Текст. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века. // Язык и наука в конце XX века. М., 1995.
- Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Куллэ В. А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957-1972). АДД. 1996.
- Лазарев В. В. К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею). // Вестник Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 1999.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- Лакофф Дж., Джонсон М. «Метафоры, которыми мы живем». // Теория метафоры. М., 1990.
- Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957.
- Листрова – Правда Ю.Т. Концепт Бог в языковом сознании русского народа // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. // Известия Академии наук СССР. серия литературы и языка. М., 1993.
- Лосев А. Ниоткуда с любовью... Заметки о стихах Иосифа Бродского. Париж, 1977, № 14.
- Лосев А. Первый лирический цикл Иосифа Бродского. Часть речи. Нью-Йорк, 1981/82. № 2/3.
- Лосев Л., Вайль П. Иосиф Бродский: Труды и дни. М., 1998.
- Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Лосев А. Ф. «Античная философия истории» электронный ресурс; режим доступа: http://society.polbu.ru/losev_philosophy/ch30_i.html; дата доступа январь - апрель 2009.
- Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы. Тарту, 1978.
- Лотман Ю. М. Две «Осени». М., 1994.
- Лотман Ю. М. Между вещью и пустотой. // О поэтах и поэзии. Спб., 1996.

- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода.//Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск, 1997. Вып.1.
- Мамардашвили М. Л. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тб., 1984.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Меркулов И. П. Когнитивная наука.//Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т.2. М., 2001.
- Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Милош Ч. «Борьба с удушьем»./Знамя. 1996, №12.
- Моррис Ч. У. Основания теории знаков.//Семиотика. М., 2001.
- Морозова И. А. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного эксперимента. //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Москвин В. П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова судьба): лексикографический аспект. Волгоград, 1997.
- Натадзе Р. Г. Восприятие и установка.//Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982.
- Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма.//Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998.
- Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии.//В кн.: А. Н. Крылов, Соч., т. VII, М.-Л., 1936.
- Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ слова. М., 1983.
- Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой.//А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Палашевская И. В. Концепт закон в английской и русской лингвокультурах. АКД. Волгоград, 2001.
- Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков) АКД. Волгоград, 1999.
- Парахонский Б. А. Стиль мышления: философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. Киев, 1982.

- Патера. Т. Словарь поэзии Бродского; A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky by Tatiana Patera; электронный ресурс; режим доступа: <http://www.diary.ru/~brodskiy-i-a/p33044319.htm>; дата доступа: апрель-май 2011.
- Певная Н. П. Концепт «одинокчество» в современном русском языке (флуктуация константы)». АКД. Тб., 2005.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
- Пильщикова И. *Debilitata Venus*. (Два стихотворения Е.А.Баратынского о старости и красоте).//В честь 70-летия профессора Ю.М.Лотмана. Тарту,1992.
- Пименова М. В. Методология концептуальных исследований.//Антология концептов. Волгоград, 2005.
- Плотин. О времени и вечности.// Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку.//Антология концептов. Волгоград, 2005.
- Попович М. В. Мироззрение древних славян. М., 1985.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности мира.//Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Потебня А. А. Мысль и язык. (1862).//Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.,1976.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1999.
- Прохвачева О. Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка. Волгоград, 2000.
- Рикер П. Время и рассказ. М., 1998.
- Рябцева Н. К. Истинность и субъективность в модальном контексте.//Логический анализ языка. Избранное. М., 2003.
- Селиванова Е. С. Когнитивная ономазиология. Киев, 2000.
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М., 1993.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. АКД. Волгоград, 1999.
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
- Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х томах. М., 1989.
- Соломоник И. Н. Язык как знаковая система. М., 1992.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики.//Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Старовойтенко Е. Б. Современная психология. М., 2001.

- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения.//Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989.
- Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта.//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Сусов А. А., Сусов И. П. Размышления о концептах.//Вестник Харьковского государственного университета им. В. Н. Каразина. Харьков, 2006, №49.
- Суслов И. П.: История языкознания; электронный ресурс; режим доступа: <http://lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt>; дата доступа: январь 2009.
- Стрижевская Н. И. Письма перспективы: О поэзии Иосифа Бродского. М., 1997.
- Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация.//Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
- Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция.//Метафора в языке и тексте. М., 1998.
- Титоне Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики. М., 1984.
- Торопцев А. П. Диалоги Сократа: легенда или реальность. М., 1984.
- Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 2002.
- Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики. М., 1986.
- Фатеева Н. А.. Открытая структура: некоторые наблюдения над развитием поэтического языка в конце XX века; электронный ресурс; режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/fateyeva.htm>; дата доступа: июнь 2011.
- Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб., 2003.
- Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания.//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. М., 1990.
- Фрегге Г. Смысл и денотат. Понятие и вещь. Семиотика и информатика. 1997, №35.
- Фролова М. А., Савенкова Е. В. От Хаоса к Мысли: метафора времени, время метафоры. Самара, 2002.
- Фромм Э. Искусство любить. СПб., 2001.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.,1997.

- Хайдеггер М. Время картины мира. М., 1985.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
- Chomsky N. Rules and representations. New York, 1980.
- Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
- Чернейко Л. О. «Языковые знания» и концептуальный анализ слова.//Научные доклады филологического факультета МГУ: Москва, 1998. Вып. 2.
- Чугунова С. А. Концептуализация времени в разных культурах. АДД. Тверь, 2009.
- Шерр Б. Строфика Бродского.//Поэтика Бродского. Нью-Йорк, 1986.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семисеологии русского языка. М., 1964.
- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. М., 2002.
- Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии.//Знамя, 2006, №1.
- Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика.//Структурализм: «за» и «против». М., 1971.
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия.//Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
- Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира.//Русский язык за рубежом. 1996, №1-2-3.

Словари и справочная литература:

- Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь (в 2-х томах). Новосибирск, 2000.
- Большой толковый словарь русского языка (Под ред. С.А.Кузнецова. СПб., 2000).
- БЭС «Языкознание». М., 1998.
- Гайденко П. П. Философская энциклопедия в 4-х томах. М., 2001.
- Ефремова Т. В. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка; электронный ресурс; режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-11594.htm>; дата доступа: январь-июнь 2011.
- Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
- Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997.
- Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. Под. ред. В.В.Морковкина. М., 1987.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985.

Национальный корпус русского языка; электронный ресурс; режим доступа:
<http://www.ruscorpora.ru/>; дата доступа: январь-июнь 2011.

Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А. А. Минск, 2009.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1, М., 1959.

Русский ассоциативный словарь; электронный ресурс; режим доступа:
http://softacademy.lnpu.edu.ua/Programs/Dictionaries/Karaulov_Preface.htm; дата доступа:
май-июнь 2011.

Русский ассоциативный словарь. Том I. От стимула к реакции. Том II. От реакции к стимулу. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997; 2003.

Словарь русского языка АН СССР (МАС) в 4-х томах (М., 1981-1984).

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений под ред. Н. Ф. Абрамова. М., 1999.

Словарь. Современная западная философия. М., 1991.

Сопоставительный русский ассоциативный словарь; электронный ресурс; режим доступа:
<http://nova.rambler.ru/saved?link>; дата доступа: май-июнь 2011.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. Том I. М. 1985.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. В 4т. М., 1998.

Толковый словарь русского языка (Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1938-1940).

Толковый словарь обществоведческих терминов; электронный ресурс; режим доступа:
http://www.slovarnik.ru/html_tsot/t/temporal5nost5.html; дата доступа: май-октябрь 2009.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Философский энциклопедический словарь. М., 2010.

Философия; электронный ресурс, режим доступа:
http://www.gumfak.ru/filos_html/spirkin/content.shtml; дата доступа: май-сентябрь 2010.

Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона; электронный ресурс; режим доступа:
http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron; дата доступа: май-июнь 2011.